

Библиотека англо-американской классической фантастики

ТУМАН НАД ВЕНЕРОЙ

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

«Дети Солнца»

ТУМАН НАД ВЕНЕРОЙ

Библиотека англо-американской классической фантастики

ТУМАН НАД ВЕНЕРОЙ

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

«БААКФ»
2015

БААКФ-10 (2015)

Клубное издание

Серия «Дети Солнца» (2). ТУМАН НАД ВЕНЕРОЙ.
Сборник фантастики о Венере.
(а.л.: 10,31)

Составление и перевод Андрея Бурцева.

Некоммерческий проект для ознакомления.
Предназначено исключительно для
культурно-просветительских целей.

© Бурцев А.Б., перевод, состав

© Бурцев А.Б., название серии: БААКФ — «Библиотека
англо-американской классической фантастики»

Изображение поверхности Венеры,
полученное СА «Венера 13» 1 марта 1982 г.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

ПЛАНЕТА БОЛОТ И ТУМАНОВ

Весь двадцатый век Венера считалась самой загадочной планетой Солнечной системы. По целому ряду причин. Во-первых, по размеру и силе тяжести она очень похожа на Землю. «Сестра Земли» – назвал ее в своей повести Пол Андерсон. Во-вторых, в отличие, например, от Марса, она покрыта толстым слоем облаков, поэтому об ее поверхности и условиях жизни оставалось лишь гадать. К тому же, по долго (отчасти и до сих пор) существовавшей гипотезе возраст планет определяется их расстоянием до Солнца: чем дальше планета, тем старше, а чем ближе – моложе. Поэтому Венеру многие фантасты заселяли всевозможными динозаврами и прочими животными из прошлого Земли. Или гигантскими насекомыми, что тоже указывает на ее «геологическую молодость» – сотню миллионов лет назад и на Земле насекомые были гораздо крупнее.

Этим грешили многие фантасты, как наши, так и зарубежные. Но, к счастью, не все, как можно увидеть из данного сборника. К счастью – потому что одно и то же читать было бы скучно и нудно. Я не отбирал намеренно произведения для сборника по этому критерию, но так получилось, что динозавров и гигантских насекомых в представленных здесь произведе-

ниях не найти. Зато есть другие, менее тривиальные сущности, хватает и приключений интересных идей и достаточно глубоких мыслей.

Авторы здесь собраны от очень известных, можно сказать, классиков фантастики (Джон Уиндем, Деймон Найт), до незнакомых нашим читателям вовсе (Форд Смит). Но незнакомые еще не значит – не интересные. В конце концов, цель данной Библиотеки, точнее, одна из целей, как раз и состоит в том, чтобы познакомиться с фантастами, до сих пор не попавшими в «поле интереса» наших издательств. Таких авторов тысячи, и, как минимум, сотня из них вполне заслуживает внимания и прочтения.

Например, Маргарет Сент-Клер. Из обширного ее творчества до сих пор было издано только пять рассказов. И этот капля в море. А ведь когда в далеком 1976 году я прочитал в журнале «Сельская молодежь» ее рассказ «Мальчик, который предсказывал землетрясения», он произвел на меня потрясающее впечатление. Я не сентиментальный человек, но каждый раз, когда я перечитывал этот рассказ – раз пять, наверное, не меньше, – мне хотелось плакать. Наверное, мало кто мог написать на не очень тогда модную тему грядущего Апокалипсиса, так тонко, без всякой чернухи, полунаmekом, но очень пронзительно.

Повесть «Венерианские приключения» – одно из первых произведений Джона Уиндема, который тогда еще печатался под своим настоящим именем, превратившимся в последствии в псевдоним – Джон Б(ейнон) Харрис. Но в ней еще проглядывает круг интересов будущего классика английской фантастики, столь громкоозвучавшего впоследствии в романах «День триффидов», «Хризалиды», да и в других произведениях. Это попытки представить различные пути развития человеческого общества. В данной повести попытка еще весьма робкая, но, без сомнения, удившаая и все такая же мрачная, несмотря на «хэппи энд».

Произведения Д. Найта и У. Кубилиуса, напротив, веселые, юмористические, хотя и с проглядывающим в них каким-то грустным подтекстом, хотя и по весьма разным причинам.

Но все произведения сборника объединяет одно. Венера в них – планета туманов и тайн, которые герои, по велению души или силою обстоятельств, пытаются разгадать. Разумеется, с современной научной точки зрения Венера совершенно иная, хотя это до сих пор не факт, а всего лишь предположения. Но сила художественных произведений не в том, насколько близко подошли фантасты к разгадке истины, а как точно они сумели изобразить какие-то движения извилистых человеческих душ. И я считаю, что все авторы этого сборника преуспели в этих начинаниях.

Еще хочу добавить, что данный сборник, как и все коллективные сборники «Библиотеки» составлен преимущественно из авторов, которым уже были (или еще будут) посвящены отдельные тома. Так что, читая его, вы можете немного представить, что вас ждет впереди.

Андрей Бурцев

ADVENTURES OF FUTURE SCIENCE

May

WONDER Stories

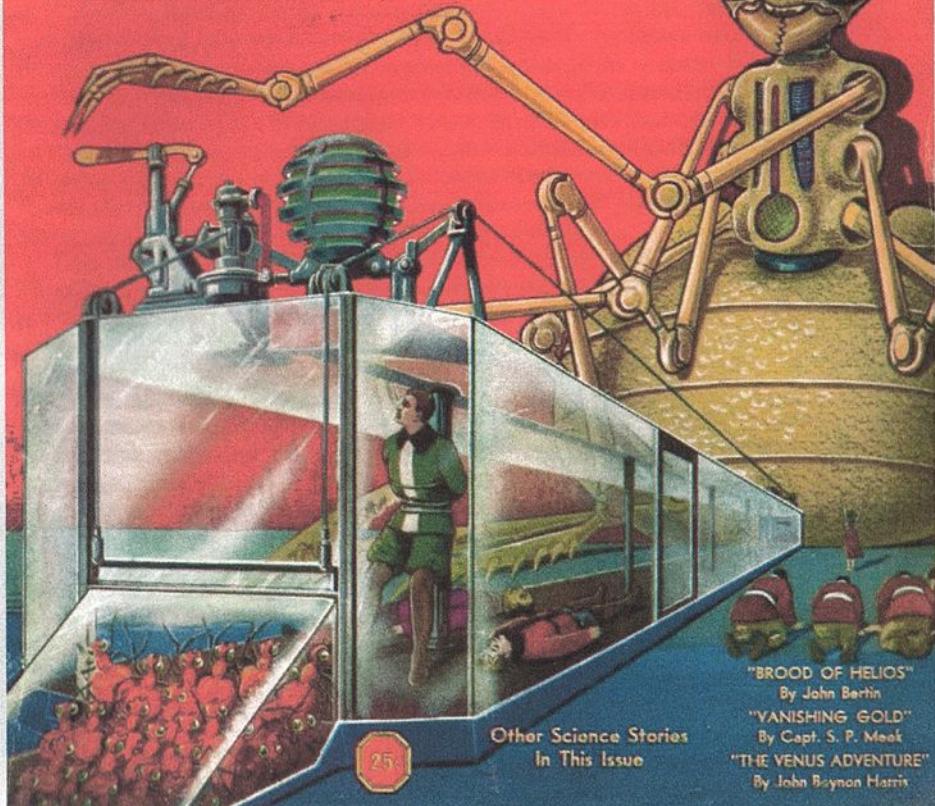

"THE MOON MISTRESS"

by Raymond Gallun

HUGO GERNSBACK

Editor

25

Other Science Stories
In This Issue

"BROOD OF HELIOS"
By John Berlin

"VANISHING GOLD"
By Capt. S. P. Meek

"THE VENUS ADVENTURE"
By John Beaynon Harris

ДЖОН Б. ХАРРИС
(ДЖОН УИНДЕМ)

ВЕНЕРИАНСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ГЛАВА I. Ной

ВОЗМОЖНО, ВЫ читали в исторических книгах о Джозефе Уотсоне или, как он позже назвал себя, Ноэ Уотсоне, но, вероятно, нашли лишь обрывистые сведения об его подвигах. Но история продолжается. Мы оставляем за собой все более и более длинные записи, а поскольку все события должны быть показаны в перспективе, то приходится сокращать много незначительных сведений.

Один специалист, или даже группа не может изучить всю человеческую историю. Она слишком обширна. Поэтому теперь, в 2926 году нашей эры, приходится делать выжимку событий и сводить все к главным фактам и причинам, и в результате множество дат и сведений хранятся теперь лишь в библиотеках и музеях.

И никто, кроме, разве что, его последователей, не считает Джозефа Уотсона мировой величиной, хотя, в свое время, он без сомнения был значительной фигурой.

Родился он в Шотландии в мае 2104 года. Роды были естественными, поскольку в сельских северных районах народ все еще цеплялся с пуританским упрямством за суеверия, что дети, вынашиваемые в инкубаторах, обязательно будут неправильными.

В брошюрах их общества публиковались поддельные, вредные доказательства, что ни у какого искусственно выношенного ребенка не может быть души. Эти брошюры распространялись в громадном количестве и оказывали огромный эффект на полуобразованное и бесхитростное население. Такие предубеждения очень живучи, и даже сегодня иногда можно услышать о разных атавизмах вплоть до естественных родов, происходящих в отдаленных уголках Земли.

Мать Уотсона заплатила за свою необразованность и доверчивость, умерев во время рождения сына — что частенько случалось при примитивном способе воспроизведения, и то, что она отдала свою жизнь ради него, оставило неизгладимое впечатление на характер мальчика. Как сообщают, на протяжении

всех школьных лет он был подростком, склонным к самоанализу, не без вспышек «ложной гениальности». Термин «ложная гениальность» весьма запутанный и сложный для понимания, но без сомнения, так описывали его странный регрессирующий кругозор, являющийся причиной твердой приверженности принципам, от которых общество давно отказалось.

Во время его обучения в университете у него началась фаза энтузиазма, которая будет ныне мало кому понятна, поэтому требует некоторого разъяснения.

В 2123 году вера, которой придерживается сегодня весь мир, о Фундаментальном Порядке или Первичном Происхождении, исповедовалась лишь маленькой группой энтузиастов. Остальная часть Человечества соглашалась лишь с отдельными фрагментами целого, поэтому каждая община или течение оплетала эти фрагменты различными наборами обычаем и суеверий, на которых основывалось то, что называется «религией». Эти «религии», следует сказать, имели одну и ту же основу, но отличались по форме в зависимости от того, в каком климате и прочих условиях жили породившие их народы. Так, в холодных странах «религия» была строгой и суровой, а в жарких более красочной и менее практической.

Джозеф Уотсон, пуританин в душе, собрал вокруг себя группу подобных юношей и покинул университет с твердой решимостью начать «Возрождение».

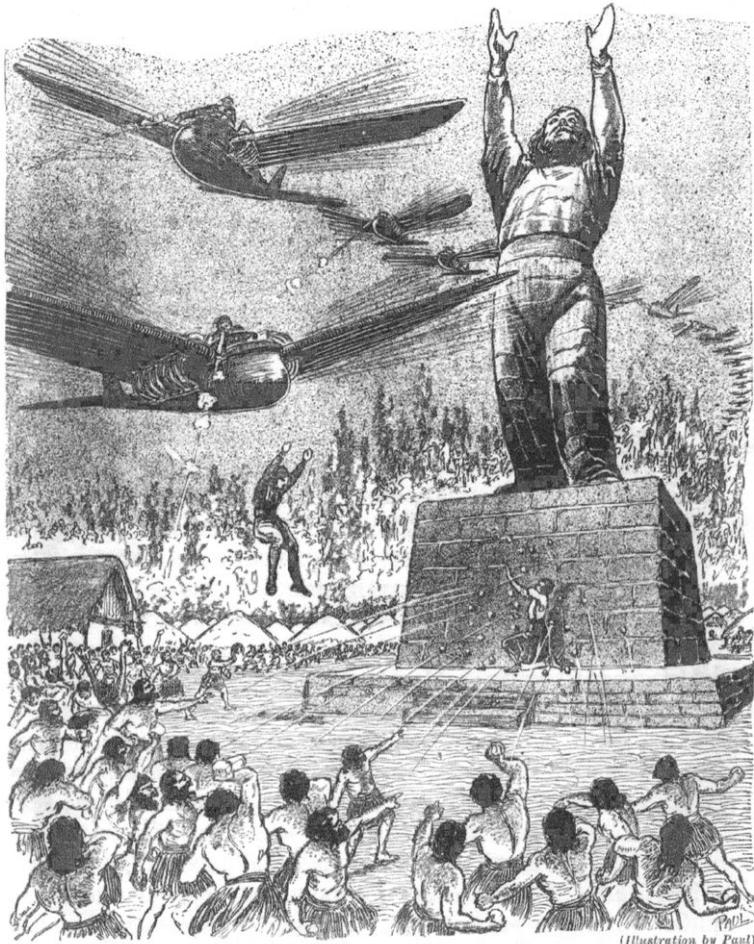
Свою кампанию он начал с поддержки «Общества Противников Инкубаторов». Трудно было понять, какие умственные завихрения толкнули его на то, возможно, в этом была виновна смерть его матери, но без сомнения, эти взгляды подвигли его придумать более поздний призыв: «За право природы!»

ОТСЮДА НАЧАЛСЯ успех его собраний. Свидетель одного из самых первых написал: «Высокая, худощавая фигура Джозефа Уотсона, когда он появлялся на трибуне, производила впечатление на любого человека. Он начинал говорить обманчиво тихим голосом, мягким тоном, но по мере продолжения речи, все это менялось. Копна светлых волос взлетала от резких, выразительных жестов, голос с шотландским акцентом звучно разносился по всему залу. По мере роста энтузиазма глаза начинали пылать огнем, и нетрудно было представить, что они смотрят сквозь аудиторию в каком-то мистическом озарении. Я могу утверждать, что во всем зале не было ни единого мужчины или женщины, которые хотя бы на время не попадали под его влияние».

Слава Уотсона росла от успеха к успеху. Его собрания уже стали охраняться специальными полицейскими подразделениями,

THE VENUS ADVENTURE

By John Beynon Harris

(Illustration by Paul)

The Wots seemed to break the spell that held them. They flung back their arms and a volley of stone flew through the air toward the lonely figure.

сдерживающими напор толпы. Народ буквально осаждал переполненные залы, стремясь услышать его хотя бы из динамиков. «Общество Противников Инкубаторов» сумело развить в Шотландии активность, превосходящую самые смелые мечты его руководителей. Деньги лились рекой в его фонды, пока Общество не превратилось в силу, с которой были вынуждены считаться. И

сложилось такое положение, что все, пожинающие этот золотой урожай, зависели от слов Уотсона.

«Это является правом природы!» – ревел Уотсон и затем бичевал вивисекцию, вакцины, контроль за рождаемостью, любителей алкоголя, курильщиков, игроков и, в первую очередь, своих старых врагов – сторонников инкубаторов.

В конце каждый встречи он внезапно утрачивал свой свирепый пыл и, вечно заставая аудиторию врасплох, падал на колени в молитве.

Три года спустя в его сторонниках энтузиазм достиг такой силы, что маленькой Шотландии их было уже не удержать.

В Глазго толпа прямо с собрания направилась в местный Дом Инкубаторов и разрушила его от подвала до крыши. Мало того, что был причинен значительный материальный ущерб, это стало прецедентом, который принял горячо обсуждать весь цивилизованный мир. Если коротко, то предмет спора можно было сформулировать так: «Является или нет убийством уничтожение плода, который вынашивается в инкубаторе?»

Затем подобное нападение было предпринято в Эдинбурге. Толпу там, правда, удалось разогнать, но были жертвы как среди нападавших, так и в рядах полиции.

В Данди слишком восторженные последователи Уотсона попытались ввести «сухой закон», при помощи разгрома всех лицензированных питейных заведений. По улице лились реки напитков, а головы полицейских казались самым удобным местом, о которое можно разбивать бутылки.

Правительство стало принимать меры, и было выписано множество ордеров на арест как последователей Уотсона, так и самого адепта, как подстрекателей волнений в большинстве городов Шотландии. Правда, Уотсона так и не удалось арестовать, он попросту исчез. И правительство избавилось от множества проблем, вызванных его действиями.

ЗАТЕМ ЛЕТ СЕМЬ спустя он появился в Америке. Точная дата его прибытия, как и то, чем он занимался эти семь лет, навсегда остались тайной. Кроме того, он больше не был Джозефом Уотсоном, а выбрал себе новое имя – Ной Уотсон, хотя никто так же не знал, чем он руководствовался, выбирая себе это прозвище. Однако, было точно известно, что Джозеф и Ной Уотсон один и тот же человек, так как любой, кто хоть раз видел его, уже никогда бы не смог перепутать.

Он все еще бичевал различные организации и общества, которые пытались изменить природу к лучшему, но теперь стал более расплывчатым в обвинениях зла, и более яростным в своих

предупреждениях о «грядущих испытаниях». Всего лишь за несколько лет, он бросил благодатное семя идеи, которое в его кипучем уме выросло в мысль, что мир вскоре рухнет или, по крайней мере, будет «наказан за творимое зло» какой-то всеобщей катастрофой.

Теперь нам может показаться странным, когда человек не только сам верит в подобные вещи, но и убеждает других в своей правоте. Однако нужно помнить, что в двадцать втором веке наши знания об окружающем мире, как и многие другие знания, находились в крайнеrudиментарном состоянии. Любой человек мог предсказать конец света и обнаружить, что даже образованные люди верят в его пророчество, не требуя особых доказательств.

Уотсону не нужно было объяснять, откуда он получил информацию о землетрясениях «Судного дня». Он просто заявил, что скоро они начнутся. И призвал всех раскаяться, утверждая, что все люди грешники, даже если они и не подозревают об этом.

— Но亞, — сказал этот новый Ной, — послали предупредить мир о грядущем Потопе. Вы читали, что произошло с теми, кто ему не поверил. Теперь вас предупреждаю я. Вы забыли, как насмеялись над Ноем? Хотите так же насмехаться и над моим предупреждением?

Но его вторая кампания не достигла вершин успеха шотландских дней. Возможно, в ней не хватало сентиментальности. А может, момент был выбран не совсем удачно. На его собраниях, хотя и многолюдных, не доставало тишины тех, прошлых собраний, где аудитория, замерев, ловила каждое его слово. Теперь же некоторые посещали эти собрания специально для того, чтобы насмехаться, и частенько прерывали его вопросом:

— А где твой Ковчег, Ной?

Многие смеялись. Уотсон начинал путаться и терять нить беседы, когда из разных концов зала начинали кричать: «Да, где твой Ковчег? Покажи нам свой Ковчег, Ной!» А как-то раз кто-то в задних рядах начал распевать: «И каждой твари по паре», после чего собрание закончилось всеобщим шумом.

Несколько раз Уотсон даже выходил из себя.

— У меня есть Ковчег! — ревел он в ответ. — У меня есть Ковчег, и когда я спасусь, вы еще пожалеете, что не верили! Вас не будет на нем — вы будете гореть в ад... Все вы!

Уотсон говорил правду. У него был Ковчег.

В 2133 году, в самом начале своей кампании «Конец света» он ухитрился встретиться с Генри Хедингтоном, и с самого начала ему удалось произвести впечатление на этого джентльмена. Хедингтон входил в число самых богатых людей мира. Его авиационные заводы в Чикаго представляли собой такую сеть, что никто не

мог оценить его богатство. Точнее, пока проводились подобные вычисления, стоимость акций менялась настолько, что все оценки становились бессмысленными. Он застраховал все вокруг себя, как и все богатые люди того времени, включая своих секретарей и охранников, но Уотсону удалось не только сблизиться с ним, но и завербовать его в качестве своего сторонника.

ГЛАВА II. В неизвестное

ГЕНРИ ХЕДИНГТОН не очень-то волновался о будущем своей души, о которой так переживал Уотсон, но не хотел лишаться комфорта своей нынешней жизни, если Земле предстояло взорваться. В ходе серьезных бесед, проходивших между этими двумя людьми, Хеддингтон все более убеждался, пока его вера не стала столь же крепкой, что и у Уотсона. Но у Генри был иной характер. В конце одной встречи он медленно затушил одну сигару (которые совсем не одобрял Уотсон) и стал оценивающе разглядывать новую.

— Вы много выступаете, — сказал он. — Вы призываете людей раскаяться. Может, они и раскаются, а может, и нет, но делу это не поможет, когда начнется конец света. Конечно, у вас есть ораторский талант, а я люблю талантливых людей, но я человек совершенно иного склада. Я не люблю болтать, я действую.

И Хеддингтон начал действовать. Были собраны и проинструктированы все его лучшие специалисты, и через несколько недель первые плоды их усилий начали быть видны в виде гигантского ангар, построенного в дальнем конце Экспериментального Ракетодрома Хеддингтона. Были привезены тонны различные материалов и припасов, и окружающие перешептывались, строя догадки относительно их назначения. Было очевидно, что ангар предназначался для невиданного до сих пор воздушного корабля. Слухи о нем ползли и множились, поскольку ни одно дело не могло обойтись без слухов.

Одни говорили о его намерении построить самый большой стратосферный самолет в мире. Другие высказывались, что старик Хеддингтон сошел с ума и решил добраться до Луны. Однако, всеобщее мнение сходилось на том, что все предприятие окончится колossalным провалом. Было ясно, что такое количество груза еще никогда не поднималось в воздух, а даже если и поднялось бы, то процент полезного груза был бы при этом мизерным.

Но работы устойчиво продолжались. Проектировщики потели в офисах над сложными чертежами, пока не начинали болеть их спины и глаза. Может, они и скептически относились к распоряжениям своего босса, но не показывали этого. Оплата

была хорошей, но что еще важнее для творческих людей, большую часть жизни потративших на конструирование типовых самолетов, это представленная им полная свобода. Их больше не связывали законы об ограничении уровня шума, размеров и расположении пассажирских кают и многих других мелочах, вечно портивших кровь конструкторам.

На сей раз их творение должно стать совершенным, поэтому ничто не ограничивало им смету. За этим проектом стояли все богатства Хедингтона, поэтому опасаться было нечего. И все конструкторы бешено чертили чертежи за чертежами, в безумном опьянении от того, что воплощались в жизнь их самые смелые мечты.

У модельщиков на литейных заводах были свои проблемы, заставлявшие их ругаться и «чесать репу», но постепенно они тоже прониклись всеобщим энтузиазмом. Производителям инструментов заказывали такие хитроумные станки, что они приходили в полный восторг, наконец-то дорвавшись до свободного творчества. Металлурги с радостью придумывали новые сплавы, которые прежде считались слишком дорогими для практического применения, и постепенно в громадном ангаре начала появляться невиданная машина.

Хедингтон начинал все больше верить в Уотсона, которого считал уже не малозначительным пророком, а настоящим талисманом удачи. Он настаивал, чтобы реформатор все чаще посещал строительство и наблюдал за ведущимися работами.

— Этот будет настоящее чудо. Еще никто за всю историю Человечества не пробовал построить подобное, — как-то с гордостью сказал миллионер.

— Ковчег, — пробормотал Уотсон.

Его глаза затуманились, словно он смотрел вглубь времен, в далекое прошлое на другой Ковчег, стоящий на горе, чтобы спасти верующих.

КОГДА «КОВЧЕГ» был завершен, то его сразу же приговорили все без исключения правительственные инспекции. Ему даже не разрешили испытательный полет, а некоторые доходили до того, что требовали разрушить его, чтобы никто не поддался искущению поднять его в воздух, нарушив общественную безопасность. Хедингтон направил все свои финансы и влияние, чтобы рассеять опасность этой мнимой угрозы, но даже с его поддержкой не была предоставлена лицензия на этот корабль.

Поэтому «Ковчег» много месяцев простоял в ангаре. Он был полностью готов и загружен припасами и всем необходимым. Вера Хедингтона в Уотсона не пострадала, даже многие из инженеров

и техников заразились ею, хотя сам «Ковчег» постепенно становился посмешищем для всего мира. Во всех газетах появились фотографии громадного ангара. Там же были напечатаны многочисленные статьи о страхах и намерениях его владельца, а также его уверенности в том, что он еще пригодится. Как только стало известно о связи Хедингтона с Уотсоном, над «пророком» стали в открытую глумиться на собраниях, и на эту парочку даже писали карикатуры. Практически, весь мир относился к новому «Ковчегу» точно так же, как когда-то к старому.

А затем жена Уотсона, женщина такая же фанатичная, как и ее муж, публично заявила, что у нее было видение.

— И в моем видении, — кричала она, — весь мир был объят пламенем! Творимое людьми зло раскололо его на куски, и пламя вырвалось из расселин, превращая океаны в облака пара, и сжигая сушу огненными волнами. Я затрепетала при виде кары, которая обрушится на грешников, и чей-то голос прошептал мне в самое ухо: «В ноябре, — сказал он. — Двадцать второго ноября».

В наши дни разума и порядка невозможно представить себе, какое впечатление могут произвести на весь мир такие непроверенные заявления. Некоторые люди оказались достаточно умны, чтобы заметить, какой бред несет эта женщина, но имена Хедингтона и Уотсона были у всех на слуху, поэтому ее заявление мгновенно распространилось по всему свету, чтобы во всех странах стать либо предметом опасливых обсуждений, либо скептических насмешек.

Но была одна группа, которая отнеслась к нему серьезно, не обсуждая и не оспаривая его, а сразу принял как факт. Хедингтон форсировал последние приготовления, так как стоял уже конец сентября. Уотсон произносил все более страстные речи, и собрания его становились все более бурными и уже редко заканчивались без вмешательства полиции. Сохранились его фотографии тех дней, когда он стоял, воздев к небу руки в порыве красноречия, а его жена стояла рядом на сцене на коленях, взывая к аудитории и умоляя людей покаяться.

За месяц до того, как должна была произойти катастрофа, полиция запретила собрания, и Уотсон с женой больше не появлялись на людях.

Все надолго запомнили ночь с двадцать первого ноября 2134 года. Во всем мире люди кучковались, чтобы ждать известно чего или молиться, никто не ложился спать, потому что смерть лучше встретить прилично одетым, чем в нижнем белье, даже если эта смерть будет очень быстрой.

К счастью, остался в живых наблюдатель заключительных сцен в большом ангаре «Ковчега» и смог потом поведать людям о том, что там произошло.

«Хедингтон собрал всю свою семью, большинство инженеров и проектировщиков и даже многих рабочих в дополнение к команде «Ковчега» и их родственников. Все стояли с маленькими узелками в руках и глядели на громадный корабль.

Как только наступила полночь, в ангаре повисла абсолютная тишина. Группа людей, включая Хедингтона, Уотсона, миссис Уотсон и несколько доверенных лиц, затаив дыхание глядели на массивную каменную тумбу. На тумбе был установлен сейсмограф, и глаза собравшихся не отрывались от стрелки прибора.

Прошел час. Тишина стала такой зловещей, что все мечтали заплатить сколь угодно, лишь бы она нарушилась. Но, тем не менее, никто не издавал ни звука. Лишь изредка кто-то переминался в этой гулкой тишине с ноги на ногу у входа в корабль.

Внезапно все вздохнули. Стрелка дрогнула? Все еще ближе подались к сейсмографу. Стрелка дрогнула еще раз, теперь явно и очевидно. Тишина кончилась. Все панически ринулись в безопасность «Ковчега».

Не стоило и говорить о том, как улетел «Ковчег». Все были в таком ужасе, что даже не подумали раздвинуть потолок ангара. Ангар был разнесен на куски, и большинство из стоявших снаружи погибли. Но оставшиеся в живых никогда не видели более величественного и внушающего страх зрелища, чем взлет этого чудовищного корабля. Изогнутый огненный хвост потянулся за ним, освещая местность вокруг на много километров, точно свет искусственной кометы. Опаляя землю, она ушла, в огне и славе, к далеким звездам.

На самом деле не последовало никакого конца света. Взлет «Ковчега» был вызван небольшим землетрясением в Тихом океане за несколько минут до этого. Остальное дополнило воображение, но поскольку далее не появилось никаких других признаков катастрофы, об этой истории постепенно все забыли, как и о миллионах других историй, канувших в прошлое.

Некоторые утверждали, что «Ковчегу» все-таки удалось преодолеть притяжение Земли, а значит, этот подвиг можно повторить, но никто не знал, как именно это было совершено. Химики, конструкторы и инженеры улетели на корабле, унеся с собой свои знания и чертежи.

И только после знаменитой экспедиции Хэла Ньютона стало известно о судьбе «Ковчега».

ГЛАВА III. Первые планы

ИСТОРИЯ ХЭЛА Ньютона начинается спустя больше года после того, как он женился на Давиде Джонсон, известной теперь

всему миру под именем Вида. Они оба покинули инкубаторы в течение месяца друг после друга. В детстве вместе играли и проводили время. Оба развивали блестящий ум вплоть до весны 2920 года, когда решили сочетаться браком.

Хэл как раз закончил колледж, став самым молодым пилотом ракеты нового поколения. Гром ракет казался ему пульсацией самой жизни, и он водил мощные самолеты так, словно между ним и машиной существовало полное взаимопонимание. Человек и машина показывали пример превосходного сотрудничества.

Вида была чуть менее выдающейся в избранной ей профессии химика. Все ей давалось легко, что вызывало зависть подруг и изумление преподавателей, потому что месяцы требовались ей на то, на что у других уходили годы. Уже в двадцать четыре года она совершила интересные открытия, и ей прочили блестящее будущее. Она могла стремглав нестись там, где остальные едва тащились.

Мысль о браке не была особо популярна у них обоих – слишком много разбитых сердецпало к ногам Виды, и слишком много вздохов слышал за спиной молодой Хэл, но никто не сомневался, что их связь будет успешной.

Еще целый год они занимались каждый своим делом. Хэл носился по небу, пока что не выходя за пределы стратосферы, но воображение постоянно уносило его к звездам. Вида возилась с химикатами и мечтала о будущем, весьма отличающимся от того, которое готовила ей судьба.

Затем умер великий Гордон Джонсон, отец Виды, и все его миллионы перешли к ней.

Пятого июля 2922 года большое предприятие Ньютонов получило первый легкий толчок, в итоге забросивший их в космос.

Ньютоны с гостями как раз закончили великолепный обед и перешли в другой зал к кофе и сигарам. Во время еды Ньютон казался слегка озабоченным, а теперь завел разговор о том, что давно таилось у него в глубине душе.

– Мы с Видой хотим кое-что рассказать вам, – сказал он гостям.
– Это не будет простой небольшой прогулкой, поэтому я прошу всех не давать сразу окончательного ответа – такие вещи лучше как следует обдумать.

Несколько секунд он рассматривал своих гостей. Здесь был биолог Темберли, тридцатилетний, но уже немножко лысеющий, близорукий и резкими движениями напоминающий птицу. Рядом с ним сидел большой Билл Краушоу. Отец Билла был одним из последних известных исследователей, и его сын, без сомнения, последует по его стопам, исследуя последние неизученные уголки Земли.

Но пока что он был вынужден заниматься доставшимися ему по наследству предприятиями. И, наконец, здесь была Люси Крамер с лицом мадонны, скрывающим гениального химика, почти равного по талантам Виде.

— Вот мое предложение, — продолжил, наконец, Хэл. — Вида открыла замечательное взрывчатое вещество, которое, как мы считаем, может решить проблему борьбы с земным притяжением. Меня с самого детства тянуло в космос. С открытием Виды и специальным кораблем, который я уже почти закончил конструировать, мне кажется, это стало возможным. А теперь о самом предложении. Хотите ли вы полететь вместе с нами?

Наступила пауза, во время которой все молчали. Затем Хэл продолжал:

— Конечно, я не могу гарантировать вам совершенно безопасный полет. Существует множество известных опасностей, а также тысячи неизвестных, но мы с Видой верим в себя достаточно, чтобы рискнуть, и хотим знать, верите ли в нас вы.

БИОЛОГ поглядел на него с сомнением.

— Э-э... Я не вполне понимаю, что полезного могу сделать в космосе. В конце концов, я не думаю, что вы найдете там какие-нибудь формы жизни... хотя это, конечно, не исключено, — поспешно добавил он.

Вида поглядела на него и ободряюще улыбнулась.

— Мы ничего не утверждаем, но, видите ли, мы не собираемся болтаться в открытом космосе. Мы планируем сделать посадку.

— Куда? — спросили одновременно Темберли и Краушоу.

— На Венеру, — ответила Вида, бросив быстрый взгляд на мужа.

— Я сначала думал о Марсе, — признался Хэл, — но Вида переубедила меня. Думаю, она была права, когда сказала, что неблагородно в первом полете высаживаться на мертвый или умирающий мир, где может быть мало кислорода. Потому что для обратного полета, скорее всего, придется сделать кое-какую реорганизацию, в частности, пополнить запасы воздуха, а на Марсе это может оказаться проблемой.

— А там будет возможность для хорошей спортивной охоты? — спросил Краушоу.

— Дорогой Билл, что я могу тебе сказать? Должен признаться, что, по самым грубым оценкам, ты можешь получить больше, чем думаешь. Полагают, что Венера — первобытная планета, и там могут обитать рептилии. А пытаться попасть в мозг размером с греческий орех, даже из винтовки с реактивными патронами, — задача для очень меткого стрелка.

Билл просиял.

— Я твой, Хэл! — воскликнул он.

— Прекрасно. Но не мнишь, если захочешь передумать.

— Нет, не захочу.

— А что думаешь об этом ты, Терн? — спросил Хэл.

Глаза Темберли задумчиво обежали комнату, словно в поисках вдохновения.

— Ну... э-э... — протянул он.

Вида не выдержала. Спросив раздраженным взглядом одобрения мужа, она повернулась к девушке, сидящей возле нее.

— Люси?

— Конечно, — ответила Люси мягким, спокойным голосом, вполне соответствующим выражению ее лица.

Темберли тут же пробормотал, что он тоже вступает в группу.

Остальная часть вечера была потрачена на распределение обязанностей. Хэл, разумеется, должен быть главным пилотом, а также нанять себе в помощники человека по имени Хеердал. Растения для очищения воздуха, тестеры атмосферы, запасы пищи — это было делом Виды и Люси. Кроушоу должен был позаботиться о боеприпасах и оружии. Темберли занялся составлением списка оборудования для биологических исследований.

— Кому-то нужно поручить вести полный отчет экспедиции, — объявила Вида.

Кроушоу внезапно покраснел.

— Я знаю человека, подходящего для этой работы, — заявил он.

— Много опыта и прекрасные разносторонние знания. Нет никого лучше...если она согласится, — с сомнением добавил он.

— Она? — спросил Хэл. — Что такое, Билл? Кто это она?

— Наверное, ты слышал о ней... Фрида Линден.

Вида вздохнула с облегчением. За Биллом Кроушоу тянулась слава человека, ведущего весьма эксцентричные знакомства.

— Я видела ее, — сказала Вида. — Вероятно, она подойдет.

— Остается еще три вакансии, — заметил Хэл. — Их должны занять мужчины-техники — два инженера и электрик.

Разошлись они поздно. Были распределены все обязанности, и каждый принял их с радостью, которая согрела душу Хэла. Он проводил гостей, чувствуя привязанность к этим людям, которые хотели помочь реализации его мечты.

— Спасибо вам, дорогие мои, — сказал он на прощание. — Я должен был заранее знать, что вы ответите.

Но Вида растерянно глядела куда-то вдаль.

— А знаешь, дорогой, — сказала она, — есть еще одна вещь, которую мы должны сделать, прежде чем риннемся в это приключение.

— Да много чего еще предстоит нам сделать. Что ты имеешь в виду?

— Мы должны поехать на родину и арендовать инкубатор.

ГЛАВА IV. На Венеру

В ТЕЧЕНИЕ следующих нескольких месяцев на Ньютонов навалилась куча хлопот и забот. Прибывали готовые детали корабля. Сплав для дюз оказался некачественным, и пришлось все переделывать. Джонит — новое взрывчатое вещество Виды, — предстояло сделать более устойчивым. Но постепенно, в течение года, начала обретать реальные черты «Нация».

Хэл собрал всю группу, провел ее по кораблю и попросил советов относительно устройства внутренней обстановки. Корабль был сто футов в длину, в нем находилось несколько кают, гостиная с иллюминаторами из кварцевого стекла, камбуз, кладовая и небольшая лаборатория с оборудованием для химика, биолога и фотографа. Вида и Люси тут же раскритиковали камбуз и потребовали изменений. Кроуфорд сказал, что нужны стойки для оружия вдоль стены, «на всякий случай».

Но оказалось, что очень мало подобных деталей избежало внимания Хэла. Все поразились изобретательному избавлению от топливных баков и компактности двигателей, которые должны привести корабль по космосу. Кроушоу оценил простоту пульта управления и сопутствующее множество приборов для регистрации давления в различных дюзах ракеты. Они выглядели, подумал он, скорее как смесь пишущей машинки и коллекции часов, чем как нервная система корабля, от которой зависели их жизни. Но он пожал плечами и пошел дальше, так как все это не было в компетенции Кроушоу. С одобрением он осмотрел арсенал и ящики с боеприпасами.

Когда они вышли из корабля, Кроушоу пристально поглядел на сияющий корпус, чувствуя громадное уважение к чудесам компактности и комфорта. На глаза ему попалось название, написанное большими буквами на борту корабля.

— Почему «Нация»? — тут же спросил он.

— Изначально это слово означает «пламенный», — пояснил Хэл. — А корабль будет лететь на вершине огненного столба.

В конце июня 1923 года было объявлено, что корабль готов к испытательному полету. До сих пор работы велись если не втайне, то, по крайней мере, без всякой огласки, но об испытаниях «Нации» было написано на первых полосах всех газет, что неизбежно привлекло внимание к Ньютонам. Репортеры увидели возможность сенсации в новом крылатом корабле, который с невероятной скоростью пронесся по небу. Они посмотрели, как он, словно серебряный лучик с ревущими алыми дюзами пролетел

и приземлился на летном поле, наскоро собрали информацию и помчались по своим редакциям.

«НОВЫЙ РАССВЕТ В ИСТОРИИ АВИАЦИИ...»

«ЭПОХАЛЬНОЕ ОТКРЫТИЕ, СДЕЛАННОЕ МОЛОДЫМ ПИЛОТОМ...»

«ДО НАСТОЯЩЕГО МОМЕНТА О ТАКИХ СКОРОСТЯХ В НИЗКИХ СЛОЯХ АТМОФЕРЫ НИКТО И НЕ МЕЧТАЛ...»
— захлебывались газеты.

Хэл отказался дать информацию. Он лишь сказал, что просто проводил эксперименты и не имел намерения публиковать их результаты. Однако правда просочилась неизвестно из каких источников.

«Хэл Ньютон собирается бросить вызов космосу...»

Была опубликована даже дата его предстоящего отлета.

«Двадцатого августа Хэл Ньютон совершил попытку достичнуть Луны», — было написано в одной из газет.

Люди не относились к этому скептически, поскольку верили в способность человека завоевать космос. Фактически, они так привыкли к этой мысли, что их стали раздражать многочисленные неудачные попытки. В газетах был опубликован список предшественников Хэла. Был Йорсен, который упал в Тихий океан. О Крейге, как и о Хедингтоне, вообще больше никто ничего не услышал. Были пилоты, которые взорвались вместе со своими аппаратами. Например, Симпсон, рухнувший на Чикаго и уничтоживший пятую часть города. Так что, благодаря стараниям прессы, вкупе с незддоровым стремлением последний раз поглядеть на обреченных людей, двадцатого августа огромная толпа народа окружила ангар Ньютона.

И она была более, чем разочарована, когда пронеслось известие, что «Нация» стартовала днем раньше.

К ВЕЧЕРУ девятнадцатого все было готово, но Хэл держал эту дату в строжайшем секрете.

Они с Видой ждали остальных на борту корабля. Первыми приехали два превосходных инженера Маккей и Фримен.

Затем, с грохочущей одноместной спортивной ракете его собственной конструкции прилетел второй пилот Хейердал. Потом появился Билл Кроушоу в сопровождении маленький Фриды Линден, чуть ли не вдвое меньше своего кавалера и второе самоуверенное. Электрик Смит споткнулся о порог шлюза «Нации», принес извинения за опоздание и только затем обнаружил, что появился вовремя и еще даже не все собрались. Появившаяся за ним Люси Крамер объяснила, что Темберли внезапно вспомнил о чем-то в самый последний момент и вернулся за этим. Он появился

буквально минут через десять в подавленном состоянии, так как не сумел отыскать забытую вещь.

— Все в сбое, — сказал Хэл, обведя взглядом собравшихся. — Все десять здесь. Нет никакого смысла в дальнейшей отсрочке.

Он высыпался из люка, махнул на прощание небольшой группе пилотов и инженеров, с завистью глядевших на корабль, затем закрыл и плотно запер входной герметический люк.

— Все по кушеткам... И не забудьте пристегнуть ремни безопасности.

По пути к собственной кушетке Вида легонько пожала мужу руку. Тот ответил ей ободряющей улыбкой.

— У нас все получится, любимая.

Потом он еще раз обвел взглядом помещение, чтобы убедиться, что все люди на местах, а все вещи закреплены.

— Готовы? — спросил он.

Все лежали на кушетках, чтобы обезопаситься от мощного ускорения. Хэл занял пилотское кресло, застегнул ремни безопасности и положил руки на пульт управления.

— Поехали!

Он нажал кнопки. И ракета авантюристов с Земли пробила атмосферу и устремилась в открытый космос.

О САМОМ ПОЛЕТЕ было почти нечего сказать. Несомненно, в дальнейшем подобные корабли будут более обустроены, и совершать такие перелеты люди смогут в более комфортабельных условиях, причем от них потребуется гораздо меньше выносливости, чем в настоящее время. Человеческий организм плохо приспособлен к изменениям силы тяжести, ускорению или торможению, но результаты их действия не слишком серьезны. Через несколько дней полета обитатели «Нации» уже смогли пытаться без особых проблем.

Еще менее значительными эти эффекты оказались на обоих пилотах и инженерах. За годы обучения и практики они узнали, как лучше всего сопротивляться этому и поскорее привыкнуть. Про остальных можно сказать, что из-за невесомости их мучила поначалу морская болезнь, и некоторые даже жалели, что не умерли еще до отлета дома, в мягкой постели. Но, несмотря на отдельные недостатки, человеческий организм является самым приспособляемым из всех, что мы знаем.

Через пять дней все уже недоумевали, почему поначалу принимали так близко к сердцу некоторые неудобства, и давали себе клятвы, что этого больше не повторится. Клятвы, которые можно нарушать столь же легко, как и давать.

Сначала путешественников занимала новизна окружения. Пустая тьма космоса с бесчисленными искорками звезд, Солнце, яростно пылающее, уползло постепенно в бок, поскольку они летели по обширной кривой, чтобы в нужное время пересечь орбиту Венеры. Но вскоре новизна исчезла, все стало скучным, и люди, отлипнув от иллюминаторов, принялись искать себе занятия.

Все без исключения признали, что первые две недели на борту «Нации» стали для всех жестоким тестом на приспособляемость. Но никто так и не привык к новому окружению настолько, чтобы успокоиться и забыть о пустоте снаружи. Все беспокоились и хотели бы, чтобы корабль летел как можно быстрее, чтобы закончился этот полет. В путевом журнале Хэл написал, что восхищается сдержанностью, которую проявили все пассажиры, избегая открытых ссор друг с другом.

Но все плохое рано или поздно заканчивается. По расчетам Хэла на полет требовался месяц. И настал день, когда он объявил, что корабль пролетел половину пути, словно в космосе была какая-то невидимая веха. Все восприняли это сообщение так, словно до этого момента не верили в реальность полета и в то, что впереди их ждала Венера со своими проблемами и трудностями. Все единодушно отбросили уныние, словно очнулись от летаргического сна, и принялись за работу.

Кроушо проверил все оружие на складе. Темберли перебрал фотопленки и контейнеры для образцов. Все начали воспринимать невесомость с сопутствующими неудобствами как легкий дискомфорт, а не повод для постоянного недовольства. Хэл с удовлетворением смотрел, как улучшается моральный климат на корабле. Он знал, что на самом деле они являлись прекрасным экипажем, он сам заботливо выбрал их, но в начале пути он и сам начал было сомневаться, правильным ли был его выбор.

Наконец, Венера повисла совсем рядом с иллюминаторами, точно большой матовый шар. На поверхности ее не было ничего, кроме облаков. Нетерпеливые глаза постоянно наблюдали за планетой, но Венера до последнего хранила свои тайны.

В течение нескольких дней «Нация» осторожно тормозила. После того, с каким напряжением люди пережили начало полета, Хэм посчитал более разумным снижать скорость постепенно и плавно. И лишь когда они были совсем рядом, он начал финальный рывок.

Из дюз вырвалось яростное пламя, и «Нация» устремилась вниз. Вскоре она уже с ревом, точно огненный дракон, пробивала облака планеты, ища на ней место для приземления.

Само приземление было отмечено лишь небольшим толчком. Корабль скользнул несколько ярдов «на брюхе», покачнулся из

стороны в сторону и окончательно замер. Охваченные энтузиазмом, путешественники даже и думать забыли о неудобствах посадки. Поспешно расстегнув ремни, они ринулись по ставшему наклонным полу к иллюминаторам. Удивленная тишина стала их первой реакцией на странный мир снаружи.

МЯГКИЙ БЕЛЫЙ свет проникал сквозь облачный слой, освещая совершенно необычную сцену. Корабль покоился в центре овального пространства, казавшегося естественной поляной. Тут и там оно были усеяно низенькими кустами, за которыми, вдалеке, виднелся край леса. Деревья были средней высоты, с гладкими стволами, и лишь наверху распускались широкими кронами. Побеги выглядели более хрупкими, чем поддерживающие кроны ветви, но более крепкими, чем листья.

С каждого дерева на соседние перекидывались ползучие растения, а под ними росли кусты высотой в десять-двенадцать футов. Все растения отличались от тех, которые они знали. Вместо успокаивающих зеленых земных пейзажей все было окрашено серо-белым цветом. Деревья, слегка похожие на пальмы, кусты и даже земля, покрытая толстым слоем кривых стеблей травы, – все было одного и того же белесого цвета и казалось безжизненным и гниющим. Так что энтузиазм у всех быстро пошел на убыль.

– Здешняя трава является довольно плохой имитацией настоящей, – сказал Хейердал, глядя в иллюминатор. – Скорее она похожа на миллион жирных белых червей, застывших и мертвых.

Вида содрогнулась.

– Не очень-то радостное зрелище, – согласилась она. – Могу себе представить, какие странные твари ползают в этих зарослях.

– Это призрачный мир, полный бледного ужаса, – тихонько сказала Люси, выразив чувства, охватившие всех остальных. – Ничто не движется, кроме завитков тумана вдалеке. Смотрите, как устало свисают листья, в них нет дыхания жизни. Возможно, в любой момент они превратятся в серые призраки.

Электрик Смит тревожно шевельнулся.

– Вы хотите окончательно напугать нас? – спросил он. – Все выглядят неважко и без призраков.

Темберли, молча уставившийся в иллюминатор, внезапно сорвался с места и ринулся к двери.

– Эй, ты куда? – окликнул его Хэл.

– Наружу, – задыхаясь от волнения, ответил коротышка.

Хэл бросился за ним и поймал как раз, когда его рука уже лежала на рычаге, открывающем главный люк.

— Остановись. Ты же можешь убить нас всех, — рявкнул он. — Вида, возьми образцы и проверь, можно ли дышать наружным воздухом.

Пока все с нетерпением ждали результатов анализов, Фрида, с помощью Кроушоу, настроила большую кинокамеру и начала съемку.

— Можно было бы с тем же успехом снимать все это фотоаппаратом — а так, только зря тратить кинопленку, — с отвращением пробормотал Кроушоу, глядя на неподвижный, безмолвный пейзаж снаружи, затем добавил Хэлу: — Ну, и где эти монстры, о которых ты говорил? Я не вижу ничего здесь опаснее капусты.

— Никогда еще не видел таких торопыжек, как ты и Тим, — улыбнулся Хэл. — Первый хотел выскочить и собирать растения, не волнуясь, останется ли при этом жив, а у тебя тут же возникло желания начать бойню. Погоди немножко, по-моему, вон там тебя ждет немало мишеней. — И он махнул рукой в сторону густого, туманного леса на заднем плане.

— Содержание кислорода немного выше нормы, а в остальном атмосфера почти такая же, как на Земле, — донесся из лаборатории голос Виды. — Совершенно безопасная, хотя и немножко плотнее. Нужно только медленно уравнять давление.

Хэл оглядел приборы, затем повернулся к остальным.

— Теперь мы должны решить, кто выйдет в первую экспедицию, а кто останется на корабле. Тимберли, конечно, должен пойти, иначе его придется связать. И нам будет нужен Кроушоу с его оружием. Ну, и, конечно же, я, — Хэл рассмеялся. — Разве я когда-нибудь бросал вас одних?

— Не надолго, но бывало, — усмешкой ответил Маккей.

— Значит, все решено. Четверо остаются, а остальные отправляются на небольшую пробную прогулку. Бил, я думаю, в зарослях нам пригодятся мачете.

ГЛАВА V. Разведка

— НА «НАЦИИ» должны остаться, по крайней мере, трое, — продолжал Хэл. — Что думаете вы, Смит?

Смит кивнул и бросил высокомерный взгляд на Венеру, видимую из иллюминатора.

— Что-то не манит меня здешний пейзаж, — ответил он.

— Я тоже останусь, — добровольно вызвалась Люси. — На корабле... здесь мне привычнее.

— Уже двое есть. Что скажешь ты, Фримен?

Фример вопросительно взглянул на Маккея.

— Я думаю, мы оба останемся, если вы, Хэл, не возражаете, — сказал Маккей.

ШЕСТЕРО ЧЕЛОВЕК подавленно шли к деревьям. Когда они вышли из «Нации», странная тишина и ни малейшего движения вокруг подействовали, казалось, даже на неунывающего Хейердала.

Одеты все были легко после предупреждения Хэла.

— Жара не такая сильная, как мы боялись. Наверное, плотный воздух немного ослабляет ее. Но нужно не забывать, что мы, примерно, на двадцать пять миллионов миль ближе к Солнцу, так что оденьтесь полегче.

Хотя рубашка и шорты весили мало, все были нагружены другими вещами. У всех были в кобурах на поясе пистолеты, а у мужчин, кроме Тимберли, еще и винтовки с реактивными патронами. Биолог же был так загружен двумя большими черными контейнерами, что было бы садизмом навьючивать на него еще и винтовку. Хэл нес несколько приборов, включая передатчик малой дальности для связи с «Нацией». На одном боку у Фриды была коробка с пленкой, а на другой — кинокамера, но она твердо отказалась от предложенной Кроушо помочи. Сам Кроушо и Хейердал несли рюкзаки с едой, а на поясах у них, как и у Хэла, висели тяжелые мачете.

Единственные звуки, нарушающие тишину, были лишь те, что производили сами люди: позвякивание снаряжения и чмокающие шаги по серой земле, покрытой травой, похожей на жирных червей.

Темберли, быстро осмотрев растения под ногами, вырвался вперед с качающимися на пояске контейнерами и направился в сторону леса.

— Нужно будет следить за ним, — громко сказала Вида.

Хэл поглядел на нее, удивляясь, почему она вдруг сочла нужным повысить голос.

— Да, в таких зарослях не трудно и потеряться, — прокричал он в ответ.

Вида рассмеялась над пораженным выражением его лица, когда он услышал собственный голос.

— Здесь плотная атмосфера. Поэтому звуки раздаются гораздо громче, — пояснила она.

— Вот только тишина тут могильная, заметил Хейердал. — Я еще не услышал никаких звуков, кроме тех, что издаем мы сами.

Они дошли до края леса, нагнав Тимберли, который озадаченно глядел на какое-то растение.

— Только посмотрите на это! — взволнованно закричал он.

— Выглядит ужасно, — пожал плечами незаинтересованный Кроушоу. — А что с ним такое? По мне, так он такого же поганого цвета, как и все здесь.

— Ну, это цветок...

— Да? Попробуй еще раз, — посоветовал Кроушоу.

— У него... У него только два главных лепестка — верхний и нижний, похожие на челюсти.

Все внимательно оглядели растение. Они было фута три высотой, и лепестки его действительно напоминали челюсти, создавая впечатление, что они должны находиться в громадной голове.

— Вон, смотрите, — нетерпеливо показал внутрь его Тимберли. — У него есть тычинки с пыльцой.

— А почему бы и нет? — скучающим тоном сказал Кроушоу.

— Ну, это даже я могу понять, — ответила Фрида. — У него нет цветка, который привлекал бы насекомых для опыления.

— А откуда ты знаешь, что привлекает венерианских насекомых?

— Не будь дураком, Билл. Конечно же...

— А кто-нибудь видел здесь насекомых? — прервала его Вида.

Никто не видел.

— Это очень странно, — озадаченно протянул Тимберли. — Я думаю, что никаких насекомых здесь нет. Но в таком случае, как ему удается быть оплодотворенным?

Он осмотрел повнимательнее большой бледный цветок и нагнулся, чтобы заглянуть ему внутрь. Потом поднес руку к нижнему лепестку.

Внезапно из цветка со свистом вырвалось облачко пыльцы прямо ему в лицо. Остальные бессердечно рассмеялись при виде его, задыхающегося и отлевывающегося от пыльцы.

— Ну, вот тебе и ответ, Терн, — сказала Вида. — Растение реагирует, когда до него дотрагиваются. И выпускает пыльцу в надежде, что ее разнесут.

Тимберли откашлялся и уставился на растение уже с восхищением, словно сам его сконструировал.

— Изобретательно... очень изобретательно, — сказал он таким тоном, словно отпускал комплимент. — Своего рода естественные меха.

Хэл подождал, пока Фрида фотографировала цветок, затем они пошли в лес.

— Нужно держаться поближе друг к другу, — сказал Хэл. — Никто не должен внезапно отбегать в сторону (особенно это касается Тимберли). Помните, мы пока что не знаем, какой у Венеры период вращения. Если внезапно наступит ночь, а мы разбредемся по сторонам, то последствия могут быть очень серьезные. Ты наш лучший проводник, Билл. У тебя есть мачете? Отлично. Вторым

пойдет Тимберли, только ради бога, не задерживай всю процессию, у тебя еще будет несколько недель на исследования. Все готовы? Тогда вперед!

Они шли, почти не разговаривая друг с другом. Иногда останавливались и ждали, пока Кроушоу расчистить путь в зарослях, и Фрида пользовалась случаем поснимать окружающее. Потом шли дальше. Часа через два у всех, кроме Тимберли, окрепло невысказанное мнение, что Венера удивительно унылое местечко.

— Будь же проклят этот проклятый лес сельдерея, — наконец, воскликнул Хейердал. — Послушайте, Тим, — прокричал он, — почему эти растения так похожи на трупы?

— Потому что у них нет хлорофилла, — ответил биолог. — Очевидно, они используют что-то другое вместо него. Может, они не перерабатывают углекислый газ, а вообще обходятся без него. Ничего о них не могу сказать, пока не проведу лабораторные исследования.

Дальше они шли в тишине. А потом впереди раздался резкий крик и выстрел.

— Что там? — воскликнул Хэл.

— Промахнулся, — с досадой ответил Билл. — Какая-то тварюшка чуть больше кролика — и такого же цвета, как и все остальное в этом гнилом мире.

— Млекопитающее? — взволнованно спросил Тимберли.

— Забыл у нее спросить... Я лишь мельком увидел ее. Во всяком случае, теперь есть надежда, что в этом несчастном месте водится еще что-то помимо растений.

Через несколько минут он снова остановился.

— Мне кажется, справа что-то вроде поляны. Может, свернем туда?

— Ты нас ведешь.

Они вышли из леса на пологий склон, ведущий к берегу какого-то большого водоема. Трудно было сказать, моря или озера. Видимость на Венере была ограниченной, и вода, казалось, простиралась далеко, покуда не сливалась с висящим над ней туманом. Хэл осторожно попробовал воду языком и только открыл было рот, чтобы сообщить, что вода пресная, как вдруг откуда-то слева раздался долгий рев, сопровождаемый колоссальным всплеском.

Кроушоу мгновенно сорвал с плеча винтовку и, взяв ее наизготовку, бросился в сторону шума, оставив остальных на берегу.

— Черт бы его побрал! — выругался Хэл. — Пойду и приведу его обратно. Присмотрите за остальными, Хейердал.

— Как вы думаете, что там такое? — спросила Вида, глядя, как ее муж исчезает вслед за Кроушоу.

— Бог знает, — пожал плечами Хейердал. — Мы не на Земле. Здесь может водиться что угодно. Может, это одна из древних рептилий, если можно судить по ее реву. Что бы там ни было, но ревело оно внушительно.

— Как вы думаете, может, нам тоже стоит пойти туда?

— Нет, мы можем легко разминуться. Кроме того, приказ есть приказ. Я думаю, мы можем пока что закурить и впервые испортить воздух Венеры табачным дымом.

Они сели и прислонились спиной к камню. Хейердал поставил винтовку между коленями, зажег сигарету Виде, затем закурил сам, с наслаждением глубоко затянувшись.

— Хорошо-то как!..

Тимберли тем временем бродил у края воды, деловито наполняя небольшие пузырьки и укладывая их в контейнер для лабораторных исследований. Затем он наклонился, чтобы рассмотреть какое-то подводное растение, которое, очевидно, посчитал безопасным. Фрида тем временем неутомимо вертела камерой по сторонам, снимая все подряд.

— А знаете, — задумчиво сказал Хейердал, — здесь вполне мог быть приятный мир, если бы все вокруг не было таким мрачно монотонным. Я раньше и не думал о том, какую роль могут играть различные цвета.

ВИДА КИВНУЛА.

— Это все равно, что жить в фотокарточке — все только черное и белое, да еще разные оттенки серого. А при таком рассеянном свете тут нет даже четких теней.

— Не много же было бы пользы от солнечных часов, — сказал Хейердал. — Интересно, а тут вообще когда-нибудь выглядывает солнце? Между прочим, когда мы покинули «Нацию»?

— Примерно три часа назад.

Тогда уже можно прикинуть, что день тут не короче земного. Мы вышли из темной стороны перед самым приземлением, значит, вскоре после рассвета... Эй, что у тебя там, Тим?

Тимберли возбужденно влез уже по колено в воду.

— Что там? — крикнул Хейердал.

— Рыбы... Идите поглядите на них.

— А, да Бог с ними. Я здесь так удобно устроился...

Еще с полчаса они с Видой вели разговор ни о чем. Больше никакой рев не нарушал тишину, хотя несколько раз сильная рябь на поверхности воды указывала, что в глубине обитают какие-то существа.

— Надеюсь, с ними все в порядке, — наконец, нервно сказала Вида.

— Ну, они могут позаботиться о себе. Кроме того, если бы у них возникли проблемы, то мы услышали бы выстрелы.

Едва Хейердал успел договорить, как раздались звуки шагов — это возвращались ушедшие.

— Ничего, — с глубоким разочарованием ответил на вопросы Кроушоу. — Мы походили вокруг, нашли следы размером с письменный стол, ведущие к воде, но самого существа так и не увидели.

— Ну и зачем быть таким мрачным? — улыбнулся Хейердал. — Все равно ты бы не смог утащить его к кораблю, если бы застрелил.

Тимберли прекратил бродить в воде и присоединился к остальным.

— Очень интересно, — заявил он. — Трехглазая рыба. Один глаз торчит на самой макушке. Конечно, на Земле встречается такое, но, в лучшем случае, это всего лишьrudimentarnyj глаз. А здесь очень интересно, знаете ли.

— Рад, что ты так считаешь, — проворчал Кроушоу и повернулся к Хейердалу. — А где Фрида?

Все огляделись. Фриды действительно не было. Кроушоу прищурился, глядя на Хейердала.

— Тебя оставили здесь за старшего... Почему ты дал ей уйти? Твоим делом было присматривать за ней.

Хейердал сердито покраснел.

— Мое дело защищать, и я выполню его при необходимости. Меня не назначили нянькой. Я не мог держать девушку силой.

— Нужно было просто запретить ей удаляться из поля зрения.

— Очень бы она послушалась приказов... от меня или любого другого.

— Заткнитесь вы оба, — прервал их перебранку Хэл. — Вы ничего не добьетесь, оскорбляя друг друга. Билл, у тебя голос, как сирена. Покричи ее.

Кроушоу повиновался и издал громогласный рев, который в плотном воздухе действительно прозвучал, как сирена. Все напряженно ждали ответа, и Виде показалось, что она услышала слабый вскрик справа. Хейердал согласился с ней.

— По крайней мере, она, наверное, пошла именно туда. Если бы она пошла в лес тем же путем, каким мы пришли сюда, мы с Видой увидели бы ее, а если бы она направилась вдоль берега налево, то встретила бы вас.

Хэл кивнул.

— Нужно идти за ней. Можем оставлять по пути отметки, указывающие, куда мы идем, чтобы она могла последовать по ним. Только теперь, ради Бога, держитесь все вместе.

Идти по берегу было легко. Лес начинался лишь в сотне ярдов от края воды, и берег был покрыт лишь ползучей травой. Однако, видимость была еще хуже из-за неровностей земли. Хэл Ньютон сделал после запись, что видимость на Венере больше мили очень редкое явление, как для этого нужно, чтобы было сухо и ясно.

Кроушо то и дело испускал громкие крики, после чего все останавливались и прислушивались.

— Одним небесам известно, зачем она вообще отправилась сюда, — проворчал Кроушо. — Здесь ведь везде одинаково. ФРИДА! — снова закричал он.

На этот раз они услышали безошибочный ответ, раздавшийся впереди. Все бросились бежать.

— Наверное, за следующим пригорком, — задыхаясь, проговорил Хэл, когда они полезли вверх по склону мелкого оврага.

Добравшись до вершины, они отдохнули и огляделись.

Ярдах в трехстах или четырехстах впереди они сумели разобрать неясную фигуру Фриды. Она склонила голову над неизбежной кинокамерой, а вокруг нее собралась группа из восьми-девяти каких-то карликовых существ.

— Стой, не глупи, — рявкнул Кроушо Хейердалу. — На таком расстоянии нельзя использовать реактивную винтовку — ты разнесешь на куски всю группу. А, кроме того, мы бы услышали выстрелы, если бы они напали на нее.

— Лучшее, что мы можем сделать, подойти тихо и спокойно, чтобы не спугнуть этих существ и не испортить ей съемку, — сказал Хэл.

— Я... Знаете, что я увидела? — сказала вдруг Вида.

— Что? — спросил Хэл.

— Я тоже заметил... Она разговаривает с ними, — сказал Хейердал.

— Какая ерунда, — начал было Кроушо. — Как она может...

— Руки вверх! — раздался у них за спиной резкий, высокий голос.

ГЛАВА VI. Дингтоны и Уотсы

ВСЕ ПЯТЕРО РЕЗКО обернулись.

— Руки вверх! — снова потребовал голос.

Пришлось повиноваться при виде шести направленных на них стволов. Затем наступила тишина. Исследователи пораженно разглядывали владельцев ружей, а те спокойно глядели в ответ на них.

Они имели больше сходства с обезьянами, чем любые другие земные существа, но все же сходство весьма отдаленное. С одной стороны, они стояли вертикально, хотя их ноги были слишком короткие пропорционально туловищу. С другой, их покрывали густые, серебристо-серые волосы, растущие везде, даже на лицах. Средняя высота их была где-то между четырьмя футами четырьмя дюймами и четырьмя футами шестью дюймами, а головы намекали на значительное умственное развитие.

Лица существ выглядели странно получеловеческими из-за выдающихся носов. А руки, хотя и с противопоставленными большими пальцами, отличались от человеческих кривыми когтями, которыми заканчивались пальцы.

И шестеро этих когтей лежали на спусковых крючках шести ружей.

Кроушоу первым прервал тишину, а вместе с ней нерешительность, заставившую замереть обе стороны.

— Они говорят по-английски? — недоверчиво спросил он.

Хэл бросил на него хмуryй, озадаченный взгляд.

— Мне тоже так показалось, — ответил он. — Но... Это может быть какой-то формой передачи мыслей. Мы только подумали, что они говорят, а они просто передавали мысли. Откуда бы они могли...

И тут, словно противореча его словам, одно из существ заговорило, и все отчетливо увидели, как у него задвигались губы.

— Заберите у них оружие, — сказало существо.

Его компаньон положил ружье на землю и подошел к людям. Кроушоу угрожающе опустил одну руку.

— Прекрати, Билл, — велел Хэл. — Ты хочешь, чтобы нас всех тут убили? В настоящий момент нам лучше подчиниться — мы у них на мушке.

Существо забрало у всех людей пистолеты и реактивные винтовки, с сомнением поглядело на радиопередатчик Хэла, потом забрало и его с видом человека, не желающего рисковать. Затем существо отнесло все это своим товарищам, которые с любопытством рассмотрели трофеи, прежде чем прикрепить их себе на спины.

— Эй, осторожно! — крикнул Хейердал, поскольку главный карлик принялся теребить спусковой крючок реактивной винтовки.

Тот мгновение смотрел на него, затем кивнул и продолжил изучение винтовки. Казалось, его озадачили реактивные патроны, хотя на магазины пистолетов он лишь мельком взглянул. Затем он тоже забросил винтовку себе за спину и подошел, чтобы получше рассмотреть пленников. И снова у него был озадаченный вид, но потом, очевидно, он решил, что это можно отложить, и повернулся, чтобы отдать приказы своим подчиненным. И вся компания

направилась вниз по склону туда, где стояла по-прежнему с камерой Фрида.

— Ну, скажу я вам, у этой девушки дух настоящего репортера, — восхищенно сказал Хейердал.

Когда они подошли, Фрида прервала оживленную беседу, чтобы приветствовать их.

— Привет, — сказала она. — Я надеялась, что вы вскоре появитесь.

— Что ты тут... — начал было Кроушоу.

— Очень любезно с твоей стороны, — прервал его Хэл. — Могу я спросить, а ты думала, черт побери, что нам делать теперь?

Фрида покачала головой.

— Более правильным был бы вопрос: что сделают с нами, — ответила она. — И, кажется, тут имеет место расхождение во мнениях. Очевидно, все зависит от того, являются ли мы дингтонами или уотами.

— Чем мы являемся?

— Дингтонами или уотами. Вы что, не понимаете? Они хотят знать, дингтоны мы или уоты.

— Это я уже понял, — сказал Хэл. — Но что это такое?

— Это я как раз и пыталась выяснить, — ответила Фрида.

Она повернулась к своей группе существ и возобновила беседу. Хэл взбил рукой волосы и задумчиво почесал голову. Насколько он видел, серые существа не собирались немедленно причинить людям вред. Они казались спокойными и невозмутимыми, но, с другой стороны, носили оружие и первым делом разоружили людей. В настоящее время Хэл не собирался делать резких движений, сосредоточив все внимание на Фриде и ее беседе. А беседа эта была самой несуразной и неправдоподобной из всего, что они видели на Венере с тех пор, как приземлились.

— Не слишком ли все это круто? — пробормотал Хэл. — Мы пролетели двадцать пять миллионов миль по космосу, — даже больше, — и что произошло? Первые жители, которых мы встретили на чужой планете, обращаются к нам на английском языке. Черт побери, тут что-то не так.

Он повернулся к вожаку и стал внимательно прислушиваться, как тот пытается ответить на его вопрос. Несмотря на высокий и резкий голос, говорил тот правильно, хотя Хэл уловил присутствие незнакомого акцента и другие незначительные различия. Например, его риторический вопрос был явно понят неправильно. Очевидно, вожак не понял слово «английский», хотя и говорил на этом языке. Хэл собрался с мыслями и попробовал начать с другого конца. Он указал на членов своей команды.

— Мы — люди, — сказал он. — А кто вы?

— Горлаки, — тут же ответил вожак, а затем добавил: — Вы дингтоны или уоты?

— О, черт, — сказал Хэл.

Темберли с пристальным вниманием наблюдал за горлаками.

— Смотрите, — внезапно сказал он, указывая на серое пушистое существо, с которым говорила Фрида.

Все глянули, куда указывал его палец.

Из подобия кармана на животе существа высунулась кукольная головка миниатюрного горлака, яркие глазки которого с торжественным интересом смотрели на происходящее.

— Ну, разве это не прелесть? — сказала Фрида, шагнув к матери и ее пушистому ребенку.

— Сумчатые, — пробормотал себе под нос Тимберли.

Очевидно, обладавший тонким слухом горлак услышал его, потому что покачал головой.

— Яйцекладущие, — гордо поправил он биолога.

Пораженный Тимберли задумчиво кивнул.

— На Земле водятся сумчатые, но чтоб меня повесили, если я встречал яйцекладущих млекопитающих! — воскликнул Хейердал.

— Как это может быть?

— Это переходное звено от рептилий, — пояснил Тимберли.

— Выходит, они теплокровные и покрыты шерстью, но по-прежнему откладывают яйца и носят их в сумках, чтобы удобнее было защищать.

— Выглядит это довольно эффективно.

— И выходит, — продолжал Тимберли, что на Земле яйцекладущие не получили развития по какой-то причине. Мы развились дальше, хотя некоторые виды все же остались на подобной промежуточной стадии. А здесь, похоже, у них появился разум. — Он повернулся к горлаку. — И много ли у вас видов яйцекладущих?

— Пять.

— А среди них есть еще млекопитающие?

— Только дингтоны и уоты.

— Да чтоб меня повесили! — простонал Хейердал. — Как все это понимать?

— Послушайте... — начал было Хэл, но закончить не успел.

Со стороны леса донесся высокий и какой-то жалобный звук. Все горлаки внезапно насторожились.

— Дингтоны, — сказал вожак горлаков.

Достав свисток странной формы, он дунул в него, и снова раздался такой же жалобный звук. Через несколько секунд пришел ответ, и горлак снова подул в свисток.

— Ну, похоже, сейчас мы, наконец-то узнаем, что такое дингтоны, — сказал Хэл, и все с надеждой повернулись в сторону леса.

Снова раздался звук. Было очевидно, что существо, кем бы оно ни являлось, приближается, так как звук стал гораздо громче. Горлаки все одновременно заверещали высокими голосами что-то такое, что невозможно было разобрать в общем гвалте.

— О, Боже, это птица... Вон там, над деревьями! — закричал Кроушоу.

Из тумана появилось что-то огромное, с медленно машущими крыльями.

— Летит низко... над самыми деревьями... О, Господи, это не птица, это машина, — задыхаясь, выкрикнул Хэл. — Чтоб я сдох! Орнитоптер...

Все уставились на приближающийся аппарат.

— Снижается слишком быстро, — продолжал Хэл. — Обязательно заденет деревья...

Самолет уже был над последними деревьями, но его крылья задели за кроны, и машина тут же кувыркнулась вниз. Еще секунду она неистово молотила крыльями, потом замерла в гуще кустов. Горлаки испустили тревожные крики и всей толпой ринулись к упавшему аппарату, совершенно забыв про пленников.

— Ну, придется бежать вместе с ними, потому что они забрали все наше оружие, — сказал Хэл.

Ноги у людей были длиннее, так что они быстро нагнали горлаков и прибежали к упавшему аппарату вместе с ними. В путанице поломанных крыльев и зарослей кустарника возилось что-то живое, что, очевидно, услышало, как они подбежали.

— Привет. Помогите же мне выбраться из этой проклятой штуки, — раздался явно человеческий голос.

Когда летчику помогли выбраться из кустов, оказалось, что это высокий, стройный человек. На голове была копна светлых волос, лицо казалось бы на Земле удивительно бледным, но на Венере путешественники уже стали привыкать к серо-белым расцветкам, так что оно показалось им вполне приемлемым. В глазах летчика мелькали веселые искорки, когда он переводил взгляд с одного на другое изумленное лицо, затем, улыбнувшись, он заговорил.

— Долго же вы не прилетали, — сказал он. — Но добро пожаловать.

Путешественники пораженно молчали, так как нечего было на это ответить. Летчик же, казалось, тоже удивился и повернулся к главарю горлаков.

— Аруул, принеси нам поесть.

Несколько горлаков тут же помчались и выдернули ближайшие растения. У них оказались раздутые корни. Летчик оторвал один такой корень и протянул его Виде, жестом указав, что остальные тоже могут угощаться.

— Это вполне приемлемая еда, хотя, возможно, и не очень вкусная, — сказал он. — Объясняться станет легче на сытый желудок. К тому же, у меня с рассвета не было во рту ни крошки.

Все взяли предложенные корни. Они испускали слабый незнакомый аромат, но оказались неплохие на вкус и хорошо утоляли голод.

ГЛАВА VII. Нападение

ОСТАВШИЕСЯ ЧЕТВЕРО на борту «Нации» для охраны корабля со смешанными чувствами глядели, как отправившаяся на разведку команда исчезает в лесу. Люси терзали какие-то нехорошие предчувствия. Она была поражена, увидев, как Тимберли возится со странным венерианским цветком с челюстями, и, хотя это было забавно, ей этот цветок показался намеком на грядущие таинственные опасности.

Потом лес поглотил людей. Люси не могла сказать, в чем причина ее страхов, может быть, в том, что они вчетвером остались на корабле.

— Лучше было бы, если бы они оставили с нами Хейердала, — сказала она Смиту. — Если у них возникнут какие-нибудь проблемы, и они не вернутся вовремя, то мы не сможем поднять корабль и полететь к ним на помощь.

Смит согласно кивнул. Он тоже чувствовал себя подавленным.

— Да, хорошо бы, если бы с нами остался запасной пилот. Хотя Маккей, наверное, сумеет управлять кораблем.

Следующие часа два они занялись наведением на «Нации» порядка, нарушенного приготовлениями к разведке. Люси ликвидировала хаос в кладовой, хотя мысли ее блуждали где-то далеко, когда голос Смита позвал ее к иллюминаторам.

— Говорю же, — взволнованно кричал он, — идите сюда и посмотрите!

Маккей и Фримен тоже подбежали к нему.

— Что там?

Вместо ответа Смит молча указал на опушку леса. Место, куда он указывал, располагалось еще дальше от того, где скрылись из виду разведчики, и в тумане можно было разобрать лишь какую-то белую фигуру, медленно бредущую к кораблю — несомненно, двуногую.

Никто ничего не говорил, все смотрели, как фигура приближалась. Наконец, стало отчетливо видно, что это человек. Потом он остановился, очевидно, рассматривая корабль. Он явно еще не заметил наблюдателей в иллюминаторах, так что они могли хорошо рассмотреть его.

По предварительным оценкам, он был немного ниже шести футов. Голова его была покрыта густыми темными волосами, спутанной массой падающей на плечи. Не менее неопрятная борода спадала на грудь. Единственной его одеждой была короткая клетчатая юбка из белесой ткани с широким поясом. К поясу крепилось много мешочеков, а также несколько крючков, на которых висели какие-то орудия. На крючке с одного бока висело нечто похожее на винтовку.

Четверо в «Нации» с удивлением посмотрели друг на друга. Из всего, что они ожидали здесь встретить, появление человека было наименее ожидаемым.

Потом незнакомец скрылся из поля зрения, не сводя глаз с корабля.

— Обходит с правого борта, — сказал Маккей.

— Входной люк у нас заперт? — нервно спросил Смит.

Фримен пошел встретить гостя — или запереть люк, если понадобится, — а остальные ринулись к иллюминаторам другого борта, чтобы продолжить наблюдения. Фримен выглянул из люка, размышая о том, что бы такое сказать гостю. Но говорить ничего не пришлось. Результат его появления был неожиданным. Челюсть незнакомца мгновенно отвисла, он резко повернулся и ринулся бежать к лесу, петляя, как кролик.

— Странно, — заметила Люси. — Вы заметили, что он весь белый, как и все здесь вокруг?

Вернулся Фримен.

— Наверное, ему не понравилось мое лицо, — сказал он. — Но как-то быстро он сориентировался. Куда он делись?

— Пронесся по склону и скрылся в лесу, — ответил Маккей.

— Надеюсь, ты запер люк? — спросил Смит Фримена.

Фримен прищурился.

— Разумеется, запер. Хотя вряд ли это так уж необходимо, раз здешние жители трусливы, как мыши. А ты чего боишься?

Смит неловко замялся.

— Я... я не знаю. Мне противно все это проклятое место. Не удивлюсь, если что-то произойдет. Не нравится мне все это.

У него был такой вид, словно он стыдился самого себя, но немного успокоился, когда его поддержала Люси.

— Я понимаю, что ты чувствуешь. На меня это место действует так же, — сказала она.

Оба инженера вернулись к прерванной работе, а Люси ушла в кладовую, лишь Смит остался дежурить у иллюминаторов, ожидая нового появления туземцев. Почти час спустя он снова позвал остальных.

— Он вернулся. И, кажется, кого-то подзывает, или что-то вроде этого.

— Ну, да, подзывает, — согласился Маккей. — Интересно, с чего вдруг такие перемены. В первый раз мы ему вроде не очень понравились.

— В конце концов, можно было ожидать, что поначалу дикарь испугается нас, — заметила Люси.

— Не очень-то он похож на дикаря. Мне кажется, вооружение у него вполне подходящее, — проворчал Маккей и вопросительно взглянул на Фримена. — А как ты думаешь?

— Думаю, надо выйти ему навстречу, — кивнул Фримен. — Возьмем пистолеты, а вы двое, — обратился он к Люси и Смиту, — будете прикрывать нас реактивными винтовками.

Маккей и Фримен вышли из корабля и пошли бок о бок по траве, похожей на червей, к вернувшемуся незнакомцу. Помахали ему рукой, приглашая подойти, но когда прошли половину расстояния до него, он вдруг скользнул в лес.

— Что?.. — начал было Маккей, но получил ответ прежде, чем успел задать вопрос.

Выстрел разорвал тишину. Одновременно с ним Фримен рухнул на землю.

Маккей упал секунду спустя. Быстро его действий показывала, что ему привычны неожиданно острые ситуации.

— Стреляйте же, — пробормотал он, и тут же его слова заглушили два выстрела, посланные в ответ из «Нации». Два снаряда из реактивных винтовок взорвались среди деревьев.

— Дело уложено, — подумал Маккей, но подниматься не спешил.

Вместо этого он расстегнул кобуру, достал пистолет и поднял его над травой. Тут же грянул выстрел. И снова с корабля ответили стрельбой из винтовок.

Маккей подполз к Фримену и с облегчением осмотрел его рану. Пуля прошла по касательной, лишь сбив человека с ног и слегка оцарапав голову, так что самым серьезным последствием раны будет, вероятно, головная боль. Маккей схватил друга за ноги и ползком потащил его в корабль. Выпущенные из леса пули свистели у него над головой, а разрывы показывали, что Люси и Смит не прекращают палить из винтовок. Постепенно нападавшие перестали стрелять, но Маккей не рисковал подняться на ноги. Он полз, пока не добрался до корабля.

— Задайте им жару, прикройте меня, — крикнул он Люси.

Под прикрытием усилившегося огня из винтовок Маккей встал с Фрименом на плечах и скрылся в «Нации». Смит с пульта управления захлопнул за ним и запер люк.

Люси положила винтовку и пошла за водой и бинтами, в то время как Маккей, глядя на неподвижного друга, отпускал непечатные замечания о венерианах и всех их предках и родственниках.

— Слава Богу, они не стали дожидаться, пока мы подойдем поближе, — закончил он.

Пока Люси занималась повязками, Фримен пришел в себя. Он поднял руку к голове, прорычав несколько фраз, вполне могущих соперничать с цветистой речью Маккея, затем спросил:

— Вы достали его?

— Его? — переспросил Смит. — Да там, должно быть, десятки этих дьяволов. Мы зачистили то место, где исчез наш дикарь, затем прошерстили на много ярдов вокруг. Но они продолжают стрелять. Вот послушай.

КОГДА ОНИ замолчали, стала отчетливо слышна неровная капель пуль, барабанящих по прочной броне «Нации».

— Стреляют, — пробормотал Фримен.

Маккей слегка улыбнулся.

— Пусть себе впустую тратят патроны. Их хлопушки столь же бесполезны против «Нации», как детские «воздушки». Можешь пострелять в ответ из винтовки, если хочешь.

Смит подошел к иллюминатору и окликнул их.

— Они наступают. Сжимают вокруг нас кольцо. Я думаю, их там несколько сотен.

— Наверное, они считают себя в безопасности, поскольку мы закрыли люк, — проворчал Маккей. — И что самое плохое — они правы. Иллюминаторы у нас не открываются, и мы не можем отстреливаться, а должны торчать здесь, как сардины в банке.

Фримен, к этому времени окончательно пришедший в себя, усмехнулся.

— Мы можем дать им хорошего пинка, если они подойдут поближе.

Он встал, слегка пошатнулся, и направился к пульту управления.

— Что он задумал? — спросил Смит.

Маккей улыбнулся.

— Пойдем посмотрим, — ответил он, жестом показывая на иллюминаторы.

При их появлении стекло иллюминатора брызнуло дождем искр после выстрела. Люси в страхе отшатнулась.

— Все в порядке, — успокоил ее Маккей. — Это стекло такое же прочное, как шестидюймовая сталь.

Вокруг корабля уже была видна большая толпа. Люди увидели, как нападавшие открывают и закрывают рты, и поняли, что они кричат, размахивая оружием. Некоторые даже принялись колотить

по корпусу корабля прикладами винтовок, но звуки ударов не были слышны внутри, лишь время от времени раздавались щелчки пуль.

— Смотрите, — сказал Маккей.

Корабль слегка задрожал, раздалось рычание двигателей. Внезапно от носа до кормы побежали языки пламени, а с бортов в разные стороны ударили струи огня. Враги бросились бежать, пока не отбежали на безопасное расстояние.

— Он включил двигатели и направил на них дюзы, — пояснил Маккей. — Сначала главные двигатели. Затем вспомогательные боковые. Наверное, его не в шутку разозлила пуля в голову.

— И что теперь? — спросила Люси.

Маккей пожал плечами.

— Да ничего. Будем ждать, пока что-нибудь не произойдет.

Такая же реакция была и у врагов. Часть их ушла и вернулась из леса с едой, после чего все расселись и принялись обедать — достаточно далеко, чтобы их не мог достать огонь из дюз.

Фример с взволнованным видом подошел к иллюминаторам.

— Не стоит, чтобы наши разведчики столкнулись с этим воинством, когда будут возвращаться. Ты не можешь предупредить их по радио, Смит?

— Уже пробовал, но не мог наладить связь. Наверное, что-то случилось с радио Хэла.

Через несколько минут Люси заметила какой-то блеск.

— Смотрите, — сказала она. — Там что-то блестит среди деревьев.

ГЛАВА VIII. Разъяснение

СВЕТЛОВОЛОСЫЙ МОЛОДОЙ человек внимательно поглядел на землян.

— Разрешите представиться, — сказал он. — Найт Дингтон.

Хэл коротко представил своих спутников и себя.

— А теперь, пожалуйста, объясните мне кое-какие здешние аномалии, — попросил он.

— Спрашивайте, — сказал пилот.

— Как получилось, что вы говорите по-английски, и что такое все эти дингтоны и уоты?

— А вы разве не знаете?

— Не знаю что?

— То, что мы живем здесь.

— Послушайте, давайте, начнем все сначала, — прервал его Кроушоу. — Во-первых, как получилось, что вы и они... н-ну, горлаки... говорите на английском языке?

— Потому что, не считая собственного языка горлаков, английский

— единственный известный на Венере язык, — ответил Найт, озорно

сверкнув глазами. – Попробую вам все объяснить. Надеюсь, вы слышали о «Ковчеге» Ноя Уотсона?

– Вы хотите сказать, что «Ковчег» на самом деле?..

– Да. Несмотря на многочисленные насмешки, он достиг своей цели – улетел с Земли и приземлился на Венеру.

– Значит, вы...

– Попытаюсь покороче. На корабле, как вам, вероятно, известно, летело примерно сто двадцать человек – это был действительно большой корабль. А Ной Уотсон и Генри Хедингтон оказались людьми с диаметрально противоположными принципами. Фактически, они сходились лишь в том, что Земля непременно погибнет – и в этом вопросе они оба оказались совершенно не правы. Хедингтон вскоре понял, что его дезинформировали, но Уотсон до самого конца так и не признал, что был не прав. Хедингтон постоянно глядел в небо на звездочку, с которой он улетел в ссылку, и проклинал все вокруг, потому что не имел ни малейшей возможности вернуться. Постепенно он возненавидел Уотсона. А Уотсон, убежденный, что Земля стала безжизненной, все сильнее чувствовал неприязнь, которую скрывал до поры до времени, к образу жизни Хедингтона. К тому времени, когда они добрались до Венеры, уже стало ясно, что они никогда не смогут сотрудничать в создании новой цивилизации. Они разошлись в тот момент, когда смогли покинуть корабль, и больше никогда не встречались друг с другом. Приземлился «Ковчег» неудачно. Лишь семьдесят два пассажира пережили посадку. Из них тридцать ушли с Хедингтоном, а около сорока присоединились к Уотсону. Эти две стороны, с враждой в глубине души, ушли в противоположных направлениях и основали разные общества согласно своим убеждениям. Все это, как вы, наверняка, знаете, было почти восемьсот земных лет назад – примерно тысячу двести девяносто восемь венерианских, – и потребовалось немало времен, чтобы создать жизнеспособные общества. В записях говорится, что со временем с людьми произошли различные модификации. Наша кожа потеряла пигментацию, грудная клетка стала меньше, так как в плотной, богатой кислородом атмосфере не требовались мощные легкие. Мускульная сила, с другой стороны, осталась примерно такой же, поскольку сила тяжести здесь меньше очень незначительно. Язык подвергся очень небольшим изменениям, в основном, в разговорных выражениях и метафорах. Главным образом, изменения коснулись имен и названий, которые нам пришлось изобретать самим, чтобы разговаривать об явлениях, специфичных для Венеры. Иными словами, мы полагаем, что изменились весьма незначительно.

– А ваши государства?.. – начал было Хэйл.

— Их назвали в честь лидеров. Но в обиходе Хедингтон постепенно сократился до Дингтона, так же, как Уотсон стал Уотом. Я сам являюсь прямым потомком Генри Хедингтона, но моя фамилия также превратилась в Дингтон. Когда Аррул и другие горлаки нашли вас, их озадачил цвет ваших лиц. Хотя тот факт, что вы одеты, указывал, что вы дингтоны, но все же вы не были нормальными дингтонами, хотя и не походили на уотов. И очень хорошо, что они не приняли вас за уотов, иначе вы бы уже не были живы.

Найт поглядел им в лица и опять улыбнулся.

— Простите меня, — сказал он, — но не удивительно, что бедные горлаки встали в тупик. Видите ли, кроме тех случаев, когда некоторым нашим женщинам это диктуется мода, здесь неизвестны цветные лица.

Вида с любопытством взглянула на молодого человека.

— Мне не показалось, что вы удивлены, встретив нас, — заметила она.

— Я вас искал.

— Но откуда вы узнали?..

— Рано или поздно обязательно должен был прибыть корабль с Земли, как только тайна космических полетов будет открыта — а она, несомненно, будет открыта вновь. Большинство из нас вообще удивляется, что вы так долго тянете с прибытием. Поначалу старый Генри Хедингтон пристально наблюдал за облаками, скрывающими звезды и Землю, которую он так любил, и все повторял, что скоро вы прилетите и спасете его. Но месяцы складывались в года, а года — в столетия, так что восемьсот лет мы смотрели на небо и ждали, хотя больше от любопытства, чем от желания быть спасенными.

Вида почувствовала приступ жалости к старику, который давным-давно наблюдал за бесконечными облаками, надеясь на помощь, что так и не прибыла. А Найт продолжал:

— Вчера вечером мы услышали гул ракет и увидели красное пятно в небе. Поднялся шум и крики, все города взорвались. Все поняли, что вера старика, наконец-то, получила поддержку. Но вы пролетели мимо нас, направляясь в страну уотов. Как только стало возможно, — а когда вы появились, уже почти наступил рассвет, — мы послали разведчиков на ваши поиски.

Земляне встали и приготовились уходить.

— И мы можем пойти прямо к вашему кораблю? — нетерпеливо спросил Найт.

Хэл кивнул и достал из кармана коробочку, в которой шевелилась стрелка. Дингтон с любопытством посмотрел на нее.

— Я слышал о таком. Компас, правильно? Но боюсь, что он здесь бесполезен.

— Да, — сказал Хэл. — Я уже испробовал его прежде, чем мы отправились в разведку, и увидел, что он не действует. Но он сделан так, что всегда указывает в сторону корабля.

Он подождал, пока стрелка успокоится, затем направился с остальными к лесу в направлении, указанном стрелкой. Найт на секунду вернулся к остаткам своего разбитого орнитоптера, и там вспыхнула яркое пламя. Потом он догнал остальных.

— Нельзя позволять уотам завладеть им, — пояснил он.

ОНИ ПРОШЛИ около двух миль, прежде чем впереди послышалась стрельба.

— Реактивные патроны, — сказал Кроушоу. — Я бы сказал, что стреляют из винтовок.

— А что это такое? — тут же спросил Найт.

Кроушоу коротко объяснил принципы действия подобных разрывных пуль.

— Никогда о таком не слышал, — покачал головой Найт.

— Значит, это наши люди. Следует поторопиться.

А через некоторое время раздался грозный гул реактивных двигателей «Нации».

— Да что там творится? Неужели они улетают? — спросил Хэл, когда гул повторился.

Прошло еще полчаса, прежде чем они неожиданно вышли из леса. Найт издал восклицание и махнул рукой, жестом велев всем скрыться в зарослях.

— Смотрите, — сказал он.

Все в испуге уставились на косматую, полунасную толпу, окружающую «Нацию».

— Да, — кивнул Найт в ответ на невысказанный вопрос. — Это будет трудно.

— Да их там, наверное, сотни. Мы не можем напасть на такую толпу, — сказал Хэл. — Чем они вооружены?

— Винтовками — они всегда носят их с собой. Хотя у них есть девиз: «По праву природы!», но, к сожалению, они делают исключение для винтовок... Кстати, они меткие стрелки. Хотя, даже безоружные, они такой толпой разорвали бы нас на клочки.

— Но мы не хотим повредить им, — возразила Вида.

— Конечно, но вы не знаете этих людей. Они — фанатики, опасные фанатики. Если они схватят вас...

— Сейчас не время для лекций, — прервал его Билл Кроушоу, чувствуя, как зудит его указательный палец. — Что будем делать?

— Передайте своим людям на корабле, чтобы они выжидали... если у вас есть какие-нибудь средства связи с ними, — сказал Найт.

Хэл взял свою рацию у горлака, который по-прежнему нес её, и попытался наладить связь.

— Ничего не получается. Не могу с ними связаться, хотя с рацией, кажется, все в порядке. — Он на секунду задумался. — Ни у кого, случайно, нет фонарика?

— У меня есть, — внезапно сказал Хейердал.

— Так это же прекрасно. Смит знает азбуку Морзе, он раньше работал телеграфистом. — Хэл сунул фонарик в карман и направился к ближайшему белому дереву.

— Не поднимайтесь выше, чем на десять футов, — посоветовал Найт. — Они не выдерживают большой вес.

Некоторое время не было никакого ответа, затем в иллюминаторе «Нации» замелькали вспышки света.

— Все в безопасности? — передал вопрос Хэл.

— Все в порядке, — был получен ответ.

— Люди снаружи опасны.

— Это мы уже поняли.

— Оставайтесь внутри. Не открывайте люк, пока мы не прогоним их. Помощь уже в пути.

— О, кей!

То ли обмен этими сообщениями оказался незамеченный уотами, то ли, что более вероятно, они не поняли, что вспышки в иллюминаторах появились не просто так. Хэл спустился с дерева и вернул фонарик Хейердалу.

— И что дальше? — спросил он Найта.

— Мы должны отправиться в Чикаго и позвать их на помощь.

— Прошу прощения?.. — не поверил своим ушам Хэл.

Найт усмехнулся.

— Наверное, это действительно звучит для вас несколько странно. Видите ли, старик Хедингтон родом из того места на Земле, которое называется Чикаго, поэтому он и решил так назвать наш главный город, как в старые добрые времена... Он думал, что это звучит по-домашнему.

— Понятно, — вздохнул Хэл. — Ну, теперь, когда я знаю, что остальные в безопасности, то мне нравится ваша идея с Чикаго.

ГЛАВА IX. Засада

ТИМБЕРЛИ ТРОНУЛ Хэла за руку, глаза его беспокойно бегали на бледном лице.

— Хэл, ты уверен, что с ними все будет в порядке? Я имею в виду, если с Люси что-нибудь случится... — он оставил фразу незаконченной и замолчал.

— Все будет в порядке, старина. Они в такой же безопасности, как и в любом другом месте во вселенной. Могу держать пари, что корпус «Нации» может пробить разве что двенадцатидюмовый снаряд.

— Да, конечно, — вздохнул Тимберли. — Я только всего лишь... Ну, ты понимаешь...

— Понимаю.

— Фрида, ради Бога, возвращайся, — послышался хриплый голос Кроушоу. — Нам нужно идти.

Фрида, которая буквально выползла на опушку, опустила камеру, вздохнула и поползла обратно.

— Очень удачно, что я захватила с собой телеобъектив, — сказала она. — А то съемки общим планом, да еще в таком рассеянном свете... Однако, надеюсь, у меня все получилось. — И она похлопала камеру.

— Я поседею из-за тебя раньше времени, — проворчал Кроушоу.

— Ты дьяволенок... Сколько раз я тебе говорил...

— Ну, Билл, дорогой, не будь букой. Ты прекрасно знаешь, что я не стану обузой...

— Собирайтесь, — сказал Найт. — Чем раньше мы уйдем, тем лучше. Оставаться здесь опасно. Аррул оставил пятерых горлаков для разведки, а он с остальными пойдет с нами. Разведчикам он отдал распоряжение немедленно сообщать, если кто-то двинется в нашу сторону.

Процессия двинулась в лес, все, кроме тех горлаков, которых назначили разведчиками. Они почти что мгновенно непонятным образом исчезли, буквально растворившись в кустарнике.

Найт молча вел их по лесу с уверенностью и ничуть не колеблясь, что озадачивало Хэла. Наконец, он спросил, как он тут ориентируется. Найт удивленно поглядел на него.

— Странно... Никогда об этом не думал. Я просто знаю, в каком направлении находится Чикаго, только и всего.

— Но как?

— Очевидно, инстинктивно. На Земле вы используете компас, но, поскольку он здесь не работает, то, наверное, мы подсознательно развили навыки ориентации. Но даже если бы я ошибся в направлении, то Аррул поправил бы меня. Горлаки всегда знают, где находятся.

Они пошли дальше, и Хэл сменил тему, решив разъяснить еще одно непонятное явление.

— Мы ожидали найти мир, кишащий первобытными чудовищами. Но до сих пор только одно услышали издалека, да увидели зверушку размером с кролика. Здесь что, совсем нет больших рептилий?

— Если верить истории, раньше было много, но теперь они почти все перебиты нами или утками. Видите ли, винтовки могут много чего сделать за восемьсот лет. Сухопутные рептилии — по-настоящему большие рептилии, — сейчас редки. Правда, осталось еще немало странных существ в морях и реках. Это одна из самых больших наших трудностей. Мы предполагаем, что на Венере это не единственный континент, но не можем узнати наверняка.

— Но неужели за все это время...

— Подумайте о том, в каких условиях мы живем. Никому еще не удалось построить корабль, способный противостоять громадным морским чудовищам. Но даже если бы такой корабль и был построен, возникли бы проблемы с топливом. Уголь на Венере очень молодой и поэтому очень плохой. На Земле, говорят, есть твердая древесина, которая хорошо горит, но у нас вся древесина мягкая, с высоким содержанием воды. Наши специалисты бурили землю в поисках нефти, но так и не нашли. И ветер тут бесполезен, так как чаще всего это лишь очень легкий бриз. Мы умеем делать аккумуляторные батареи для самолетов, но для дальних полетов они бесполезны. Кроме того, даже на нашем континенте в некоторых районах самолеты подвергаются нападениям птеранодонов, таких же больших, как наши машины. Но даже птеродактиль, сравнительно маленький рядом с птеранодонами, может разрушить самолет. К счастью, мы научили их избегать нас.

— Вот уж поистине счастливая планета, — вставил Хейердал с сарказмом в голосе. — Но меня в первую очередь интересует, почему вы используете орнитоптеры, а мы на Земле так и не научились их строить?

— Ну, все очень просто. У нас мало свободного места для взлетов и посадок, а держать открытые летные полосы мы не можем, так как они зарастут буквально за несколько дней, — ответил Найт, пнув по пути пучок белых растений. — Вода для гидропланов не подходит из-за живущих в ней чудовищ. Так что идея винтовых самолетов тут не подходит. К тому же, никто из наших химиков так и не смог воссоздать горючее, на котором работал «Ковчег», потому что те специалисты, которые разбирались в этом, погибли во время посадки. Так что строить ракеты мы не можем. Единственный выход был в том, чтобы придумать что-то, подходящее для наших условий со всеми этими ограничениями.

— Но как они держаться в воздухе?

— Не забывайте о плотности нашей атмосферы, к тому же, мы разработали специальную конструкцию фюзеляжа.

Хейердал кивнул.

— Хотел бы я осмотреть ваши машины.

— Скоро у вас будет такая возможность.

Вида выглядела взволнованной с тех пор, как они углубились в лес. И, наконец, быстро оглядевшись и убедившись, что ни один горлак не был в пределах слышимости, она спросила:

– А вы уверены, что было безопасно отправить горлаков на разведку?

– Безопасно? – не понял ее Найт.

– Я имею в виду, действительно ли они заслуживают доверие? Не могут ли они, например, предупредить уотов, куда мы идем?

На мгновение Найт вспыхнул, возмущенный сомнением в лояльности карликов. Но тут же вспомнил, что Вида, как и остальные земляне, почти ничего не знают о здешнем мире.

– Горлаки – наши друзья, – сказал он с легкой укоризной в голосе. – Они ненавидят уотов. Фактически, мы дали им винтовки именно для того, чтобы они стреляли уотов.

– Вы дали им винтовки, чтобы они уничтожали людей? – недоверчиво воскликнула Вида. – Но зачем?

– Отчасти затем, что горлаки считают уотов деликатесом.

– Вы хотите сказать?..

– Да, они их едят.

Глаза Виды округлились от удивления и ужаса. Она невольно оглянулась назад, где шла мать-горлак с маленьkim пухистым ребеночком, торжественно глядевшим на мир из ее сумки. Потом Вида содрогнулась и почувствовала тошноту.

– Нет! – невольно воскликнула она.

– Мы просто смотрим на это с другой точки зрения, – вмешался Хейердал. – Но они... они хороший народ, хотя и каннибалы.

Найт согласно кивнул.

– Если бы вы знали...

Громкий крик позади прервал его. Все остановились. К людям подошел Аррул с задыхающимся после долгого бега горлаком.

– Что случилось? – спросил Найт.

– Гонец сообщил, что примерно пятьдесят уотов ушли от корабля в лес.

– Погнались за нами?

– Нет, – сказал горлак. – Они направились гораздо левее, но разведчики решили, что лучше сообщить об этом.

– Все правильно, – согласился Найт и на мгновение задумался.

– Не думаю, что это имеет значение, но на всякий случай, Аррул, вели своим людям рассредоточиться и получше вести наблюдение.

– Горлаки, – продолжал он после того, как они двинулись дальше,

– чудесны своей способностью быть незаметными. Их хорошо использовать для разведки...

– Вы начали рассказывать об уотах, – напомнил Хейердал.

— Трудно все объяснить коротко, не читая пространную лекцию, — ответил Найт. — Знаете, сколько причин сложились вместе для того, чтобы они стали тем, кто они есть? Во-первых, нужно помнить, что они ведут свое происхождение от фанатика и его последователей. И еще вероятно, что перед смертью Уотсон окончательно помешался. Разумеется, он написал книгу, которая частично состоит из отрывков древнего труда под названием «Библия», но большей частью из его собственных пророчеств и инструкций. Все написанное там стало святым учением, со временем превратившимся в нечто важное, важнее всех остальных книг и знаний. Я слышал, как некоторые ученые говорят, что Мозес это искаженное имя израильтянина Моисея, точно также, как сам Уотсон превратился в Уота.

— Вы хотите сказать, что они поклоняются ему?

— И не только поклоняются. Они создали целую религию. Во многих местах их страны они поставили памятники и прочие святыни.

— А почему они враждебно относятся к горлакам? — спросила Вида.

— Из-за учения Уотсона. Возможно, он сам неодобрительно относился к горлакам, к тому же написал, что высшим творением Бога является Человек и лишь у него есть душа — поэтому они считают горлаков такими же животными, как любых рептилий. Убийство серых карликов стало делом чести уотов — своего рода защита собственного, якобы уникального положения.

— Это напоминает какое-то логическое безумие.

— Да. Но, видите ли, они практикуют естественные роды и отвергают инкубаторы, и даже в условиях нехватки пищи размножаются случайным образом, наугад — причем со странными результатами. В отличие от них мы, дингтоны, поняли, что размножение в таком маленьком обществе должно тщательно контролироваться, чтобы не возникало никаких кризисов. Уоты же не заботятся об этом. Внутриродовое скрещение не вредно при условии тщательного отбора, но сам Уотсон, а также его последователи заявляли, что все таинство жизни в руках Господа. А в результате дикая и фанатично настроенная раса уотов вдвое многочисленнее дингтонов. И тут мы сталкиваемся с рядом очень серьезных проблем.

— Значит, уоты стали настоящими туземцами? — спросила Вида.

Найт озадаченно поглядел на нее, не поняв значение ее слов.

— Она хочет сказать, — пояснил Хэл, — что у нас на Земле есть подобные проблемы, хотя и в гораздо меньших масштабах. В тропиках белые люди или отвоевывают себе место, или оказываются разгромленными. Там не бывает мирных отношений

с местным населением. Из того, что вы сказали, становится ясным, что на Венере побеждают дингтоны, а стоящие ближе к природе уоты проигрывают.

— Скорее всего, так, — согласился Найт. — За исключением того, что вы льстите дингтонам. Борьба у нас в самом разгаре.

— Что я не могу понять в уотах, — смешался в их разговор Кроушоу, — так это какого черта они напали на нас? Мы прибыли с дружеским визитом, а они первым делом взяли наш корабль в осаду. Почему?

— Потому что вы — богохульники.

— Мы кто?

— Уотсон сказал, что все мы виноваты в том, что Земля была уничтожена. И уоты всегда ненавидели нас, потому что мы это отрицали. И вот появились вы, с их точки зрения, живое богохульство.

— Ну-да, да… ладно, пусть так, но разве наше появление не служит доказательством, что Земля все еще существует?

— Это больше всего и раздражает их… Вы явно не имеете никакого отношения к их фанатичной религии. Но их сила в громадном упрямстве. Если они признают, что вы на самом деле прилетели с Земли, то зашатается все учение Уотсона.

— Но…

— Стойте! — с внезапной тревогой закричал Найт.

Хэл немедленно замолчал и тут же почувствовал наполняющий рот и нос какой-то сладкий аромат. Он попытался что-то сказать, но не мог выдавить ни слова. Голова закружилась, он ощутил внезапную слабость. Смутно он чувствовал, как его подхватили чьи-то сильные руки…

ГЛАВА X. Хитрость уотов

КОГДА ХЭЛ открыл глаза, то прежде всего почувствовал ужасную головную боль. Через секунду он понял, что лежит на спине, глядя сквозь бледные ветки растений. Небо было темно, на нем уже исчезали последние проблески света. Что-то шевельнулось рядом с ним, и в голове у Хэла внезапно пронеслись воспоминания о недавних событиях. Он сел со стоном от острой боли, которую вызвало это усилие. Рядом сидел, держась руками за голову, Найт, а с другой стороны, с беспокойством глядя на них обоих, присел на корточки Аппул.

— О, Боже, — пробормотал Хэл, сжимая руками виски.

— Через несколько минут это пройдет, — заверил его приглушенный голос Найта.

К удивлению Хэла, его предсказание сбылось. Боль исчезла так внезапно, словно с головы сняли что-то тяжелое. Хэл глянул по сторонам, чтобы узнать, что с остальными, никого больше не увидел, и с тревогой глянул на Найта.

– Где они? Что вообще произошло?

Найт поглядел на него в ответ, с каким-то стыдом.

– У уотов, – сказал он. – Аррул сказал, что их отряд, который ушел от корабля, сделал большой крюк по лесу и напал на нас. Сам Аррул не успел вовремя предупредить нас.

– Но почему нас не забрали, как остальных?

– В последний момент появился Аррул и утащил вас в кусты. Мне удалось уползти туда же, так что мы оба остались на свободе. Только не говорите слишком громко – некоторые из уотов могут быть еще неподалеку.

– Но послушайте, у них же Вида, Тимберли, Билл...

– Знаю, но мы не сможем им помочь, если нас тоже поймают.

– Что уоты сделают с ними?

Найт молча покачал головой. Если он и знал, то не собирался рассказывать.

– Надо же, – со смесью досады и раскаяния пробормотал он, – я попался на такой старый трюк.

– На какой трюк?

Вместо ответа Найт указал на растение, торчащее рядом. Хэл увидел, что это такой же цветок, который вначале осыпал пыльцой Тимберли.

Они связывают лепестки прутиком, предварительно насыпав в чашечку цветка специальный порошок. Затем, присоединив к прутику тонкую проволочку, отходят на безопасное расстояние и, спрятавшись, держат проволочку в руке и дергают ее в нужный момент, освобождая цветок, который выстреливает облачком ядовитого газа. Затем они просто подходят, собирают и связывают упавших в обморок... В общем, это старая хитрость уотов.

Последние отблески света погасли. Найт повернулся к Аррулу.

– Ты можешь вести нас в темноте?

Горлак кивнул. Он вообще не любил лишних слов. Найт, казалось, слегка оживился.

– Если нам повезет, то мы успеем вовремя. Они еще не вернутся к остальным на поляне. Они никогда не передвигаются по ночам – потому что тогда пришлось бы использовать факелы, чтобы освещать дорогу, а это сделало бы их удобными мишениями для метких горлаков. Если мы успеем куда-нибудь добраться и послать сообщение в Чикаго, то к рассвету будем на месте.

– Вы уверены, что они отведут наших друзей на поляну? – спросил Хэл.

— Да, на это большие шансы. Пойдемте же.
Во главе с маленьким горлаком, они пошли через темный лес.

ЛЮСИ ПРОВЕЛА в «Нации» беспокойную ночь. Было решено, поскольку они находились в полной безопасности, то лучше всего было продолжать заниматься обычными делами. Пожинав, все разошлись по каютам. Вскоре Люси обнаружила, что не может уснуть. Она лежала, прислушиваясь к доносившемуся из коридора хрому Маккея и Фримена и даже позавидовала им.

Сообщение, которое передали вспышками фонарика, и которое Смит легко расшифровал, было кратким и неясным: «Ждите, идем получить помощь». Люси жалела, что Хэл не сообщил поподробнее, но, конечно, он не хотел рисковать, что осаждающие заметят их переговоры.

— Идут — куда? Получить помощь — от кого? — спрашивала себя Люси.

Несколько раз она выходила из своей каютки в кают-компанию и глядела в иллюминатор на осаждавших. В тусклом свете она видела, что они не покинули свои посты, но все спали, удобно расположившись на поляне. Чего они ждут? Должны же они понимать, что запасов «Нации» хватит, при необходимости, на много недель? И почему вообще они проявили такую враждебность? Никто из «Нации» не стрелял в них, пока они не начали первыми.

Она снова вернулась в каюту и сон, наконец, настиг ее во время размышлений о Тимберли и остальных.

Утром ее разбудил Смит.

— Вставайте, — прошептал он от дверей.

— Выйдите, мне нужно одеться, — велела Люси. — Что случилось?

— Эти люди снаружи... Идите и посмотрите сами.

Полуголые дикари уже вовсе не спали. Часть их убежала в лес, наверное, на поиски еды, часть осталась на постах, а остальные, собравшись группами, принялись спариваться тут же у костров. На одну из таких групп и указал Смит.

— Что они делают? Вы когда-нибудь видели, чтобы люди вели себя так?

Люси отвернулось с отвращением на лице.

— Да, — сказала она, — я уже как-то видела подобное. Это была толпа опасных помешанных в сумасшедшем доме.

Смит покивал.

— Я тоже подумал об этом. Но самое странное то, что остальные не обращают на них внимания. Вы думаете, они все безумны?

— Может, да, а может, просто привыкли к такому, — ответила Люси.

С усилием преодолев инстинктивное отвращение, она принялась снова разглядывать их. В это время в кают-компанию вошли оба инженера.

— Что там? — спросил Маккей.

Люси объяснила.

— Вы правы, черт побери, — согласился он, понаблюдая несколько минут в иллюминатор.

На лице его появилась гримаса отвращения — естественная реакция любого нормального человека.

— Нечего и думать вступать с ними в переговоры, — решительно сказал он. — Мы останемся в корабле, пока остальные не приведут сюда помошь. — Маккей отвернулся от мерзкого зрелища и оглядел собравшихся в помещении. — А теперь давайте поедим, — сказал он. — Что там у нас на завтрак?

— Не думаю, что... — начала было Люси.

— Ну, вы молодая, здоровая женщина, — прервал ее Маккей. — Даже и не думайте, что я позволю вам голодать из-за кучки психов, даже если буду вынужден кормить вас насилино. Пойдите и посмотрите, что там есть у нас на складе.

ИЗ-ЗА ЖИЗНЕРАДОСТНОГО поведения Маккея остальным почти удалось забыть о существах, совершающих непотребности снаружи. А поев, они улучшили себе настроение капелькой алкоголя.

— Что мы теперь будем делать? — спросил Маккей, когда завтрак был закончен. — Мы не знаем, когда вернуться остальные, так что должны найти себе полезные занятия. Вы, Люси...

Но тут его перебил Смит, который подошел к иллюминатору и тут же позвал остальных:

— В лесу что-то происходит. Сюда идет целая толпа этих скотов, а остальные бросились их встретить.

Люси взяла полевой бинокль и присоединилась к нему. Подкрутив колесики настройки, она мгновение глядела в него, потому бинокль выпал у нее из руки, загремев по металлическому полу. Люси пошатнулась и, побледнев, рухнула в обморок.

— Что?.. Помогите, она потеряла сознание!

Маккей схватил упавший бинокль.

— Боже мой! — воскликнул он. — Там поймали наших!

Мгновение все молчали.

— Хэла нет среди них, — продолжал Маккей. — Молодец, Хэл, убежал от них. Так что еще есть надежда, что он приведет помошь, если... — Он резко замолчал, потому что ему пришла в голову другая причина отсутствия Хэла.

Уоты подвели пленников поближе к кораблю и поставили в ряд перед иллюминаторами. Руки у них были связаны за спиной, все выглядели уставшими и растрепанными. Некоторые уоты стали счастливыми обладателями реактивных винтовок и пистолетов, но остальное снаряжение оставили пленникам, даже камеру Фреды и мачете Кроушоу, висящее у него сбоку на поясе, но вне досягаемости от связанных рук.

Тимберли с бледным лицом посмотрел прямо в иллюминатор, вопросительно подняв брови. Маккей понял его безмолвный вопрос и кивнул назад, туда, где лежала Люси. Вида стояла среди похитителей с холодной отстраненностью, в то время как Хейердал, казалось, перебирал все бранные слова, осыпая ими похитителей. Потом один из уотов ударил его по губам и заставил опуститься на колени.

– Свинья, – прошептал Маккей.

– Не нравятся мне его взгляды, – пробормотал Фримен. – И ты прав – он настоящий урод.

В это время несколько уотов коротко посовещались. Один из них указал на обеих женщин, но остальные покачали головами. Затем им что-то сказал Тимберли, и они, казалось, согласились с ним, потому что согласно закивали. Потом маленького биолога подвели поближе к иллюминатору, а остальных пленников отвели назад. Один из уотов взял длинный тонкий шнур, сделал на его конце петлю и накинул ее на голову Тимберли. Маккей добела стиснул кулаки с чувством совершенной беспомощности.

– О, черт... – пробормотал Фримен.

Уотт просунул в петлю короткий прут и стал его крутить...

Тимберли пронзительно закричал. Все отвернулись и увидели, как Люси вскочила с пола и бросилась из кают-компании.

– Клянусь небесами, она права! – закричал Маккей. – Это невозможно выдержать!

И он бросился следом за девушкой, прихватив по пути мачете.

– **УЛОВКА УОТОВ** оказалась успешной, – рассказал впоследствии Хэлу Хейердал. – Иначе и быть не могло. Наши товарищи не могли спокойно сидеть в «Нации», глядя, как постепенно вылезают из орбит глаза Тимберли, когда уот закручивал шнур. Мы с Кроушоу дергались, как безумные, но ничего не могли сделать, лишь осыпать уотов бранью. Так они выманили остальных из корабля. Группа уотов спряталась возле люка, готовая напасть. Мы видели, как они присели, когда люк стал открываться. Но они не знали Маккея и Фримена... впрочем, мы тоже. Вооруженные тяжелыми мачете, они стали драться, вертаясь вокруг. Должно быть, в первые же секунды они скосили

половину группы нападавших, но тут им на помощь бросились все остальные уоты. Маккей и Фримен стояли, прижавшись друг к другу спинами, и рубили всех вокруг. Я видел лицо Маккея и никогда не забуду его ужасной ухмылки. Уоты перли на них толпой, не стреляя, так как хотели, очевидно, взять их живыми. Те, кто бежал в первых рядах, были просто изрублены на куски – им было некуда деваться, сзади их подпирали остальные. Пока длилась эта схватка, из люка показалась Люси и бросилась на уота, пытавшего Тимберли. Скрюченными, как когти, пальцами Люси впилась ему в лицо и, когда кончила... клянусь Богом, от лица там ничего не осталось. Конечно, это не могло долго продолжаться. Нападающих было слишком много. Кто-то подставил приклад винтовки и выбил из рук Маккея мачете, хотя и сам при этом лишился головы. Другие уоты бросились на обезоруженного Маккея. Не переставая хищно ухмыляясь, он стал кулаками ломать им челюсти. Но все же они навалились и сбили его с ног, а потом напали со спины на Фримена. Несколько уотов в это время схватили Люси, и теперь у них в руках были все, кроме Смита. Никто не заметил его в общей свалке. Мы думали, что он остался в «Нации», но один из уотов закричал, тыча куда-то рукой. Пользуясь теми, что все уоты были заняты, Смит побежал к лесу. Он почти добрался до него, но тут шесть-семь уотов выстрелили разом. Так умер бедняга Смит. А мы стали думать, что еще могут сделать с нами уоты. И мы не знали, что помощь уже близка.

ГЛАВА XI. Спасение

ГОРЛАК АРРУЛ безошибочно вел Найта и Хэла. Время от времени заросли становились такими густыми, что исчезали последние отсветы с неба, и они вынуждены были держаться друг за друга, чтобы не потеряться в полной темноте.

– Как же горлаки могут видеть ночью? – спросил Хэл.

– Немного лучше чем мы, но они пользуются какими-то другими чувствами, чтобы не напороться на препятствия. Я видел, что слепые ходят точно также. Врачи говорят, что они улавливают микрозвуки, отраженные от предметов.

Потом они долго монотонно шли в тишине. Хэл на мог разглядеть свои часы, но ему показалось, что прошло несколько часов, прежде чем они вышли из леса и остановились на опушке, на краю большого открытого луга.

– Хорошая работа, Аррул, – сказал Найт и, повернувшись к Хэлу, кивнул. – Отсюда мы можем связаться с Чикаго и призвать помощь.

– Откуда?

Найт ткнул рукой куда-то вперед. Лишь приглядевшись, Хэл сумел разобрать стену массивного строения, почти не отличавшегося от темного неба. Найт вытащил из кармана свисток и извлек из него уже знакомый Хэлу долгий стон. Несколько секунд спустя в здании открылась дверь, из нее брызнул яркий свет, на мгновение ослепивший всех троих. Они побежали к двери, Найт на ходу окликнул появившихся в дверях охранников. Только увидев их силуэты, Хэл сумел оценить величину громадного здания. Они прошли через высокую сводчатую дверь, и та сразу же закрылась за ними.

— Подождите здесь минутку, — сказал Найт.

Хэл глядел, как он скрывается за маленькой дверью, затем стал с удивлением рассматривать окружающее. Сразу стало ясно, что это не одно строение, а целый город. Освещение было тусклым, и Хэл предположил, что большинство жителей спят. Но все же света оказалось достаточно, чтобы он мог разглядеть, что здания расположены кругами, а сам он стоит между двумя внешними кольцами.

Впереди вел внутрь большой сводчатый проход, и через него Хэл увидел, что дорога тянется дальше, — темные ее участки перемежались с освещенными, — и проходит, скорее всего, через все кольца-кварталы. Кое-где горели огни, и Хэл удивился, почему снаружи не было заметно никакого освещения. Он спросил об этом у Аппула.

— Снайперы, — ответил горлак с присущей ему экономией слов.

Охранники у ворот с интересом разглядывали Хэла. Они явно уже знали, что он один из тех, что прилетели на корабле. Один из них услышал его вопрос, обращенный к горлаку, и добавил:

— Прежде мы вообще не были в безопасности от уотов. Единственным способом выжить и защищаться от групп бандитов было обнести стенами города и не подставляться под пули. В былые времена уоты были гораздо смелее, чем ныне. Еще сто лет назад этот город выдержал немало осад, и даже теперь стены необходимы, чтобы защищать нас, как правильно сказал горлак, от снайперов. Можно сражаться с армией, но с отдельными снайперами... — Он замолчал с отвращением на лице.

В это время поспешно вернулся Найт.

— Я связался с Чикаго. Там уже собираются. Мы успеем присоединиться к ним, прежде чем они вылетят, если поспешим.

Охранники уже выкатывали длинную, низкую, черную машину. Когда оба сели в нее, Найт сказал Аппулу:

— Собери своих людей и жди нас.

Аппул торжественно кивнул, и машина покатила к центру города.

— Прямая дорога до Чикаго ведет из противоположных ворот, — пояснил Найт заинтересованному Хэлу. — Мы редко выезжаем ночью из городов, но на этот раз придется рискнуть подставиться под пули уотов.

Очевидно, сообщили о том, что они едут, потому что дальние ворота были уже распахнуты. Найт склонился над рулем, сев поустойчивее. Машина была на удивление бесшумна и летела, как ветер. Хэл вспомнил, как Найт говорил об аккумуляторах, как почти об единственном источнике энергии на Венере.

— Почему вы не пользуетесь радиосвязью? — спросил он, пока они мчались сквозь ночь. — Портативный передатчик сэкономил бы нам много часов... В любом случае, мне кажется, что в нем есть потребность на этой планете.

— Радио не работает, — ответил Найт, не сводя глаз с дороги.
— Мы все время пытаемся придумать что-нибудь новенькое, но ничего не помогает. Видите ли, в атмосфере Венеры есть не только отражающие радиоволны слои, но и поглощающие. Было бы проще, если бы они были постоянными, но они зависят от температуры и погодных условий. Их проявление и исчезновение кажется случайным — во всяком случае, еще никто не сумел предсказать их передвижение. Так что радиосвязь хуже, чем бесполезна, поскольку может подвести в любой момент.

Хэл вспомнил, как сам не смог связаться с «Нацией», и согласно кивнул.

Сосредоточившись на дороге, Найт некоторое время молчал, и Хэл откинулся на спинку сидения, чтобы немного отдохнуть. Он было задремал, когда впереди вспыхнули яркие прожектора. Найт прижал машину к обочине, пропуская тяжелые, приземистые силуэты каких-то машин.

— Танки, — радостно сказал он. — Здесь не теряли времени даром. Еще пару минут они ехали, потом Найт кивнул вперед:

— А вот и Чикаго.

На этот раз в городе не было затмнения, напротив, его внешняя массивная стена буквально купалась в море белого света.

Наут подвел машину к обочине и выпрыгнул наружу. Хэл последовал за ним и застыл от изумления при виде того, какие силы собрали дингтоны.

Впереди в широких полосах света велась суматошная деятельность. Хэл увидел, как громадные танки выползают из города на дорогу. То и дело над стеной мелькала тень чудовищной летучей мыши — это взлетали странные воздушные аппараты венериан. Всюду царила суматоха и беспорядок, раздавались крики команд.

Найт подошел к группе офицеров, несколько минут разговаривал с ними, потом вернулся к Хэлу.

— Все готово, — сказал он. — Нам выделили трехместную машину. Вылетаем через десять минут.

ВЗЛЕТ ОРНИТОПТЕРА был необычным опытом для пилота ракет. Найт нажал какой-то рычаг на панели управления, и снаружи быстро затрепетали крылья. Машина завибрировала, затем поднялась в воздух и полетела вперед, постепенно набирая высоту. Глянув вправо и влево, Хэл увидел длинную шеренгу машин, взбалтывающих воздух. А внизу проходил еще один отряд танков.

— Выглядит так, словно вы задействовали целую группу войск, — сказал он Хэлу.

Тот усмехнулся.

— Большую часть. Все страшно возбуждены. В конце концов, мы ждали вас восемьсот лет, и чувствуем, что вам был оказан плохой прием.

Потом он подался вперед и что-то сделал на пульте. Вибрация машины прекратилась, казалось, она замерла в воздухе, а затем крылья вновь заработали, но на сей раз делая более медленные и сильные взмахи.

— Мы-то летим напрямик, но танки наверняка отстанут от нас, не так ли? — спросил Хэл.

— По дороге они могут идти достаточно быстро, но лес немного задержит их, — ответил Найт. — Чикагские танки по-настоящему мощные, бронированные машины. К тому же, помочь должна прийти и из других городов. — Знаете, — добавил он, — ваше появление ускорило начала давно назревавшей войны. Мы наблюдали, как растет алчность и жестокость уотов, и ждали лишь повода для начала полномасштабных действий. И теперь такой повод появился. Вопреки всем протестам партии мира.

Небо начало светлеть. В плотной атмосфере Венеры рассвет был гораздо более красочным зрелищем, чем на Земле. Найт волновался все больше. Они еще были на некотором расстоянии от «Наци», и он боялся того, что могло произойти прежде, чем они прилетят.

С рассвета прошел всего час, как они долетели до конца дороги и увидели город, к которому привел их еще в темноте Аррул и из которого Найт связался с Чикаго. Хэл увидел, что все пространство между концентрическими кольцами зданий заполнено дингтонами, которые задирали кверху головы и махали пролетающим летчикам. Снизу донеслись слабые приветственные крики, затем город

остался позади, и машина полетела над лесом. Найт указал вниз на просеки, пробитые в густом лесу.

— Танки опередили нас, — сказал он.

Хэлу показалось, что они опасно снизились и летят чуть ли не над самой землей, но он тут же обнаружил, что остальные орнитоптеры находятся на том же уровне, и понял, что по мере того, как день становился теплее, видимость сокращалась, перспектива искажалась, и становилось трудным определить высоту. Теперь ова фланга воздушного флота лишь смутно вырисовывались в дымке.

Через полчаса они нагнали танки. Ночью у Хэла осталось от них лишь смутное впечатление, и теперь, глядя вниз, он не удержался от восклицания. Машины ехали на колесах и гусеницах со скоростью, лишь вдвое меньшей, чем у орнитоптеров. Наверху у них были башенки, из которых велся во всех направлениях огонь из винтовок. Впереди же у танков были выдвинуты диски из блестящего металла, которые вращались горизонтально с большой скоростью. Эти диски резали мягкие венерианские растения, точно масло, а потом их размалывали на грунте гусеницы. Хэл содрогнулся при мысли о резне, которая произойдет, если уоты вздумают перегородить танкам дорогу.

Но тут раздавшийся впереди гул отвлек его мысли.

— Двигатели! — воскликнул он. — Двигатели «Нации»! Что, черт побери, там происходит?

Через несколько секунд они долетели до большой поляны и увидели мерцающий корпус космического корабля. Уоты теснились рядом с ним группами, и Найт нажал гашетку пулемета. Он специально дал залп над головами, боясь зацепить пленников, но эффект все равно был неплохой. Уоты только глянули вверх на снижающийся флот орнитоптеров и тут же бросились наутек во все стороны.

Раздалось несколько выстрелов, но большинство уотов неслось к безопасному лесу. Несколько орнитоптеров опустились возле «Нации», где стояли три связанных человека, а остальные погнались за бегущими уотами. Раздались дикие крики, когда из леса выломились танки, и уоты оказались в ловушке между пулеметным огнем преследующих орнитоптеров и выползающими из леса танками.

Когда машина приземлилась, Хэл выпрыгнул и побежал к своим связанным друзьям. По пути он заметил раскрытый люк «Нации» и его охватил ужас.

— Где остальные? — закричал Хэл, перерезая путы Тимберли. — Где Вида?

— У этих дьяволов. Они схватили всех трех женщин, — ответил Кроушоу.

— А мужчины?

— Мертвые. Еще несколько минут, и мы бы тоже погибли, — сказал Хейердал.

— Куда они увезли женщин? — спросил подбежавший Найт.

— Туда, — указал Кроушоу. — За ними пришел самолет. Они увезли связанных женщин в него и улетели в том направлении.

— Будь они прокляты! — воскликнул Найт. — Я же говорил, что они захватили несколько орнитоптеров, которые считались разбитыми. — Он повернулся к одному из офицеров. — Возьмите в самолет этих двоих человек, — сказал он, указывая на Кроушоу и Тимберли. — Мы полетим во втором. Оставьте здесь для охраны несколько танков. Нужно действовать быстро. Вы ко мне на борт, — добавил он Хэлу и Хейердалу.

Хэл мгновение колебался.

— А что, если полететь на «Нации»? — предложил он.

Найт схватил его за руку и потащил к орнитоптеру.

— Ваш корабль для этого не годится. Он слишком большой, а кроме того, в полете вы не сможете использовать оружие. Идемте же, не будем зря тратить драгоценное время.

Огромные крылья неистово замолотили по воздуху и орнитоптер, задрожал и стал подниматься вверх.

ГЛАВА XII. Финал

ПОЛЯНА ВНИЗУ стала быстро уменьшаться, и они мельком увидели сквозь кроны деревьев, как в лесу ведется интенсивная стрельба. Найт ткнул рукой вниз.

— Аррул и его люди принялись за дело, — сказал он. — Сегодня много уотов попадут на ужин горлакам.

— Удачи Аррулу, я всецело за него, — проворчал Хейердал.

— Судя по тому, что я видел вокруг корабля, вы тоже неплохо повеселились, — заметил Найт. — Я не считал тела уотов, но там их валяется немало.

— Это не моих рук дело, мне так не повезло, — проворчал Хейердал и рассказал о героической схватке Меккея и Фримена, а также о гибели Смита.

— А потом, — продолжил он рассказ, — прилетела машина и забрала женщин... Нас окружало при этом не меньше сотни этих уродов, так что мы ничего не могли сделать. Это был настоящий ад. Когда самолет улетел, они решили, что настал наш черед расплатиться, и стали нехорошо поглядывать на Фримена. Он порубил своим мачете немало уотов, так что они особенно невзлюбили его. Маккей тоже неплохо сражался, но его выбили немногим раньше. Ну, так вот, они стали о чем-то переговариваться, и по их довольному

виду мы сразу поняли, что они затевают что-то отвратительное. С противными ухмылками они оттащили Фримена подальше от нас, сорвали с него всю одежду и привязали к рукам и ногам веревки. Сделать это было не так легко, потому что Фримен отбивался, но его все же потащили к корме «Нации». Только тогда мы поняли, что они задумали. Нам оставалось лишь стоять и глядеть, как они привязывают Фримена к выхлопам корабельной дюзы. Потом один из уотов скрылся в корабле. Я думаю, Маккей тогда сошел с ума. Бог знает как, но он вырвался на свободу и, прежде чем мы поняли, что происходит, он уже был среди толпы уотов с мачете в обеих руках, и рубил направо и налево. Уоты разбегались перед ним – те, кто не падал замертво. Я их не обвиняю. Я, наверное, тоже побежал бы, если бы на меня надвигался Маккей с дикой ухмылкой и двумя мелькающими в руках мачете. Он пробился туда, где был распостерт перед дюзой Фримен. Ему нужно было бы всего лишь несколько секунд, чтобы перерезать веревки и освободить друга. Но этих секунд у него не было. Очевидно, именно в этот момент скрывшийся в корабле палач уотов понял, как включить двигатели. С пульта управления он не видел, что происходит у кормы, поэтому просто щелкнул рычажком. Нас оглушил рев потока огня, корабль рывком прополз несколько футов вперед... – Хейердал замолчал и через пару секунд добавил: – Когда дым рассеялся, не было ни следа от Маккея и Фримена... Они мгновенно сгорели вместе с двумя десятками уотов. Это была легкая смерть... А через несколько минут появились вы.

Какое-то время все молчали. Найт с мрачным выражением лица вел орнитоптер. Хэл, казалось, безучастно смотрел вперед, на его лице не было вообще никакого выражения. И Хейердал почувствовал, что именно он должен нарушить эту гнетущую тишину, которая возникла из-за его рассказа.

– И куда мы теперь летим? – спросил он, стараясь, чтобы его голос звучал нормально.

– В единственный город уотов, – мрачно ответил Найт, поддавшись настроению остальных. – Он называется Аарат.

– Еще один след Уотсона – он ведь почитал Библию? – спросил Хейердал. – Но я думал, что уоты – кочевники.

– В основном, да, но этот городу них нечто вроде святыни в память об Уотсоне – и место для религиозных собраний. Кроме того, им нужно какое-то место для изготовления оружия и инструментов. К счастью, они не научились делать ничего посеребреней винтовок, поэтому пушек у них так и не появилось.

– Разве вы не можете заставить эту проклятую штуку лететь быстрее? – внезапно взорвался Хэл, голос его звенел от ярости.

– Летим на максимальной скорости, – коротко ответил Найт.

ВИДИМОСТЬ БЫЛА настолько ограничена, что они внезапно обнаружили, что уже летят над предместьями города уотов. Среди деревьев мелькали одноэтажные постройки, они становились все более многочисленными и скученными, и вскоре орнитоптер летел над извилистыми, узкими улочками. Город Аарат был больше похож на временные городки эпохи американской золотой лихорадки, нежели на столицу государства. На улицах не было видно ни единого пешехода.

— А куда подевались... — начал было Хэл, но тут лицо его перекосилось от ужаса.

Под ними оказалась овальная аrena, заполненная тысячами полуобнаженных уотов. Все стояли, повернувшись к дальнему концу арены, склонив головы, точно в молитве. А там, на большом постаменте, стояла гигантская каменная фигура. Статуя была облачена в старинную одежду и стояла, воздев руки к небесам, словно обращалась к Богу.

— Значит, они сделали Уотсона своим идолом, — пробормотал Хейердал.

Кроушоу его не услышал. Он пристально глядел на фигурку, стоявшую у постамента. Цепь от ее металлического ошейника была прикреплена к каменному блоку.

Одновременно уоты словно ожили. Они замахали руками, и в орнитоптер полетел град камней.

Найт притормозил и круто наклонил нос машины, чтобы воспользоваться пулеметом. Краем глаза он увидел второй самолет, летящий низко над толпой. Но тут раздался дикий крик: «Фрида!», и из самолета выпрыгнул человек.

По всем правилам Кроушоу должен был погибнуть в этом головоломном прыжке. Он приземлился на пустом пространстве между толпой и жертвой, перекувырнулся через голову и секунду спустя ринулся к Фриде. Она осела под градом камней как раз в тот момент, когда Кроушоу достиг ее, и последним прыжком он прикрыл девушку своим телом.

Где-то выстрелила винтовка, и ту же ей ответили пулеметные очереди, поскольку подошли другие аэропланы. Сначала один, за ним другой уот бросился бежать, и вскоре вся толпа, топча друг друга, ринулась в тесноту узких улочек. Пулеметы беспощадно косили их сверху — на сей раз дингтоны возжаждали крови.

Найт посадил орнитоптер возле громадной статуи Уотсона. Хэл медленно вылез из него и пошел к лежащей у постамента паре.

Остальные увидели, как он покачал головой и, сбросив куртку, накрыл ею прижавшиеся друг к другу неподвижные тела. Секунду

он глядел на них сверху вниз, затем повернулся и неровным шагом вернулся к орнитоптеру.

— Оба мертвы и оба улыбаются, — ровным голосом сказал он. — Хотел бы я умереть так же, как они.

— Хэл! — прокричал чей-то голос.

Это был голос Виды.

Хэл открыл рот, но не смог издать ни звука.

— Вида, где ты? — наконец, крикнул он срывающимся голосом.

— В клетке под статуей!

Через несколько минут они уже освободили Виду и Люси. Вида бросилась в объятия мужа и зарыдала от облегчения.

Тимберли выскочил из машины, едва ее крылья перестали колебаться, и бросился к Люси. Когда они встретились, ее глаза тоже влажно засияли.

— Мой дорогой... — закричала она. — Твоя голова!

Тимберли и думать забыл о широкой красной царапине, пересекавшей его лоб. Сердце его болело сильнее, чем голова.

А в городе совершилась настоящая резня уотов, поскольку в это обиталище фанатиков ворвались орды горлаков с винтовками и пулеметами, охваченные жаждой убийства.

— А вы знаете, что избиение камнями в древности было наказанием за богохульство? — спросил Хейердал.

Остальные кивнули.

— Этого я и боялся, — ответил ему Найт. — Уоты стремительно регрессируют. Скоро они стали бы настоящими дикарями, куда менее разумными, чем горлаки. Нам придется уничтожить их всех, иначе мы никогда не будем чувствовать себя в безопасности.

Некоторое время Хейердал размышлял в наступившей тишине, затем сказал:

— Странно как... Мы устремились к звездам, а они в это время падают в пропасть невежества. До чего же они могут дойти?

— Чтобы узнать это, нужно всего лишь вспомнить историю Человечества, — сказал Хэл.

ОСТАЛЬНОЕ ВЫ все знаете. В газетах и фильмах были показаны всеми миру картины жизни венериан. Книга Тимберли «Флора и фауна известной Венеры» стала бестселлером. Все видели фильмы, смонтированные из пленок, заснятых бедной Фридой. Хэл и Вида Ньютоны много раз рассказывали в интервью и радиопередачах о том воистину королевском приеме, который им оказали дингтоны, когда «Нация» перелетела и совершила посадку возле нового, странного Чикаго. Все это общеизвестно.

Моей задачей было не описывать в тысячный раз Венеру, а рассказать историю ее исследователей. И хотя пятеро из тех, кто

отправился в полет, присоединились к знаменитой компании авантюристов всех времен, которые заплатили своими жизнями за исследования мира, все же память о них будет не меньше, чем о тех четырех, кто вернулся, как и о том, кто остался жить на Венере. Остался? Да, Хейердал все еще на Венере, помогает Найту построить вторую «Нацию». И в любой день они могут прилететь на Землю, пронесясь по космосу, точно искусственный метеор.

(Wonder Stories, 1932 № 5)

SPRING 25c

FANTASTIC STORY MAGAZINE

featuring:

FOG OVER VENUS
by Arthur K. Barnes

ATOMIC
by Henry Kuttner

Science Fiction Classics By
STANLEY G. WEINBAUM
RAY BRADBURY
DR. DAVID H. KELLER

A THRILLING PUBLICATION

АРТУР К. БАРНС

ТУМАН НАД ВЕНЕРОЙ

I. Игра в пионеры

В истории Венеры переход от пограничного форпоста до развитой цивилизации не был обычным постепенным процессом. Он произошел практически мгновенно, всего за несколько лет, благодаря одному человеку, Джону Бакмастеру. Его лицо и фигуру можно увидеть запечатленными в бронзе почти в каждом городе на единственном континенте Венеры. А над благотворительными достижениями этого инженера велись такие споры и полемики, что ныне они воспринимаются, как мифы и легенды.

Всемирная история, том 3. Гамильтон.

БЕДНЫЙ, БЕДНЫЙ историк, сующий свой нос в жернова фактов! Никогда его ограниченность не проявляется так ярко и наглядно, как в данном случае, когда сухой, сугубо научный язык вынужденно меняется на мифологические метафоры, описывающие одну из самых захватывающих глав в завоевании Человечеством других планет.

И когда уже все написано, перед автором лежит несколько стопок: исторические книги, журналы, связки газетных подборок – нечто вроде древнего фольклора, желтоватых древних писем на ломкой бумаге или неопубликованных дневников. В них содержится великая история о борьбе с победами и поражениями, и перевес побед в них очень уж мизерный. Главное действующее лицо этой истории – человек, героический во всех отношениях. Он привлекает к себе внимание, неважно, радостно приветствуют ли его или с ненавистью глядят ему вслед.

И чтобы будущие историки не вводили в заблуждение своих читателей из-за каких-нибудь пробелов в книгах об эпопее Джона Бака – он в любом случае заслужил право на то, чтобы его историю пересказали заново.

НИКТО НЕ знает, откуда он появился.

Либо его предыдущая жизнь была никому не известна, либо надежно хранилась в тайне. Одним прекрасным утром он просто

вышел из зловонных венерианских туманов и направился вдоль электробарьера, окружавшего пограничный городок под названием Венусополис.

Когда он подошел к входу, электрический потенциал его тела включил тускую лампочку. Он запер свое оружие, медпакет и остатки продовольствия в шкафчик у входа и позволил фотоэлектрическим элементам просветить себя в поисках скрытого оружия.

Откуда-то из серого тумана послышался хриплый взвизг и сердитое сопение, когда невидимое чудовище наткнулось на защитный барьер, и было наказано за свою небрежность. Горстка бронированных насекомых пронзительно просвистела в темноте, пронзая джунгли, как пули. Полился горячий дождь, испаряясь на медно-красных крышах разбросанных городских зданий.

Когда все прекратилось, воздух снова наполнился тысячами венерианских ароматов – назойливых запахов цветов, резких, как мускус, запахов животных, сладкой вони крови и вездесущих гниющих испарений. Маслянистая река, вяло текущая вокруг города, была полна странных безымянных обломков, словно континент прогнил до самой середки от какой-то болезни и теперь рассыпался и постепенно уносился водой.

И по этому разрушающему серому миру Джон Бакмастершел с беззаботностью опытного пионера. После проверки фотоэлементами он был пропущен в Венусополис и вошел в одну из удобных карантинных кабинок. Последний суд Линча в городе был произведен над ботаником, неосмотрительно притащившим из джунглей опасную эпидемию.

Бакмастер разделся и позволил антисептическим лучам простерилизовать одежду и тело. Он был невысок, но плечи его едва поместились в кабинку. Массивные мышцы вздувались под кожей, кожей, отмеченной характерной «бледностью разведчика» – результат слишком долгого пребывания под облачным покровом Венеры, где так не хватало ультрафиолетовых лучей.

Закончив ритуал, он оделся и вошел в город, уродливое скопище унылых, дешевых сборных домов, изредка перемежающимися гостиницами и забегаловками. Рикша, которую тащил сутулый, покрытый чешуей туземец, потащилась по грязи к самому большому и самому безвкусному из игорных салонов. На нем висело название «У Красотки».

В это время дня внутри был лишь один клиент, высокий, худой человек лет тридцати с гаком, с полувозбужденным, полускучающим взглядом, как у собаки, просящей еду. Он стоял перед ruletkой и делал ставку, которая, казалось, раздражала крупье. Он ставил пакетики с чипсами по пять кредитов за штуку

Illustrated by
ALEX
SCHOMBURG

fog Over Venus

A Novel by ARTHUR K. BARNES

на все из тридцати семи доступных номеров, кроме единицы и зеро. Крупье закрутил колесо рулетки, бросил шарик.

— Двадцать два, — покорно сказал он. — Выиграл двадцать второй номер.

Усмешка худощавого краткой вспышкой озарила лицо и тут же погасла. При ставке тридцать пять к одному, включая и победивший двадцать второй номер, у него было теперь тридцать шесть пакетиков с чипсами, так что он стал богаче на пять кредитов.

Бакмастер спокойно встал рядом.

— И сколько это продолжается? — спросил он крупье.

Игрок угрюмо молчал.

— Да каждое утро, — ответил крупье. — Каждое утро он делает по одной ставке и выигрывает пять кредитов в день. Спортивно ли это, спрашиваю я вас?

— Я здесь не спорта ради, — буркнул худощавый. — Я жду друга, и мне требуется пять кредитов в день, чтобы прожить в этом гадюшнике. Я заранее подсчитал, что разница будет, в основном, в мою пользу, и до сих пор еще ни разу не попал на единицу или на зеро.

— Ага! — сказал Бакмастер. — Научный склад ума.

Худощавый резко обернулся и впервые посмотрел на Бакмастера.

— Джон! — восхликал он, и улыбка его продержалась на лице подольше. — Значит, ты действительно сделал это! — В голосе его прозвучало огромное облегчение.

Бакмастер кивнул.

— Я же сказал, что сделаю. И сделал. Фред, ты понапрасну потратил свое время, волнуясь обо мне.

Фред Карле удивленно поднял брови.

— Но ведь ты блуждал по самым заразным местам на планете целых пять месяцев — за это время можно было бы уничтожить самого упрямого старожила.

— Да брось ты! Я закончил все, что начинал. И теперь мы готовы поехать куда-нибудь в другое место. Где твой драгоценный багаж?

— Да прямо здесь, «У Красотки». У нее тут самый большой сейф в городе. А поскольку она — женщина, то даже самые тупые головорезы и убийцы, живущие на этом шарике, дважды подумали бы, чтобы ограбить ее.

— Ну, пошли.

ОНИ ПРОШЛИ через длинный игровой зал к офису позади него. Бакмастер коротко постучал и вошел. Сидящая за столом белокурая женщина лет тридцати, высокая, одетая в традиционную одежду королевы игроков, подняла на них взгляд. Это и была «Красотка» Куртни, самая известная и самая популярная женщина на планете, богатой буйными, потрясающими характерами. Губы ее сложились в широкую, удивленную и одновременно восхищенную улыбку.

— Эй, Джон! — хриплым голосом вскричала она. — Так вы действительно сделали это? — И она покачала головой.

— Как и сказал Фред, — улыбнулся Бакмастер.

Они обменялись рукопожатиями, как старые друзья. Затем она перевела взгляд на Фреда Карле.

— Ваши вещи по-прежнему в сейфе, Фред. Хотите забрать их?

— Да. Пожалуйста. И миллион благодарностей за то, что сохранили их.

«Красотка» покрутила диски и пощелкала рычажками на сложных, защищенных от грабителей запорах стальной дверцы сейфа, и достала оттуда два больших, тяжелых чемодана. Мужчины взяли по одному чемодану.

— Уезжаете? — спросила женщина.

Бакмастер кивнул.

— Но мы скоро вернемся с достаточными средствами, чтобы переделать всю планету и сделать ее пригодной для жизни людей. И когда мы вернемся, то принесем с собой цивилизацию.

Никто не улыбнулся от высокопарности его слов. Ведь это был властный, уверенный в себе Бакмастер, слова которого звучали, словно пророчества. Вместо этого «Красотка» Куртни произнесла тост.

— За новую Венеру и ее хозяина, — сказала она.

Они торжественно выпили.

Бакмастер и Карле уже повернулись, чтобы уйти, когда «Красотка» сказала им в спину:

— Фред говорил, что вы хотите найти Девю.

— Верно.

— А вам известно, какая у него репутация?

— Досконально, — ответил Бакмастер и широко улыбнулся. — Послушайте, уж не волнуетесь ли вы за меня?

— Делать мне больше нечего, — сказала «Красотка» полууштыво.

— Вам ведь известно, как я безумно и безнадежно увлечена вами. Но вы продолжаете совершать безумные поступки и пытаетесь играть с Девю на его поле, Джон. Надеюсь, вы понимаете, что делаете.

— Можете не сомневаться в этом, «Красотка». И спасибо за добрые предостережения.

Дымящийся дождь лупил их по плечам, когда оба мужчины прошли по грязи к правительству земельному управлению. Здесь Бакмастер подал несколько заявок, которые достал из непромокаемого бумажника.

Клерк несколько минут тщательно изучал их.

— Две пожизненные заявки на землю, по одной на каждого из вас, — сказал он. — Вы, конечно, понимаете, что одному человеку может принадлежать только один участок земли.

Бакмастер кивнул.

— А остальные являются правительственными арендными договорами, — продолжал клерк. — И вы, также, понимаете, что такие договора истекают через год, если не выполнены определенные указанные в документах земельные улучшения?

Бакмастер снова кивнул. Клерк проверил арендные договора на участки, разбросанные вроде бы в беспорядке по всей длине единственного континента Венеры. Затем с интересом взглянул на своих клиентов, но сказать ему было нечего, и он зарегистрировал заявки. Затем проверил местоположение участков, заявленных на пожизненное владение. На этот раз его удивление было слишком велико, чтобы он мог его скрыть.

— Один участок находится на вершине горы Аполлона! — воскликнул он. — Она больше четырех миль высотой, самая высокая гора на планете. Вы хотите сказать, что действительно поднялись туда и поставили свои маркеры?

Бакмастер невозмутимо кивнул.

— Тогда, наверное, вы первый землянин, забравшийся туда. Но зачем? Трудно было бы выбрать более бесполезное и недоступное место на Венере.

— Возможно, ему нравится открывающийся оттуда вид, — предположил Карле.

Окончательно сбитый с толку клерк лишь пожал плечами. Убедившись, что он имеет дело с безопасными психами, он закончил регистрацию. Когда все закончилось, Карле не мог противиться желанию и сказал изумленному клерку:

— Хорошенько запомните эту дату, молодой человек. В последующие годы она станет для вас и всех прочих настоящим праздником.

КОГДА ОНИ вышли наружу, дождь уже перестал. Легкий бриз принес с собой комки спор и уродливых бактерий, совершенно безопасные, поскольку они прошли сквозь защитный экран, излучаемый с башни, построенной в виде зонтика.

Карле подозвал двухместного рикшу, и они в последний раз покатали по грязи Венусополиса. Последняя их поездка завершилась на космодроме, где Бакмастера ждала небольшая, но мощная космическая яхта «Херц Каннингем», терпеливо стоявшая в стартовом ложе, полностью покрытая предохранительной смазкой.

— Весьма неказистая на вид, — сказал Бакмастер. — Но следующие несколько недель она станет для нас домом.

— Мы сразу же летим на Землю? Но разве вы не хотите сначала поесть и как следует выспаться?

— Для этого будет много времени во время полета. Жизнь так коротка, а нам еще столько предстоит сделать в будущем, Фред. Так что полетели.

Карле загрузил багаж и сделал последние предстартовые проверки. Когда Бакмастер вернулся из офиса начальника космопорта с бумагами, разрешающими взлет, и заранее рассчитанным маршрутом, его друг нерешительно сказал:

— «Красотка» была права насчет Девю, Джон. Мне бы гораздо больше понравились наши приключения, если бы мы не стали связываться с этим человеком. Действительно ли это так необходимо?

— Нет, но у меня есть на то причины. Я все расскажу тебе, Фред, когда придет время.

Карле пристегнулся к креслу в ожидании старта.

— Не нравится он мне, — сообщил он, и голос его внезапно предательски дрогнул.

II. Взгляд на империю

ИКЕБОД ДЕВЮ входит в десятку самых богатых людей на Земле. Высокий, стройный, с седыми волосами и серыми

ледяными глазами – до последней черточки он выглядит злобным финансовым магнатом. Про него шепчутся, что у него столько же врагов, сколько долларов, и он гордится этими слухами. Он начал с продажи шнурков для ботинок и пошел прямо к вершине по головам своих друзей.

Он холодно взглянул на Джона Бакмастера и Фреда Карле.

– Молодые люди, вы прорвались в мой кабинет, загипнотизировав секретаря, угрожая телохранителю и раздавая всем весьма изобретательные объяснения своим действиям. Насколько я понимаю, такую энергию никто не станет тратить впустую, чтобы впарить мне какую-либо энциклопедию.

Бакмастер был самим воплощением спокойствия, когда уселся в роскошное кресло, тут же настроившееся на изгибы его тела.

– Не энциклопедию, мистер Девю, – сказал он. – Партнерство.

– Вы слишком щедры.

Бакмастер проигнорировал сарказм магната.

– Вы большой человек, мистер Девю. У вас много собственности и еще больше власти.

– Я ценю ваши комплименты.

– Но по сравнению с тем, что я собираюсь вам предложить, все, что вы достигли за всю свою жизнь, покажется вам таким пустяком...

Девю приподнял внешних уголки бровей так, что они образовали букву V.

– Даже так? – сказал он.

– Я протягиваю вам на блюде не состояние и даже не империю, а целый мир! Планету Венера!

Девю сначала приглушенно, затем откровенно рассмеялся.

– Венеру! Действительно, великолепный подарок! Но ведь она всего лишь вечно сырое, вонючее приграничье, постоянный очаг эпидемий, и главная ее продукция – чудовища, болезни и... авантюристы. И все перечисленное я ненавижу.

– Верно, мистер Девю. Хорошо сказано. Сегодня Венера – невозделанный рай пионеров. Место, где люди, постоянно рискуя получить смертельный удар из джунглей, борются с ними. На каждого счастливца приходится сотня тех, кто терпит неудачу и погибает. Большинство людей считает ее просто местом, где Джерри Карлайл добыла прекрасные экземпляры чудовищ для лондонского Межпланетного Зоопарка. Но поверьте мне, Венера готова для эксплуатации. Это созревший плод, который упадет в руки тому человеку, который решит главную проблему всех пограничных аванпостов – транспортную систему.

– Гм-м...

Девю забыл про свои насмешки и провел двумя пальцами по тонкому, жадному носу.

— Нет нужды рассказывать вам, — продолжал Бакмастер, — что закон и цивилизация всегда следуют в новом мире за транспортной системой. Такова история. В настоящее время на Венере нет никаких видов транспорта, предлагающих экономическое перемещение грузов и пассажиров. Самолеты не могут летать в вечном тумане. Ракеты, конечно, могут лететь на большой высоте, но постоянная борьба с гравитацией делает взлеты и посадки неэкономными из-за большого расхода топлива. Даже непрочные пассажирские радиоуправляемые гробы слишком дороги. Ракеты, практически, съедают больше топлива, чем стоит весь фрахт. Простые расчеты показывают это.

— Да, вы прекрасно изложили свое мнение, — кивнул Девю. — Но что дальше? Я полагаю, у вас с вашим приятелем есть решение этой проблемы?

— Конечно.

Спокойно, но компетентно Бакмастер описал венерианский континент, покрытый бесчисленными плантациями, десятками горнодобывающих предприятий, небольших, но аккуратно соединенных в единую трансконтинентальную магистральную линию.

— И, как владельцы этой магистрали, мы станем владеть всем миром, — завершил он.

Глаза Девю засияли. Ему стало интересно.

— Покажите мне, — резко сказал он.

ВСЕ ТРОЕ поднялись на крышу, где был разбит небольшой садик, и Карле открыл два чемодана и стал собирать установку для демонстрации. Бакмастер показал Девю пластину, составленную из множества ячеек, сделанных из странного сплава.

— Термопара Бакмастера. Совершенно новая концепция. Оригинальная идея родилась у меня, но Карле, — а он физик-экспериментатор, — создал и улучшил ее. Эта пластина преобразовывает солнечный свет в энергию, которая идет от передающей к приемной станции. Смотрите...

Карле поставил два веретенообразных предмета на расстоянии двадцати ярдов друг от друга, почти как Эйфелевы башни-близнецы. Взяв две термопары, он установил их лицевой частью вверх, к свету, и присоединил к ним кабели, идущие от двух башенок. Затем он достал маленькую машинку сигарообразной формы, сверху на которой, точно бородавка, торчала какая-то коробка.

— Показывай, Фред, — скомандовал Бакмастер.

Карле взволнованно провел ладонью по волосам.

— Эта штука сверху на машине — своего рода приемник, — сказал он. — Энергетический луч проходит через него и преобразовывается в электричество.

Наклонившись, Карле поставил машинку и щелкнул крошечным выключателем. Она тут же поднялась в воздух, подплыла к одной башенке и замерла, волшебным образом паря над землей.

— Конечно, это всего лишь игрушка, — продолжал Карле. — Модель можно оторвать от луча хорошим рывком. Но машина в полную величину и с мощным лучом будет столь же безопасна, как монорельсовый поезд, причем ей станет совершенно безразличен венерианский туман или дождь.

Взгляд Девю стал хищным. Он внимательно все осмотрел, обратил внимание, что энерголуч практически незаметен, не считая еле слышного гудения. Несколько раз он прогнал взад-вперед машинку.

— И вы утверждаете, что это действительно электрический луч?

— Строго говоря, нет. Но он электронный по природе. Если же быть откровенным, мы не уверены, чем именно он является. Открытие было сделано почти случайно. И большего мы не может пока что сказать.

— И сколько будет стоить работа всей полномасштабной системы?

— Ни цента. В этом-то вся прелест нашего плана. Источник энергии — неистощимое Солнце. Венера на двадцать пять миллионов миль ближе к Солнцу, чем Земля, и там буквально море энергии, нужно только научиться ее брать.

Девю нервно прошел к парапету крыши и обратно. Он был взволнован, как никогда в своей жизни.

— Но я вижу кое-какую помеху вашей системе, — сказал он. — Как вы собираетесь использовать солнечный свет сквозь непроницаемые венерианские облака в три-четыре мили толщины?

На лице Карле промелькнула быстрая усмешка, и он взглянул на своего партнера. Бакмастер достал сигарету, зажег ее и пустил прекрасное колечко дыма.

— Вихревое кольцо, — ответил он, показывая на него. — Вся энергия в кольце замкнута на себя. В наше время подобные принципы скромно используются на фабриках, чтобы поднимать сажу, дым и пыль в верхние слои атмосферы и не загрязнять городской воздух.

Девю посмотрел на него.

— Вы хотите сказать, что можете пробить дыру в вечных туманах Венеры? Но ведь на это уйдет фантастическое количество энергии.

Бакмастер нетерпеливо покачал головой.

— Вы все еще не уловили, мистер Девю, что у нас под рукой куда больше энергии, чем об этом можно было мечтать. Неограниченной

энергии. Она – самый дешевый и самый распространенный элемент всех наших операций.

Финансист немного поразмышилял над его словами.

– Верно, верно... Но у вас не будет доступа к этой энергии, пока вы не вырежете, по меньшей мере, одну дыру в тумане. Откуда вы возьмете энергию на это? У вас есть какие-нибудь блестящие идеи на этот счет, молодые люди?

Бакмастер тихонько вздохнул.

– Боюсь, вы недооцениваете нас, – ответил он. – Вы слышали когда-нибудь про гору Аполлона? Это самая высокая гора на Венере. Настолько высокая, что половину суток она торчит из тумана под ярким солнцем. Это тот самый пик, который позволил астрономам рассчитать период вращения Венеры. А нам он позволит создать первый энергогенератор без постороннего вмешательства и послать его приемнику, расположенному внизу. Оттуда мы просто протянем цепь башен по континенту на максимально далеком расстоянии, на какое позволяет кривизна планеты, чтобы не прерывать луч. Энергией из первой приемной станции мы вскроем облака, дадим доступ солнечному свету, затем пошлем луч к следующему приемнику, вскроем облака, и так далее...

Девю сдался. Это было видно по его походке, пока он расхаживал по крыше. Жадность и жажда власти буквально выступали у него изо всех пор.

– Если я приму ваше предложение, – повторяю, если, – то сразу должно быть ясно, что, как всегда в таких случаях, инвестор держит контроль над компанией, – сказал Девю. – По крайней мере, пятьдесят один процент акций должен быть моим.

Бакмастер открыто расхохотался.

– Если бы я настаивал, что сохраню контроль за собой, вы бы наплевали на мое предложение, – сказал он. – Точно так же я отношусь к вашему. Пятьдесят на пятьдесят, мистер Девю – это единственный способ заключить сделку, и вы это знаете.

На мгновение что-то страшное мелькнуло в глубине глаз миллиардера.

– Понятно. Я даю деньги – по меньшей мере, миллионы долларов. Вы, в свою очередь, ставите патенты на свои изобретения, так?

– Совершенно верно. Карле станет контролировать производство оборудования, я же спроектирую весь проект.

– А знаете, один мой сигнал, и тут же появятся дюжины охранников, – тонко намекнул Девю. – Я мог бы освободить вас от термопары, демонстрационного аппарата и остального оборудования, которое вы принесли с собой, чтобы создать свою собственную компанию. Ваша помощь стала бы мне не нужна,

и ни один суд в мире не поверит вашему слову, поставленному против моего.

— Да, это могло бы сойти вам с рук. Вот только вы этого не сделаете.

— Вот как? И почему же?

— Потому что мне принадлежит та жизненно важная горная вершина, — самым приятным голосом ответил Бакмастер.

Этими словами Бакмастер хлестнул Девю, словно невидимой перчаткой по лицу. Другими словами, он сообщил миллионеру, что приехал сюда, ожидая предательства и подготовившись к нему. Это был вызов. Лицо Девю напряглось так, что на нем выдались скулы. Он долго глядел на Бакмастера.

— Ладно, я вам верю и готов заключить сделку, — сказал он, наконец. — Оставьте мне то, что у вас есть, для технической экспертизы. Приезжайте сюда в понедельник, часам к десяти.

И он улыбнулся. Это была улыбка палача, с которой тот накидывал мешок на голову жертвы.

ОНИ СИДЕЛИ в гостиничном номере, драгоценные образцы изобретений были надежно заперты в банковском сейфе. Внутри Карле нарастал страх, и он боялся выпустить его наружу.

— Он мне не нравится, Джон, — сказал Карле. — Теперь я пообщался с Девю и верю ему меньше, чем когда-либо. Он — акула, финансовая акула. Я думаю, что мы — просто дураки, раз решили иметь с ним дело. В мире бизнеса мы — просто детишки по сравнению с ним. А он акула, преследующая сардин.

— Разумеется, он — акула, и проглотит нас, если сумеет.

Глаза Карле полезли из орбит.

— Ты хочешь сказать, что направился к Девю, уже зная, что он собирается нас сожрать?

Бакмастер был настолько же спокоен, насколько Карле нервничал. Он сидел, расслабившись, в удобном кресле у большого окна номера с таким видом, словно собирался оставаться здесь до утра понедельника, невозмутимый, как статуя, вырезанная из цельного камня.

— Да, — кивнул он, — так оно и есть. Я абсолютно уверен, что Девю постараётся вытеснить нас из дела. Таков уж у него характер. Он терпеть не может делить власть с кем-либо еще. Но мне кажется, я могу предположить, как он собирается это сделать.

— Но зачем, Джон? Зачем? — воскликнул Карле.

— Венера стоит у начала больших перемен, Фред. Для успеха потребуется руководитель с железной волей, скажем проще — диктатор. Но не Девю. Его жадность уничтожит все. И два человека не могут править бок о бок. Нет, Венера требуется

доброжелательный деспот, и таким может быть лишь один человек – Джон Бакмастер.

– Ты хочешь сказать, – придушено пискнул Карле, – что думаешь, будто сумеешь перехитрить этого старого лиса в его же собственной норе?

– На каждого лиса есть свой пес.

Лоб ученого сморщился, когда тот сосредоточенно попытался понять своего друга.

– Тогда… Позволь мне сказать тебе прямо. Ты объединяешься с Девю, зная, что он постарается украсть у нас все дело, потому что планируешь сам отобрать его у него. Но твоя совесть не позволила бы сделать это с честным партнером. А вот нечестность Девю развязает тебе руки. Это так?

Бакмастер кивнул.

– Великолепный анализ. Я буду считать, что наш проект завершится в тот день, когда Девю передаст управление корпорацией мне.

Карле бухнулся в кресло у окна, качая головой при виде этой любопытной комбинации жестокости и личной честности.

– Черт побери, какая борьба предстоит! – воскликнул он и тут же кое-что вспомнил. – Но послушай! Это же объясняет мне кое-что, чего я сразу не понял. Когда мы стояли на крыше, и ты объяснял Девю об изобретении вихревого кольца, то кое о чем умолчал.

Они обменялись взглядами, усмехаясь. Но усмешка постепенно исчезла с губ Карле, когда он снова взглянул на Бакмастера.

– Иногда мне кажется, что совсем не знаю тебя, Джон. Ты такой неумолимый…

То, что он пытался выразить, было страхом маленького человека, оказавшегося в вихре жестокой битвы между двумя гигантами. И поскольку этой битвой гигантов являлось одновременно: человек против человека и человек против Природы, то победителя ждал самый большой приз в истории Человечества.

В ТО ЖЕ САМОЕ время Икебод Девю решал проблему Бакмастера в своем конференц-зале перед пятью экранами в натуральную величину, на котором были пятеро его самых доверенных лиц из мира утонченного искусства и финансовых преступлений.

– …чтобы создать фиктивную компанию буквально на пустом месте, и мое имя не должно появиться ни на одном документе, – говорил он. – Для вас пятерых не составит труда получить правительственную концессию для этого проекта. «Солнечный луч, Инкорпорейтед» – неплохое название. Оно понравится

романтичному мистеру Бакмастеру, который слишком высокого мнения о себе и слишком низкого обо мне.

Пятеро финансистов тревожно переглянулись на экранах друг с другом. Кто-то явственно откашлялся. Все различили в голосе Девю угрожающие нотки, которые не предвещали ничего хорошего человеку, осмелившемуся бросить вызов самому Икебоду Девю.

— Однако, — продолжал финансист, — у правительственный контрактов непродолжительный срок действия. Так что продемонстрируйте мне свои способности разорвать их через год или уходите в отставку. Вы, конечно же, знакомы с процедурой. Я хочу, чтобы мистер Бакмастер не сумел выполнить в срок свои обязательства по ним. Вы слышали такое слово — саботаж?

И Девю захихикал с искренней радостью в голосе. Он всегда находил физическое удовольствие в созерцании падения другого человека.

— Беспорядки остановят работы на Венере незавершенными, и я не сомневаюсь, что правительство с радостью примет щедрое предложение Икебода Девю завершить за свой счет грозящий окончательно провалиться проект. Такие ответственные граждане, как я, знаете ли, имеют значительное влияние на правительство.

На этот раз засмеялись все.

— Так что я предложу повторно финансировать проект уже под своим собственным именем, и мы с вами, господа, будем владеть им безраздельно. В качестве дополнительной страховки, первоначальное финансирование мы проведем в самом минимальном масштабе, чтобы, когда Бакмастер потерпит неудачу, он оказался полным банкротом и был вынужден продать акции «Солнечного луча, Инкорпорейтед», чтобы удовлетворить своих кредиторов. А я, естественно, заранее скуплю его долги, поэтому, что бы он ни сделал, я получу компанию. Вот таким образом мы, практически, ничего не потеряем, выводя двух наших друзей из дела.

Партнеры Девю закивали. Схема была простая, красивая и типично беспощадная. Они коротко обсудили ее различные аспекты.

— У вас есть на примете человек, который... н-ну... проведет нашу политику на Венере? — спросил кто-то. — Так сказать, тайный сотрудник?

— Да. Мой зять Лорен Ханссен, с которым вы все знакомы, является строительным инженером. Он уже делал для меня несколько подобных работ. По крайней мере, у него достаточный опыт, и он знает, как лучше всего провалить проект.

— Делает всю грязную работу для семьи, да? — хихикнул спрашивающий.

— Разумеется, мы будем должны удостовериться, что Бакмастер вложит в проект все свои термопары, сооружения и генераторы вихревых колец, — заметил другой финансист. — А так же документы на владение вершиной той горы.

Девю неприятно улыбнулся.

— Я доверяю вам, Хостеттер, лично проследить за этим, — ответил он с неприкрытым сарказмом. — А теперь послушайте все. Я не желаю никаких ошибок. Проект слишком важен. И поверьте, я пойду на любые необходимые затраты. Икебод Девю намеревается стать владельцем Венеры.

— Да, мистер Девю, — раздался слаженный хор голосов, сопровождающийся подобострастными кивками, и Девю резким ударом руки отключил все экраны.

Затем он откинулся на спинку кресла, потирая руки, довольный собой. Он даже надеялся, что Бакмастер вступит с ним в борьбу, что сделает игру еще интереснее. Девю всегда наслаждался борьбой, потому что нечестный боец всегда имеет преимущество!

III. Схватка

Общеизвестно, что Джон Бакмастер всегда нанимал для особых работ людей особого типа. Имеется в виду не психологический отбор рабочих, а использование людей, отличающихся от большинства по биологическим параметрам, которые помогли бы лучше справляться с определенными видами работ.

Например, известный венерианский проект Бакмастера потребовал людей, которые могли бы жить и работать на горе Аполлона, на высоте нескольких тысяч футов. Для этого он нанял группу специально обученных уроженцев Анд, настолько привыкших к жизни высоко в горах, что у них имелись физиологические отличия от обычных людей. Например, они характеризовались увеличенным сердцем, более медленным пульсом и кровью, несущей больше кислорода...

Без такого подхода Бакмастер, вероятно, никогда бы не закончил первый и самый важный этап своего проекта. Однако, работа на горе Аполлона оказалась самой простой из всех, потому что даже Джон Бакмастер не сумел найти людей, которые могли бы спокойно работать и оставаться здоровыми в кишачих эпидемиях джунглей Венеры.

Журнал «Медицинская инженерия»

«ПЕРЕЛЕТНЫЙ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР», так назвали комплекс, состоящий из бара, танцевального зала и зала игрового, оборудованный мощными реактивными двигателями, так что он мог перелетать от одного строительного лагеря до

другого, поскольку великий проект «Солнечный луч» протянулся через весь огромный континент Венеры. Расположившись на краю «Солнечного луча № 2» в предгорьях горы Аполлона, он, под управлением Красотки Куртни, предлагал грубые развлечения рабочим, которые хотели бы хоть ненадолго забыть о том, что, работая здесь, они ежеминутно рисуют жизнью.

Из своего кабинета Красотка видела всю рабочую площадку – грубый круг голой земли примерно полмили в диаметре, вырезанный посреди джунглей и удерживающий их лишь благодаря постоянному распылению смертельных ядохимикатов. В центре круга высилась ажурная металлическая башня, ясно видимая даже в тумане. Она возвышалась на сотни футов, как яркий символ Человека, бросившего вызов бурям и эрозии – самым смертоносным типам оружия Венеры против захватчиков с Земли.

По периметру круга были выкопаны шесть аккуратных ям, предназначенных для устройства вихревого кольца, которое раздвинет вечную завесу тумана. Две ямы были уже забетонированы, но люди все еще боролись с водой и грязью в остальных. Днем и ночью не умолкали насосы, откачивающие жижу.

Возле оси башни припал к земле гидравлический подъемник, который должен будет поднимать и опускать тяжелую лучевую аппаратуру. Пока что он использовался, чтобы доставлять сварщиков и материалы на вершину башни.

Уставившись на ведущиеся работы из окна своего кабинета, Красотка иногда задумывалась о той неугасимой энергии, которая заставляла людей, подобных Бакмастеру, постоянно идти вперед, что-то строить и завоевывать. Но чаще, и гораздо практичнее, она подсчитывала состояние, которое накопит, перелетая из одного лагеря «Солнечного луча» к другому – если проект будет успешно завершен.

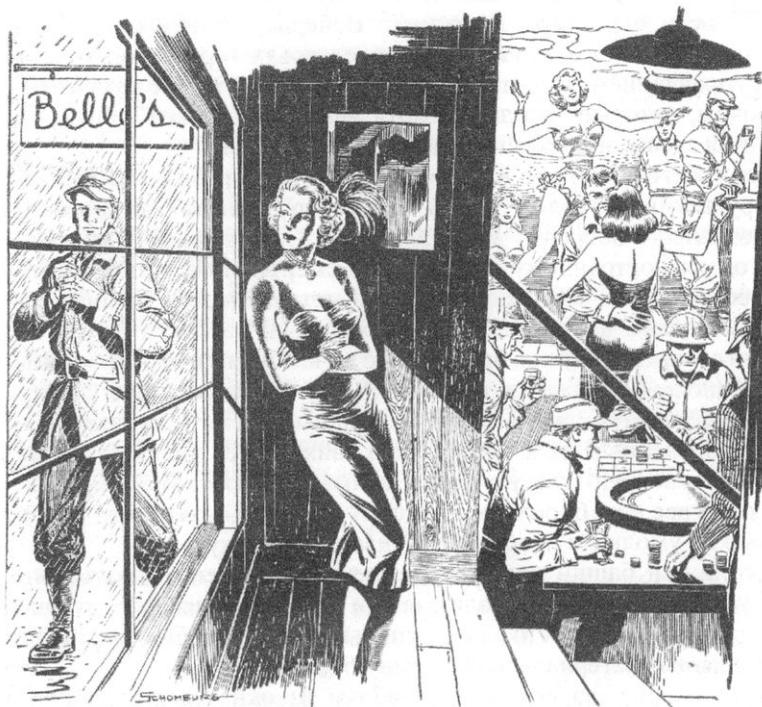
Внезапно из тумана донесся наполненный страхом крик. Мгновенно все замерло и смолкло, люди стали прислушиваться, затаив дыхание.

– Пикирующая птица! – закричал кто-то.

Все бросились бежать. Некоторые рванули в убежища. Другие, с оружием в руках, бросились к платформе подъемника и притаились возле башни.

Слишком поздно! Смерть нанесла удар внезапно и без предупреждения – как всегда действует смерть на Венере.

Со скрытой в тумане вершины башни вниз полетело нечто бесформенное, что совсем недавно было человеком. Оно ударилось о землю, подняв фонтан грязи. Остальные плавно последовали за ним на парашютах, а сверху, с высоты в триста футов, раздалось шипение протонных винтовок.

From her office, Belle could see the entire workings

Затем, из мрака, точно темный ангел смерти, вырвалась пикирующая птица — существо с двадцати пяти футовыми кожистыми крыльями, на концах которых были десятки острых когтей, и клювом, точно ножницы дьявола. Этими ножницами она мгновенно разорвала на кусочки парашют одного из спускавшихся. Только то, что он был уже в десяти футах от мягкой, болотистой земли, спасло его от смерти.

В бессмысленной ярости чудовище обернулось в поисках новой жертвы. Кругом были бегущие и вопящие люди. По балкону как раз напротив окна Красотки бежала какая-то девушка. Внезапно стрелку удалось поразить цель. Голова пикирующей птицы вспыхнула фиолетовым пламенем и тут же с треском разлетелась на кусочки. Однако, тварь была настолько живучей, что металась по воздуху еще целую минуту, пока не врезалась в основание башни и рухнула на землю зловонной, подергивающейся кучей.

КРАСОТКА КУРТНИ вышла наружу и поспешила туда, где снайпер все еще держал наготове свою винтовку. Это был

Фред Карле. При виде Красотки он усмехнулся и вытянул руку с трясущимися пальцами.

— Как ты можешь понять, я отнюдь не боец, — признался он.

— В жизни не видела выстрела лучше, — возразила Красотка. — К тому же в самый удачный момент!

— Но не достаточно быстро, чтобы спасти жизнь Санчесу, — с горечью ответил Карле. — Снова подпорчен наш отчет. С того времени, как началось строительство, ни дня не проходит без потери хотя бы одной человеческой жизни.

— Но вы дали сварщикам парашюты, — поморщилась Красотка.

— Поставили вооруженных охранников защищать их. Что вы еще можете сделать? Вспышки сварки всегда будут привлекать пикирующих птиц, пока не закончится строительство башни.

— О, самое плохое не эти чудовища, хотя мы знаем, что проигрываем в войне против них, — отмахнулся Карле. — Самое ужасное — это болезни.

Он уставился вниз на Холм Червя, где лежало уже начавшееся разлагаться тело. Могильщики уже начали копать Санчесу могилу. Трупы нельзя было здесь оставлять надолго. Да и о гробах никто не заботился, все равно их было бы не из чего делать.

— Когда, несмотря на все усилия наших врачей, вокруг свирепствуют десятки различных видов лихорадки, у человека мало шансов выжить. А из тех, кто остался жить, еще процентов десять постепенно потом умирают на протяжении долгих месяцев или даже лет.

Подул смрадный ветерок, словно дыхание крематория, принеся с собой уродливые слизистые комки спор и бактерий, плывущих над лагерем. Красотка и Карле отрывали их от одежды, спеша укрыться в убежище Красотки. Там их уже ждал здоровый, светловолосый молодой гигант, сверкая белозубой улыбкой и щегольской походкой расхаживая взад-вперед. Это был Лорен Ханссен, помощник инженера, отвечающий за объект В, пока Бакмастер создавал далеко на юге объект С.

— Ну, ну, Карле, — сказал он с сердечной улыбкой. — Откуда вы появились?

— С завода, конечно. Проверял поставки.

— Ну, да, конечно. Жаль, что вы сразу же встретились с несчастным случаем, произошедшим несколько минут назад. Здесь это не редкость.

— У вас, кажется, здесь много чего не редкость.

Объект В уже прославился поломкой инструментов и странных аварий. Ханссен кивнул.

— Э-э... Мне кажется, здесь все дело в технике, о чем я хотел бы проконсультироваться с вами, Карле, — сказал он. — Мы могли бы встретиться с вами на заводе?

Карле вздохнул. Только два человека в мире знали, где находится тайный завод, это сам Карле и Бакмастер. Его радиочастоты держались в секрете. Рабочие, которые его построили, были отвезены туда же, откуда их и привезли, и сами понятия не имели, где работали. Даже помощники, работавшие там в настоящий момент, не знали, как добраться до цивилизованных мест. Завод производил драгоценные термопары, детали для машин и аппаратуру, с помощью которой можно было разгонять туманы Венеры.

— Ханссен, вы уже несколько раз пытались выяснить, где находится завод. Я никому не скажу этого.

— Звучит так, словно вы мне не доверяете.

— Да ведь так оно и есть.

ХАНССЕН беззаботно рассмеялся и вышел наружу, где стояли без дела люди, потрясенные трагедией. Один из них, стройный, смуглый парень, поспешил к инженеру.

— Он был моим братом, и что теперь, — заявил он на ломаном языке. — Почему? Никакой защиты. Мы тоже люди. Нас игнорируют. Почему вы не защищаете нас, сварщиков?

Ханссен положил руку ему на плечо.

— Дорогой мой Санчес, — сказал он с неискренней любезностью, — я так огорчен смертью вашего брата. Поверьте мне. Мне больно всякий раз, когда кто-либо из моих людей страдает. Мы пытаемся принять все возможные меры предосторожности. Парашюты. Вооруженные охранники.

— Ха! Чевин слетел вниз, как ненужная ветошь, пока охранники прятались наверху! — он яростно махнул рукой на скрытую в тумане вершину башни.

— Ну, ошибки всегда происходят, — пожал плечами Ханссен. — В конце концов, парни, я просто подчиняюсь распоряжениям мистера Бакмастера.

— Бакмастер, — раздался чей-то голос. — Как же, станут его волновать несколько жизней!

На мгновение на лицах рабочих, желтых от постоянного употребления *атабрина* и других профилактических средств, появилось что-то угрожающее. Послышался ропот, невнятные угрозы, на которые у них не хватило времени, потому что Ханссен тут же велел всем расходиться по своим местам. Группа распалась, когда люди нерешительно вернулись к работе. Но семя недовольства упало на подготовленную почву.

Карле и Красотка Куртни обменялись понимающими взглядами.

— Ошибка, сказал он, — проворчал ученый. — Как же, ошибка. Как и наждак в насосе. Как и прогоны, которые за шесть дюймов короче, чем нужно. И низкосортный бетон...

— Я на днях просмотрела документацию корпорации, — с неожиданной нервозностью ответила на это Красотка. — Имя Девю не встречается нигде. Но это мне показалось зловещим, наряду с фактом, что Ханссен — его зять. Понимает ли Джон, чему он противостоит?

— Да, он прекрасно все понимает. Я думаю, он ожидал подобного. Но бесполезно говорить с ним об этом.

— Я знаю, — вздохнула Красотка. — Я просто волнуюсь.

Карле проницательно посмотрел на женщину.

— За проект или за Джона?

Красотка мрачно улыбнулась.

— Я не люблю выворачивать душу наизнанку. Но все равно, здесь назревает нехорошая ситуация, которая прорвется, если не будет изменений к лучшему.

Но улучшений не наблюдалось. Уровень смертности среди рабочих медленно полз вверх, потому что опытных работников заменили полуобученные новички, а болезни косили всех подряд. Бакмастер спроектировал специальный шлем с ультразвуковым элементом наверху, который убивал всех насекомых и бактерий в радиусе пяти футов. К сожалению, лишь очень немногие могли вынести ультразвук свыше двух часов подряд. Если носить шлем дольше, то у людей появлялись невротические припадки, выводящие их из строя на два-три дня. Так что потери человекочасов по болезням не были возмещены.

После того, как будет завершена первая линия, станет доступна бесконечная энергия, которая даст возможность создать оружие в войне против джунглей. Рабочие смогут жить и работать в безопасности и комфорте, здоровыми и веселыми. Этого и пытался добиться Бакмастер. Но пока этого не было сделано, работа оплачивалась слишком высокой ценой.

В конечном итоге, у Бакмастера было лишь одно оружие против выступающих сил природы — человеческие жизни, столь расточительно тратившиеся.

И когда высокой заработной платы стало недостаточно, чтобы приманить новых работников, Бакмастер принялся за откровенную рекламу на всех ведущих телеканалах мира.

МУЖЧИНЫ!

Требуются мужчины, обладающие мужеством, а иных просьба не беспокоиться.

«Солнечному лучу, Инкорпорейтед» требуются настоящие мужчины для работы строителями с соответствующей квалификацией для завершения проекта на Венере. Работа трудная и опасная. Несмотря на все принятые меры безопасности, наши сотрудники ежедневно рискуют жизнями.

Мы предлагаем вам шестимесячный контракт с очень высокой заработной платой. После этого периода вы можете остаться, с помощью и поддержкой нашей компании, на плантациях или горнодобывающих предприятиях по вашему выбору в пределах досягаемости Линии луча. Вам

будут предоставлены льготные транспортные тарифы. При небольшой удаче вы станете через шесть месяцев богаты и независимы.

Если вам хватит храбрости поставить шесть месяцев вашей жизни против безопасности и независимости всех последующих лет, тогда вы нужны «Солнечному лучу, Инкорпорейтед»!

И это сработало.

Не мощной волной, а ровной струйкой, но трудовые ресурсы начали пополняться. Одни продержались все шесть месяцев. Других пришлось отправить на Землю физически сломленными. Еще больше погибли на Венере. Это походило на бойню на сравнительно небольшом поле битвы.

Даже Красотка Куртни как-то раз, преисполненная жалости, подала голос.

— А действительно ли стоит платить такую цену, Джон?

— спросила она Бакмастера. — В конце концов, то, чего вы достигнете... Неужели оно стоит такой крови?

В ответ Бакмастер лишь стиснул зубы. Насколько он был красноречив, говоря о самом проекте, настолько же не мог высказать вслух тех внутренних побуждений, которые жили в глубине его души. Возможно, он мог бы сказать, что Человек всегда борется за свою свободу, не считаясь с потерями, и что он всегда стремится вперед, к новым горизонтам, как только достигнет предыдущих.

— Я просто должен продолжать, Красотка, — сказал Бакмастер. — Я должен продолжать.

ПРИ НЕУСТАННЫХ подстегиваниях Бакмастера, команда объекта С, в двухстах милях от горного массива, сражалась с джунглями. Однако, на объекте В продолжали происходить небольшие затормозы и несчастные случаи, так что относительно легкая на первый взгляд работа, на которую был отпущен год, ограниченный арендным контрактом с правительством, свелась к мрачной гонке со временем.

Когда оставался всего лишь месяц, Бакмастер в отчаянии бросился в своем старом «Херце Каннингеме» к объекту В. Там он нашел Ханссена, отвел его в сторонку и сказал напрямик:

— Ханссен, вы — тайный агент Девю.

Белокурый гигант был осторожен.

— Да, мистер Девю предложил мне эту работу. Он, знаете ли, мой тестя. И он не жаловался на меня, не так ли.

Бакмастер чуть было не рассмеялся.

— Конечно. Вы хорошо справляетесь с делом — с его точки зрения, — так как ваша главная цель состоит в саботаже работ, чтобы я не сумел завершить их в срок.

Ханссен начал было выражать негодование невинности, на которое Бакмастер не обратил внимания.

— Не вздумайте корчить из себя героя, — сказал он. — Я с самого начала знал о вашей тайной задаче. Поэтому все ключевые посты и охранники — люди, лояльные только мне. Но я предпочел держать вас поблизости, чтобы знать, кто является источником всех грязных делишек. Если бы я избавился от вас, то не знал бы, через кого Девю собирается воткнуть нож мне в спину.

Ханссен попробовал возражать.

— Я не должен терпеть такое даже от вас! — завопил он.

— Заткнитесь. Я делаю вам предложение — прекратите делать мелкие неприятности и поберегите себя для одной крупной попытки уничтожить проект. В конце концов, в интересах Девю, чтобы работы были остановлены на самом краю завершения, буквально в последний час.

У Ханссена отвисла челюсть, он в крайнем удивлении вытаращил глаза. Затем снова попытался симулировать изумленную невинность, тут же перестал, попытался успокоиться, но понял, что неспособен даже на это. Наконец, он усмехнулся и покачал головой.

— Вы победили. Я все понял. Ладно, Бакмастер, делайте, что хотите.

Через сорок восемь часов, когда Бакмастер вернулся на объект С, в его кабинет ворвался радиооператор.

— Завод! — прокричал он. — Был взрыв. Уцелел лишь один человек. Все остальные погибли. Все уничтожено!

IV. Смерть в джунглях

НА ЛИЦЕ Бакмастера появилась такая ярость, что радиооператор содрогнулся. Девю застал его врасплох. Предложением Ханссену Бакмастер надеялся купить отсрочку. Но вместо этого враг ударил с быстрой молнией, и в этой личной войне Бакмастер, по-видимому, потерял своего самого близкого друга.

— Откуда сведения? — зачем-то спросил он.

— Из объекта В, — ответил радиооператор. — Там несколько минут назад появился единственный выживший.

— Фред?

— Нет, сэр. Один из технического персонала. Но прилетел он на судне мистера Карле.

Бакмастер бросился в помещение связи и сам попытался связаться с заводом по личной линии. Но в ответ услышал лишь ровный гудок. Однако, жилые домики были на некотором расстоянии от завода и не могли быть уничтожены никаким взрывом. Он снова и снова звонил туда, но ответа не было.

— Еще какие-нибудь подробности? — крикнул он перепуганному радиооператору.

— Нет, сэр. Оставшийся в живых, кем бы он ни был, потерял сознание.

Бакмастер бросился по грязи к своему старому «Херцу Каннингему» и тут же, даже не проверив уровень заправки, взвился в небо. Когда внизу появились сияющие огни завода, он направил корабль прямо к неожженным, буйным джунглям и посадил его на небольшую поляну. Затем выскочил наружу.

Фабрика, жилые помещения, домик радиста — все было целым, нетронутым. Пока он смотрел, из лаборатории вышел Фред Карле и немного удивленно поздоровался с ним.

— Что случилось, Джон?

Бакмастер пошел к нему по поляне. Он испытал такое громадное облегчение, что даже не смог сразу ответить. Внезапно он понял, что по спине ручьями льется холодный пот. Он не был такой уж бесчувственной машиной, какой его считали другие.

— Плохи дела, Фред. Я получил сообщение, что завод взорвали. А когда я попытался связаться с вами по радио, никто не отвечал. Поэтому я и прилетел.

— А может, кто-то хотел удалить вас с объекта, — предположил Карле.

— Нет, — помотал головой Бакмастер. — Я и так не сижу на месте большую часть времени.

ОТВЕТ БЫЛ получен немедленно, рокотом ракеты, которая стремительно опустилась на поляну. Бакмастер прыгнул к ученому.

— Оружие! — закричал он. — Быстрее! Где вы его держите?

— Почему... э.... что происходит? — взволнованно забормотал Карле, потеряв три драгоценные секунды. — В общем помещении...

— Бегом туда! — рявкнул Бакмастер и первым ринулся бежать, сопровождаемый удивленными взглядами техников. Но было слишком поздно. Со стороны люка приземлившейся ракеты раздалось шипящее предупреждение смерти, и между Бакмастером и жилыми домиками ударил в землю луч из протонной винтовки. Воздушная волна ионизированного воздуха ударила его, оглушила, бросила на землю. Все замерли, подняв руки.

Из прибывшего корабля вышел с улыбкой Ханссен, держа протонную винтовку с непринужденностью, добытой богатой практикой.

— Теперь вы поняли, что происходит, — сказал он и направился через поляну, сопровождаемый еще двумя бандитами. — Еще есть вопросы?

— Да вроде бы нет, — ответил Бакмастер, с трудом поднимаясь на ноги. — И в чему все это?

— А вы будто не знаете! Мы проследили за вами с помощью радара, когда вы помчались сюда после нашей невинной шутки, — ответил Ханссен и послал одного из своих головорезов проверить помещения. — Надеюсь, доктор Карле завершил работу с термопарами и аппаратурой вихревого кольца.

Пораженное выражение лица Карле послужило достаточным ответом.

— А теперь марш на мой корабль, — рассмеялся Ханссен. — Мои коллеги хотят устроить вам небольшую поездку. А я останусь здесь, чтобы проверить, что сделано. Если помощь специалистов все же окажется необходимой, то вас могут вернуть. Если же нет... — И он с улыбкой провел пальцем по горлу.

Бакмастер нерешительно стискивал и разжимал кулаки. По его носу побежала струйка пота. Его друзья, его помощники, да и сам Бакмастер — все должны умереть лишь потому, что он недооценил врага. Бакмастер боялся не смерти, а лишь позора умереть без борьбы. Единственный вопрос, который он пытался решить, заключался в том, начать ли сопротивляться сейчас или позже?

Ханссен направил на него тонкий ствол винтовки.

— Внутрь! — велел он, указывая на ракету. — И не утешайте себя мыслью, что вам поможет какая-нибудь задержка, если я вдруг не разберусь в ваших хитрых изобретениях. Никакие парни в синей форме не ринутся сюда для вашего спасения.

Бакмастера и остальных сотрудников завели на корабль Ханссена и крепко связали руки за спиной. Внутри оказался пилот, ждущий распоряжений, и еще два бандита. Три на четыре, так как сам Ханссен явно решил остаться. Что ж, по крайней мере, силы врага будут разделены.

— Ладно, — сказал Ханссен пилоту, — вы знаете, куда лететь. А я воспользуюсь развалюхой Бакмастера.

Он захлопнул люк. Судно тут же поднялось на двух столбах огня и исчезло в дымящемся, вечном тумане Венеры.

В голове Бакмастера бешено проносились мысли. Если их увезут куда-нибудь в джунгли или на отдаленный остров, и даже если им удастся справиться с похитителями и спастись, то они все равно останутся потерянными. Они смогут лишь бесцельно летать в тумане, пока не кончится топливо, в надежде случайно наткнуться на чай-нибудь направленный радиолуч. Нет, нужно действовать прямо сейчас.

БАКМАСТЕР ОТКИНУЛСЯ на спинку узкого сидения, и, когда охранники на миг отвлеклись, подтянул колени к подбородку.

Подобные акробатические упражнения были удивительны в таком мощном, широкоплечем человеке, но ему удалось протолкнуть ноги в кольцо связанных рук. Таким образом, переместив руки из-за спины вперед, он принял бешено работать зубами над веревкой. В этот момент к нему повернулся один из бандитов.

— Эй! — закричал он. — Немедленно прекрати!

Пленники тут же стали действовать. Оба техника бросились на бандитов и упали на них всем своим весом. Фред Карле без колебаний прыгнул со связанными руками и попытался ударить пилота в спину. Пилот, отреагировав с удивительной быстротой, скользнул в сторону, и Карле рухнул на панель управления. И тут же получил электрический удар, когда его тело, сломав панель, стало причиной короткого замыкания. Его спина выгнулась в предсмертных судорогах, он издал крик, последний, отчаянный крик, слабым эхом отразившийся в тесной кабине.

Корабль дернулся, словно подбитый, и Бакмастера бросило на аварийный люк. Плохо запертая дверца от удара распахнулась и выбросила Бакмастера наружу. В отчаянном порыве ему удалось схватить аварийный парашют, который по инструкции должен лежать возле люка. Эта инструкция спасла Бакмастеру жизнь. Обе руки у него намертво вцепились в лямки парашюта, а поскольку они были связаны, то Бакмастер сам никак бы не смог дернуть за кольцо. Но, к счастью, парашют был соединен специальным тросиком, автоматически раскрывшим его, как только он отлетел от корабля.

На бесконечно растянутое мгновение Бакмастер оказался висящим в липкой серости. Видимость была нулевая, не было ни малейшего ощущения падения, было лишь чистое небытие. Затем из этого небытия возник корабль, летящий мимо парашютиста по странной спирали. Дюзы его были направлены вверх, заставляя аппарат мчаться вниз, к невидимой земле. Извергая огонь, ракета кружила возле Бакмастера, точно акула, собирающаяся напасть.

Бакмастер извивался и старался направить парашют в центр этой смертоносной спирали, и каждый раз, когда корабль приближался, он кричал своим попавшим в ловушку людям:

— Прыгайте! Прыгайте! Вон из корабля!

Наконец, распахнулся люк и из него вылетели две неясные в тумане фигуры. В этот момент по лицу Бакмастеру ударили широкий, влажный лист, что-то дернуло за купол парашюта. Он глянул вниз и увидел, что находится лишь в нескольких футах от земли. Остальные выпрыгнули слишком поздно. Их парашюты явно не успели раскрыться, и они, наверняка, врезались в землю возле корабля.

Пока Бакмастер плавно приземлялся, ярдах в пятидесяти от него раздался ужасный взрыв, и в небо ударила струя пламени, такой яркий, что был виден даже сквозь туман. Он поспешно погасил купол парашюта, зубами связал руки и бросился к месту аварии.

Корабль ударился о землю с такой силой, что раскололся, как спелый стручок, и огонь начисто выпотрошил его. Пожар был кратковременным, но таким интенсивным, что внутри не осталось буквально ничего, кроме пепла. Подождав, пока все остынет, Бакмастер долго копался в поисках каких-нибудь полезных, случайно уцелевших вещей, но не нашел ничего и даже не сумел опознать обугленные трупы.

Наконец, Бакмастер покинул место крушения, прошел несколько шагов и обернулся, чтобы отдать прощальный жест единственному человеку, которого он называл своим другом.

— Я не забуду тебя, — пробормотал он.

ПОРАЗМЫСЛИВ над своим положением, Бакмастер пришел к выводу, что все очень плохо. Он был потерян в венерианских джунглях и даже не имел компаса. Он знал, что находится где-то недалеко от завода, но понятия не имел, в каком тот лежит направлении. Туманы на Венере были такие плотные, что даже рассветы и закаты не могли служить человеку ориентирами. Свет просто убывал и прибывал, ничем не указывая, в какой стороне находится солнце.

Еще хуже было то, что, хотя Бакмастер знал местные джунгли и лично исследовал их, но тогда у него было оружие, еда, лекарства и компас, теперь же он оказался практически с голыми руками в диких краях, где у человека были только враги. Все, что у него было, это неизменный нож с широким лезвием, рабочий инструмент, который все ветераны джунглей держат в ножнах, привязанных под одеждой к бедру левой ноги. Никто из его похитителей даже не подозревал об этом ноже.

Бакмастер сел на первый попавшийся ствол, достал нож и прислушался к монотонным каплям, шелестевшим в подлеске. Казалось, они дразнили его. Затем издалека донесся охотничий яростный вопль гигантского *бича*, похожего на тираннозавра чудовища с цепким тридцатифутовым языком. Немногие люди остались живыми после встречи с *бичом*.

Из саговника выполз сухопутный краб, наверняка привлеченный дымом. Бакмастер раздавил его пяткой, а затем аккуратно вскрыл ножом панцирь. Эластичного, отвратительно воняющего мяса хватило на три укуса. Но это был один из немногих съедобных представителей животной жизни на этой планете. К тому же в крабе находилась пара глотков драгоценного сладковатого сока.

Освежившись, Бакмастер стал со всех сторон обдумывать свое положение, выбирая возможные действия. Наконец, он принял решение. Поднявшись на упавший ствол, на котором сидел, он стал тыкать в него ножом.

— Неудача, — пробормотал он и стал медленно обходить разбившийся корабль, ища другие упавшие деревья.

Дважды он находил многообещающие стволы и тыкал их ножом, но всякий раз безрезультатно. Однако, четвертое дерево оказалось удачным. Середина его была гнилой, и Бакмастер распотрошил ее сильными ударами. Оттуда выскочили примерно две пригоршни серых насекомых с двухдюймовыми телами и головами в форме молотка, отдельно сидящих на туловище.

Улыбнувшись впервые за этот день, Бакмастер положил одно насекомое на землю. Оно сразу же поползло по прямой, и ничто — ни растения, ни развалины корабля, ни лужи воды, — не могли заставить его отклониться от курса более, чем на несколько дюймов. Бакмастер положил на землю еще пару жуков, и они поползли в том же направлении.

— Хорошие жуки-компасы, — пробормотал Бакмастер, собирая остальных и тщательно рассовывая их по карманам. — Милые мои...

Эти жуки-компасы были отдаленными сродни странным тропическим насекомым на Земле, которые всегда ползли точно на север, словно у них в головах были крошечные магнитные стрелки. Подобные насекомые спасли немало заблудившихся разведчиков на Венере.

Бакмастер прекрасно знал, что завод и объекты В и С образуют некий вытянутый треугольник. Линия между двумя объектами тянулась почти точно с севера на юг, а завод был несколько западнее, ближе к объекту В. Еще важнее было то, что ракеты, летающие по лучу между двумя лагерями, держались низко над землей, и их выхлопные газы отметили джунгли пламенем и ядовитой выхлопной струей, так что опытный глаз не мог не заметить этого. Двигаясь на восток, Бакмастер неизбежно должен был пересечь эту полосу. А наткнувшись на нее, он мог пойти по ней на север, туда, где его будут ждать Ханссен со своими гангстерами.

Определив восточное направление, Бакмастеру оставалось двинуться в путь. Если он начнет уклоняться от курса, то жук-компас укажет ему, куда нужно идти. Он подумал о том, какой ужасный поход ему предстоит, и содрогнулся.

Часть маршрута неизбежно пересекла бы возвышенность с непроходимыми чащами и лозами лиан, а также хищников, которые пойдут по его следу. Часть должна была пройти по болотам, где булькала и клокотала первобытная слизь, испуская отвратительное

зловоние, от которого выворачивало наизнанку. Кошмарные, злобные твари тащились бы и там за ним по илу. Смерть постоянно будет вплотную к нему, так что потеряет всяческое значение. Дни и недели покажутся ему тысячелетиями ходьбы, падений и снова ходьбы. В разуме воцарится хаос, а тело оцепнеет от страданий.

Ему пришла в голову старая китайская пословица: «Путь в десять тысяч миль начинается с одного шага». И он сделал этот шаг, затем другой, третий, по цепляющейся за ботинки грязи, которая отнимает силы даже у самых крепких мышц…

ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО часов Бакмастер буквально рухнул на холмик, чтобы отдохнуться. С головы до ног он был покрыт илом, а жадные комки плесени поработали над его одеждой, которая предполагалась плесенезащитной. Он поймал и жадно съел еще двух крабов, а также нашел горстку диких томатных ягод. Затем отрезал верхушки у пары папоротников и выпил их сок.

Дождь начал накрапывать большими темными каплями, напоминающими горячие мраморные шарики. Бакмастер вымыл щеку и руку, на которых тут же запылали огнем клыки шелковой летучей мыши. Любое оружие могло бы разогнать этих, в общем-то, не опасных вредителей. Но на идущего с голыми руками человека они постоянно нападали.

Свет стал тускнеть, хотя до сумерек было еще порядочно. И хотя его испытания только начались, пламенная боль, возникающая в ногах, прокатывалась по всему телу и ударяла в голову, так что каждое движение было пыткой. Но Бакмастер полагал, что сумеет сделать еще пару-другую миль до темноты, пока ужасные чудовища и прочиеочные опасности не загонят его в убежище на вершину дерева.

Из всех эмоций в нем остались лишь мрачные мысли о предстоящих испытаниях. Не было уже ни гнева, ни страха, ни ненависти. В душе Бакмастера остался гореть лишь единственный факел – непоколебимое решение вернуться и одолеть своего одержимого жаждой власти партнера в их эпической борьбе за империю. При этом он понимал, что должен вернуться еще до того, как станет слишком поздно. Нужно было спешить. И непроницаемо спокойный Девю с хищными глазами, казалось, последовал за ним, точно болотные огоньки, когда Бакмастер поднялся и побрел дальше через джунгли.

V. Б значит Берсерк

ВЕСЬ ЛАГЕРЬ кипел слухами и сплетнями. Все работы были остановлены. Сначала просочились и навели хаос новости о заводе, разрушенным каким-то образом. Затем, когда Ханссен

исчез на несколько часов, распространились сведения, что он убит. Но Ханссен вернулся в корабле Бакмастера, никому ничего не стал объяснять, и люди стали задаваться вопросом, почему нигде не объявляется сам Бакмастер. Дважды на последующие два дня Ханссен куда-то улетал в туман, а когда возвращался, то никому не говорил ни слова.

— Где же Бакмастер? Что же станет с нашей работой, если он не объявитсѧ?

— А знаете, что я думаю? Его взорвали вместе с заводом.

— Не мели чепухи. Я точно знаю, что завод невредим. Я знаю, в чем дело. Весь объект С уничтожен чумой. А это означает, что «Солнечный луч» потерпел крах. Все кончено. Нам здесь больше нечего делать. Я убираюсь отсюда ближайшим же кораблем.

На третий день в эту бурлящую обстановку был введен новый элемент — высокий, стройный незнакомец, прибывший на роскошной космической яхте. Сначала все думали, что этот седой человек, из-за белых волос напоминавший сосульку, — и у каждого, кто смотрел на него, по спине бежал холодок, — был представителем правительственного бюро. Но вскоре его узнали.

— Говорю вас, я видел его по телевизору. Это Икебод Девю, мультимиллионер. Финансист, опасный, как гремучая змея.

— Да мало ли что вы говорите! Во всяком случае, он бы не появился тут, если бы Бакмастер все еще оставался боссом. Это доказывает, что с Бакмастером покончено. Его лишили всего и выкинули на Землю. Вот в этом я совершенно уверен.

— Тогда что будет с нами? Кто привезет нам жратву или увезет домой, если мы захотим улететь?

Таким образом, ко всеобщей суматохе были добавлены страх и неуверенность.

В это самое время Икебод Девю и Лорен Ханссен сидели на совещании в офисе компании. Ханссен довольно улыбался.

— Я проделал здесь хорошую работу. Вы прибыли в самый нужный психологический момент.

— Я сделал свои первые десять миллионов, прибывая в самые нужные психологические моменты. — Язык у Девю был, как всегда, едкий. — Пожалуйста, вводите меня в курс дела без лишнего хвастовства.

Ханссен быстро рассказал об уловке, которую применил, чтобы заманить Бакмастера в ловушку, узнать местоположение завода и организовать последующий несчастный случай со смертельным исходом.

— Я услышал взрыв, а через несколько часов нашел это место при помощи радара. Шесть трупов, но никаких признаков седьмого.

— А Бакмастер?

Ханссен пожал плечами.

— Тела были сожжены без всякого опознания. Шесть против одного, что Бакмастер остался в живых. Но даже в этом случае, он обречен. Он остался в джунглях без еды, инструментов и, вероятно, без оружия, за сто миль отсюда.

— Но одновременно, и около завода.

— Поверьте мне, — фыркнул Ханссен, — что человек физически не может ориентироваться или найти определенное место в венерианских джунглях без приборов или радиопеленга. Можно поставить тысячу против одного, что этот человек когда-нибудь отыщет завод. Кроме того, я сам возвращался туда дважды, просто на всякий случай. Я — единственный живой человек, который знает, где место крушения.

ДЕВЮ ЗАДУМЧИВО нахмурился.

— Если его никогда не найдут, возможно, это и к лучшему. Я никогда не планировал никого убивать. Слишком опасно. Мое имя не должно появиться в этом деле ни в каком контексте, иначе правительство не позволит мне возглавить следующую компанию — компанию, которая все завершит здесь, когда настанет время. Что там с изобретениями Карле?

— Все заканчивают. Термопары и машины готовы к испытаниям. Есть еще кое-какая аппаратура — шесть хитроумных устройств, очевидно, генераторы вихревого кольца. Я понятия не имею, как они работают, для этого потребовался бы суперученый. И пока что нет энергии, чтобы провести их испытания. Но на вид они завершены. Я оставил их на заводе, как и направленный луч там, конечно. Мы сможем забрать их в любое время.

— Отлично сработано, — кивнул Девю. — Однако, лучше учитывать слабую возможность возвращение Бакмастера — в живом виде, конечно. Нам нужно нанести проекту такие повреждения, чтобы даже если он действительно вернется, то не сумел бы все восстановить до конца срока действия арендного договора. И никто не должен заподозрить, что мы имеем к этому какое-то отношение!

— Я все рассчитал, — нетерпеливо прервал его Ханссен. — Но я не рассказал еще кое-что. У меня есть три-четыре агента, которые распространяют кругом всякие фиктивные слухи. Никто не знает, чему верить. На ключевых позициях все еще стоят люди, лояльные Бакмастеру. Но в любой момент, как только вы скажете, мы можем объединить все недомолвки и подспудное негодования в открытую ярость, которая все уничтожит. Ваше имя вообще не будет фигурировать. Нынешняя ситуация напоминает раздутьй гнилой фрукт. Один иголочный укол, и произойдет взрыв! — Он ударил по столу кулаком.

Тусклые глаза Девю расширились, когда он взглянул на своего зятя.

— Хорошо! Просто замечательно, мой мальчик. Кажется, я недооценил ваши способности. Вы действительно превзошли самого себя.

Ханссен напыщенно усмехнулся.

— Это называется объект В. Вот там мы и одержим окончательную победу.

В течение следующих двадцати четырех часов кризис назрел окончательно, поскольку агенты Ханссена ловко довели горшок до пределов кипения ненависти. То и дело вспыхивали злобные препирательства. Дело доходило даже до стычек. Наконец, делегация рабочих встретилась с Ханссеном и потребовала правду об их положении.

Ханссен поглядел на них свысока. Наступил решающий момент. Если он хорошо выполнит свою роль, то есть произнесет величайшую ложь, то заговор достигнет высшей точки к удовольствию Икебода Девю.

— Мне кажется, вы вправе узнать самое худшее, — начал он.

— Прежде я ничего не говорил, так как пытался в одиночку продолжать начатое, чтобы все не пропало впустую. Но ничего не вышло. Бакмастер слишком многое держал в голове. Без него я беспомощен. Бакмастер остановил все работы и улетел. Просто улетел неизвестно куда.

Наступила ошеломленная пауза. Затем раздались крики:

— Он что, бросил нас?

— Но почему?

— Я думаю, он понял, что не может выполнить условия аренды до конца срока ее действия — потому и предпочел смыться.

В этом была вся тонкость замысла. Мертвого Бакмастера стали бы оплакивать, как мученика, но Бакмастера, сбежавшего из-за трудностей, все станут презирать. Ханссену становилось нехорошо, когда он думал о своем положении, если вдруг появится живой Бакмастер. Однако, кризис настал. Нужно было рискнуть. Все или ничего.

— Крыса! — закричал в толпе подосланный агент Девю. — И это после того, как мы вкалывали круглыми сутками и подыхали здесь сотнями! Теперь что, все пропадет впустую?

Ханссен пожал плечами, изображая сильного человека, разъяненного предательством.

— У Провидения свои способы для воздаяния таким помешанным на власти эгоистам, как Бакмастер, — заявил он.

Фальшивая нота неприятно прозвучала в стущавшихся сумерках, но прошла незаметной, потому что тут же заговорил еще один человек:

– Ну, не знаю, как вы, лесорубы, а я не собираюсь оставить это место нетронутым, точно памятник подлецу!

Это тоже было явно отрепетировано заранее. Но толпу внезапно охватила истерика, и словно лесной пожар, она потекла вверх по холму, к башням и вырытым ямам. Ночь саваном опустилась на холм, и автоматически включились мерцающие оранжевые огни репеллентов от насекомых.

ЭТО БЫЛА СЛОВНО сцена ада.

Жара, влага, духота. Унылый лязг насосов. Гниющие испарения, запах машинного масла. Потные, уже нечеловеческие лица, охваченные странным возбуждением, с горящими глазами, жаждущими крушить и ломать все вокруг.

– Взрывчатка! – раздался крик, и человеческий поток свернулся к домику, где хранились взрывчатые вещества.

Охранники были людьми, у которых только что закончился шестимесячный контракт, и их будущее целиком и полностью зависело от успехов Бакмастера, поэтому они оставались лояльны ему. Но у них не было ни малейших шансов против взбудораженной толпы. Раздались выстрелы, кто-то закричал, а затем разборный домик рухнул, словно был из картона. Мятежники, как саранча, разграбили его и полились на холм.

Небольшая группа оставшихся лояльными шахтеров и плантаторов, будущее которых напрямую зависело от успешного завершения работ, сплоченная Красоткой Куртни, попыталась остановить лавину.

– Стойте, вы, идиоты! – кричала Красотка, пытаясь им что-то втолковать. – Послушайте меня!

Все было бесполезно. Злоумышленники бежали вперед с непреклонностью безумцев. С обеих сторон засверкало оружие, и в один ужасный момент казалось, что вот сейчас начнется кровавая бойня.

Но один из главарей изящно направил толпу в сторону, к ближайшему колодцу, вырытому для размещения в нем аппаратуры вихревого кольца.

– Мой брат погиб, пока рыл этот колодец в прошлом месяце! – закричала рядом с Красоткой какая-то девушка. – Взорвем ее к чертям собачьим!

В колодец швырнули взрывчатку, и мятежники отхлынули назад. Из колодца выметнулось яркое в полумраке пламя, раздался громовой удар. Земля задрожала, стоявшая рядом башня закачалась.

Дико заметались отсветы пламени, закривлялись фантастические тени, словно сцепившиеся друг с другом призрачные борцы. На холм стали падать ошметки грязи и куски бетона.

С ликующими воплями толпа помчалась ко второму колодцу, бросила в нее взрывчатку и побежала дальше, а позади загремели огненные взрывы.

Когда все закончилось, шесть больших колодцев, стоявших столько денег и человеческих жертв, были разрушены. Переводя дух, мятежники уставились на гигантскую башню, вершина которой скрывалась в вечном тумане. Затем, блестя зубами, они двинулись к ней. Но в этот момент, словно сам космос был зачарован драмой, показанной тут сотнями измученных, обезумевших кусочков живой материи — вечный туман Венеры дрогнул, начал редеть и вдруг распахнулся, как занавес.

А из него проявилась одинокая фигура, оборванная, грязная, с пустым взглядом, еле видимая в неверном свете. Тишина возникла, точно удар ножа. Даже джунгли, казалось, затаили дыхание. И душный воздух прорезал единственный вопль, многократно отраженный туманом.

— Это он! — хрюпlo заорал кто-то из бунтовщиков. — Парни, это он! Джон Бакмастер! Живой и здоровый!

VI. Человек против Космоса

СТРАХ И НЕНАВИСТЬ встретили Джона Бакмастера, когда он вышел из джунглей. Бапкмастер видел их в потных лицах, в безумных глазах, в самом воздухе. Ненависть стала почти материальной, словно стена, стремившаяся оставить его в мире мертвых, откуда он все же вернулся.

Но Бакмастер собрал все силы и пошел прямо к толпе мимо руин его мечты, и в тишине явственно слышались его тяжелые шаги. Толпа вздрогнула, попыталась остановить его, но расступилась, когда он направился прямо туда, где стоял в ожидании Лорен Ханссен. Два рослых человека долгоглядели друг на друга и молчали. Наконец, Бакмастер заговорил.

— Ханссен, — сказал он, — вы соучастник и исполнитель похищения и убийства Фреда Карле и двух его помощников. У вас кишака оказалась тонка собственоручно выполнить эту работу, но теперь, прямо здесь и сейчас, вам не спрятаться за чужие спины.

И Бакмастер удариł его, вложив в удар всю ярость и горе, кипевшие в нем последние четыре мучительных дня. Ханссен отшатнулся назад с разбитым лицом, из его носа хлынула кровь.

Но он тут же пришел в себя и ринулся в драку, двигаясь удивительно быстро для столь тяжелого человека. Он по-боксерски перемещался, делая обманные выпады левой. Подловил момент,

когда Бакмастер слегка поскользнулся в грязи, и ударил его правой прямо в висок, повергая на колени.

Но в нем не было праведного гнева, пылавшего в Бакмастере, который тут же вскочил и нанес два ответных удара, словно железными кулаками. Когда удары достигли цели, послышались плюхающие звуки. Губы Ханссена стали как виноград, из которого сделали пюре. Под глазами моментально вздулись желваки, мешая глядеть. Еще несколько сокрушительных ударов заставили его содрогнуться, словно подрубленный дуб. Это были ужасные удары. Они отняли у него все силы, и больше Ханссен не смог передвигаться, точно боксер на ринге. Он был вынужден пойти на обмен ударами, с ужасом ощущая, что его собственные кулаки словно бьют по непроницаемой маске.

Конец был неизбежен. Не прошло и пяти минут, как Ханссен превратился в бесформенную глыбу дрожащего, кровоточащего мяса, в ничего уже не осознающую слизь. Бакмастер шагнул назад, стараясь отдохнуть, и всмотрелся в стоявших вокруг зрителей...

У рабочих куда-то мигом испарился бунтарский задор и страсть к разрушению. Они снова стали единой командой, жесткой, шумной, вспыльчивой, даже, может, отчасти преступной, но они никогда не встречали такую сконцентрированную жестокость, с какой избили Лорена Ханссена. И они отступили, испуганные и притихшие.

— Мразь! — хлестнул их этими обжигающими презрением словами Бакмастер. — Сопляки, детишки в песочнице, ломающие игрушки, которыми больше не хотят играть! Вы даже не подумали о том, что все ваше будущее зависит от создания нового мира, который придумал я! — И он с презрением плонул им под ноги. — Когда вы услышите в следующий раз, что я смылся, не торопитесь этому верить. Потому что ничто... Вы слышите, ничто не помешает Джону Бакмастеру завершить то, что он начал! Если у кого-то из вас кишка тонка — можете увольняться и выметаться отсюда первым же кораблем. Идите сюда, Бакмастер рассчитается со всеми желающими прямо сейчас!

Это были хвастливые, прямые и неотразимые слова. Среди слушателей пробежал беспокойный ропот, но никто не подошел, чтобы принять предложение Бакмастера. Толпа менялась прямо на глазах. На лицах людей появились робкие усмешки, послышались пристыженные шепотки. Босс вернулся, и он по-прежнему оставался Боссом.

Почувствовав это, Бакмастер выпрямился и откашлялся, прорицая больное, саднившее горло.

— Девю! — крикнул он. — Икебод Девю, я знаю, что вы где-то здесь! Выходите!

Толпа разомкнулась, пропуская стройного, в ослепительно белом костюме Девю пройти на грязную арену. Финансист был спокоен, словно только что отдавал распоряжения своему камердинеру. Напряженность опять стала рasti, когда они посмотрели друг на друга с непроницаемыми лицами, словно два игрока в покер, сражающиеся за громадный банк.

Девю сразу пошел с тузом.

— Примите мои поздравления, партнер, за то, что сгладили «неловкое положение», — сказал он со слабыми высокомерными нотками в голосе. — Но, к сожалению, ваше драматическое возвращение слегка запоздало. Люди, по скорбному недоумению попавшие впросак, так повредили проект, что вам ни за что не удастся закончить его в срок, до окончания действия правительственной аренды. Осталось, как вам известно, всего лишь полмесяца.

— Кое-что вы сказали верно, — кивнул Бакмастер. — Колодцы разрушены. С другой стороны, вы сами, как и Ханссен, являетесь соучастником похищения и убийства людей. Вспомните, что сейчас вы не на Земле. Ваши деньги и влияние здесь ничего не стоят. Вас станет судить венерианский суд, находящийся под юрисдикцией Высшей Всемирной Лиги Юстиции, а она недосягаема для вас и вашего влияния.

— Гм-м... — Девю по-прежнему казался невозмутимым. — Но какие у вас доказательства? Я сторонился ваших дел. Даже ваши собственные работники признают, что я не имею никакого отношения к тому, что произошло.

— Будет достаточно свидетельств Ханссена. Если вы считаете, что он не станет свидетельствовать против вас, то просто взгляните на него!

Они оба посмотрели на шведа, который сидел в грязи и прислушивался к их разговору. Встретившись взглядом с Бакмастером, он вздрогнул.

ДЕВЮ НИКОГДА еще не видел столь качественно избитого и сломленного человека. Посмотрев на Ханссена, он холодно улыбнулся и кивнул. Мысли его стремительно проносились в голове, выстраивая линию защиты.

— Да, я понял вашу позицию. Но он же не мой работник, а, скорее, ваш. Так что получается безвыходное положение. Каждый из нас, определенным образом, выиграл у другого. Но у меня есть мысли, что надо делать дальше.

— Ну-ка, валяйте...

— Нужно заключить перемирие. Конечно, в мои намерения входило финансировать новую корпорацию, на этот раз под моим

именем, выкупить незавершенный проект и закончить его. Так я и сделаю, но вы сохраните свои пятьдесят процентов акций. Мы, как и вначале, останемся компаниями и совладельцами. В обмен вы забудете обо всех обвинениях в уголовщине. Это будет выгодно для нас обоих. В любом другом случае, мы оба проиграем. Мне кажется, вам следует согласиться, что это разумное предложение.

— Даже весьма разумное, — ответил Бакмастер. — Вот только основано оно на одной весьма шаткой предпосылке. Вы думаете, что остановили меня, но это не так.

Брови Девю стали презрительно подниматься кверху.

— Вы полагаете, что успеете восстановить за две недели эти колодцы? Вы меня разочаровываете, мистер Бакмастер. Это же полная чушь!

— У меня и в мыслях не было восстанавливать эти колодцы, — сказал Бакмастер. — Более того, они и не были мне нужны. Их рыли, чтобы убаюкать любые подозрения, какие могли возникнуть у вас относительно аппаратуры для создания вихревого кольца. Эту небылицу придумал я сам. Даже самый сильный вихрь в Солнечной системе не смог бы развеять на этой планете облака четырехкилометровой толщины. Я обманул вас, Девю, рассуждая о важности установки вихревого кольца, чтобы вы вместе с Ханссеном зациклились на этих колодцах.

Девю отступил на несколько шагов, что-то изменилось в его лице, когда он получил такую плюху. Среди стоящих вокруг людей пробежал удивленный ропот.

— Что же касается тумана, — сказал финансист, — то вы ведь должны как-то избавиться от него.

— Конечно. При помощи еще одного изобретения Бакмастера-Карле. Гигантская рентгеновская установка. Шесть громадных аппаратов. Когда их суперлучи пронзят туман, он начнет испаряться и рассеиваться. Таким образом, получиться отверстие, ведущее к солнечному свету, все очень просто.

— Тогда... Кольцевой вихрь и колодцы... Это все колоссальный бленф?

— Совершенно верно. Разумеется, в конечном итоге мне будут нужны колодцы, как помещения для проекторов лучей, но прямо сейчас в них нет необходимости. Пока что мы можем установить проекторы и на открытом месте.

Броня Девю трескалась на глазах.

— Вы обманывали меня за мои же собственные деньги! — заорал он.

Бакмастер усмехнулся, впервые за много дней.

— Да. Смешно, не так ли?

Девю зарычал, как дикий зверь.

— Но вы еще не победили! Не вижу никаких дыр в тумане! Вы не сделали пробный пуск луча, и пока не сделаете его, то не выполните технические требования правительства.

— Ну-ну, Девю, не будьте так нетерпеливы. Все в свое время.

— Бакмастер окинул взглядом толпу и крикнул во весь голос: — Люди! Возвращайтесь к работе! Забудьте пока что о нескольких последних ярдах, которые осталось добавить к вершине башни. Я хочу, чтобы там немедленно установили приемник. Завтра утром я свяжусь с горой Аполлона, чтобы там запустили луч. Так что за дело!

Рабочие без слов ринулись по своим местам. Бакмастер связался с объектом С, коротко объяснил ситуацию своему доверенному помощнику и успокоил его. Затем посмотрел на Ханссена.

— Ну-ка, вы! Хватит тут рассиживаться. Берите мой «Херц Ганнингем» и летите в лабораторию. Заберете там проекторы Х-лучей и привезете сюда! Быстро!

Кто-то взял Бакмастера за руку. Это была Красотка Куртни с сияющими глазами.

— Джон, у вас все чудесно получилось, — шепнула она. — Но пожалуйста, будьте осторожны. Не допустите ошибок на этом этапе.

— Не стоит волноваться о том, можно ли доверять Ханссену. Он сделает то, что я ему сказал. Не так ли, Ханссен? — глянул он на здоровяка.

Ханссен провел рукой по лицу.

— Да, сэр, — сказал он и ушел, словно загипнотизированный, даже не взглянув на своего тестя.

— Что же касается тебя, Красотка, то сделай мне одолжение. Найди несколько верных людей и приставь их к нашему выдающемуся гостю, чтобы он не попытался улизнуть отсюда на своей космической яхте. А затем найди место, где я могу отдохнуть, и не будите меня до рассвета. Мне нужно выспаться.

— Да, Джон, — Красотка постаралась идти в ногу с ним, когда он направился к «Перелетному развлекательному центру».

Когда они остановились перед дверью комнаты, в которой уже были приготовлены одеяла и раскладушки, она открыла было рот, но передумала и просто шлепнула его по бицепсу.

— Знаешь, Джон, ты ужасен. Неподражаемо ужасен!

Бакмастер улыбнулся ей.

— Я рад, что ты так считаешь, Красотка.

НАСТАЛ РАССВЕТ, закончилась ночная смена. Усталые люди бросились на мешки или упаковочные ящики, или даже остались в грязи, лишь бы не упустить ни минутки драгоценного сна. Но даже

если бы от этого зависела их жизнь, ни один человек не покинул бы в эти дни вершину башни.

Прошедшая неделя, с ее тревогами и волнениями, нагнала громадное напряжение. Но теперь у людей, словно по волшебству, появилось чувство сплоченности. Драма подошла к последнему акту и должна была завершиться борьбой между Титанами, поскольку Джон Бакмастер направил всю свою силу и ум против неодушевленных сил природы.

С последними усилиями предрассветной энергии, рабочие подготовили сцену. И теперь они лежали и наблюдали, как творится История.

Бакмастер, вымытый, позавтракавший и освеженный, вышел из «Центра» на эту сцену. Икебод Девю спокойно стоял неподалеку, прямой, как шомпол, словно не сдвинулся с места всю ночь. Ханссен тоже был рядом. Волоча ноги, он подошел к Бакмастеру, точно собака, не уверенная, получит ли от хозяина кость или пинок.

— Я... я выполнил ваши распоряжения, сэр, — пробормотал он. — Все здесь. Также и кабель. Все на вашем корабле.

— Отлично. Установите аппаратуру в круг примерно на таком расстоянии, на каком находились колодцы. Затем направьте людей, чтобы протянули кабель к приемнику.

— Сию минуту.

Ханссен принялся отдавать распоряжения, и все прошло гладко. Три человека сложили аппаратуру на лифт и закрепили на нем один конец казалось бы бесконечного черного кабеля.

Другие стали устанавливать лучевые проекторы так, чтобы их лучи прорезали в тумане цилиндр с прямыми стенками, нацеленный на расчетное положение солнца. Издалека они напоминали батарею огромных прожекторов. Но если подойти поближе, то можно безошибочно определить в них громадные рентгеновские установки.

Прошел еще час. Кабели были соединены, все отрегулировано. Тогда Бакмастер, прикинув, что солнце поднялось уже высоко, повернулся к Девю.

— Ну, мы готовы начать пробный запуск. Вскоре мы узнаем ответы на все вопросы. Возможно, все пойдет гладко, а может, и нет. Волнующий момент, не так ли?

И они безрадостно улыбнулись друг другу.

Бакмастер связался с горой Апполона, продиктовал им точную высоту башни и велел включать энергетический луч. С горы ответили, что погода все утро стоит ясная, и что все готово к завершающему испытанию.

Потянулись минуты ожидания. Затем, невидимый в тумане, возник, шипя, луч, удариивший прямо в приемник. Металлический

шпиль у основания приемника задрожал и вспышка чистой энергии, словно фейерверк, озарила облака и ударила в зашипевшую грязь.

— Энергия, — сказал Бакмастер. — Чистая энергия. Причем в таком количестве, что в это трудно поверить.

Вспышки становились все чаще, пока Бакмастер проверял поочередно приемники. Все работало хорошо. Тогда он повернул главный выключатель.

ТАК ВОТ БЕЗЗВУЧНО человеческая изобретательность бросила вызов самым неизменным и непобедимым силам Природы. Сначала ничего не изменилось. Затем пошел очень слабенький дождик.

Постепенно морось превратилась в небольшой дождь, и вдруг облака бросились врассыпную, словно испуганные животные. Они пытались убежать или увернуться от силы, которая их уничтожала. Но все напрасно. Дождь все усиливался, громко барабаня по навесам, а потом над башней появился и стал расширяться купол свободного неба. Туман отступал под ударами невидимых лучей.

Планета все еще пыталась сопротивляться усилиям науки маленького Человека, который посмел бросить ей вызов. Хлынули потоки воды. За ранее были прорыты дренажные канавы, но они быстро переполнились, и вода начала выходить из берегов. Потоки превратились в настоящее наводнение, рабочие бросились врассыпную, пытаясь укрыться в «Развлекательном центре», бараках или просто на деревьях, откуда продолжали следить за ходом битвы.

Вода поднялась уже настолько, что угрожала затопить проекторы. До одного она-таки забралась, и в нем произошло короткое замыкание, с треском и струйкой дыма, другие, после краткой борьбы, были спасены при помощи лопат и мешков с песком. Со шпиля приемника уже были настоящие молнии, от которых тряслась вся башня.

И посреди всего этого Джон Бакмастер помогал собственноручно бороться с наводнением, налаживал и перенастраивал аппаратуру, ведя жестокую битву с безжалостными силами Природы.

Конец наступил внезапно, после долгих часов борьбы. Только что, казалось, весь мир был объят штормом с громом и молниями, с потоками воды. А в следующий момент растаяли последние облака из четырехмилльного слоя, и ослепительный солнечный свет хлынул вниз и упал на промокшую землю.

Тут же взметнулись вверх облака пара, быстро таявшие в солнечных лучах. Пронеслась волна жара, вынуждая даже Бакмастера искать убежища. Потом горячий пар рассеялся и

удивительно быстро земля в тех местах, где падал солнечный свет, стала сухой, отдав свою влагу.

МЕДЛЕННО, по двое и по трое, словно ночные обитатели, тянувшиеся к могучему сверкающему столбу солнечного света, бьющему в девственную почву, стерилизуя ее и очищая от гнили, возвращались из своих укрытий рабочие. Все глядели вверх, в невероятно яркий столб света. По краям его все еще капала вода, словно из проходившейся трубы. А когда легкий ветерок бросал в нее охапки тумана, вниз проливался короткий душ золотого дождя.

До всех стал доходить истинный смысл происходящего. Впервые с начала Творения солнечный свет коснулся поверхности Венеры. И это было делом рук и ума, практически, одного человека.

Красотка стояла, прикрывая глаза от слепящего света, ее телоказалось полупрозрачным силуэтом.

— Клянусь всеми звездами! — благоговейно воскликнула она. — Он действительно совершил это!

Нестройные крики ответили ей, сначала отдельные, потом слившиеся в единый громовой торжествующий вопль. Люди бросились туда, где стоял уставший до изнеможения, весь в грязи Бакмастер, и подняли его на руки. Со смехом и криками его пронесли вокруг проектора луча, и Красотка Куртни и ее танцовщицы кабаре неуклюже плясали в грязи, импровизируя рифмованные строчки, которые впоследствии должны были превратиться в песню. Это была реакция чистой радости после недавней ночи насилия и разрушения.

Наконец улыбающегося Бакмастера поставили на землю перед входом в «Центр развлечений», где его ждал Икебод Девю.

— Ну, что ж, партнер, боюсь, что здесь наши дорожки расходятся, — сказал Бакмастер, достал бумажник и вытащил из него сложенный лист бумаги. — Он немного помялся, но, в конце концов, я носил его с собой целый год. Этот документ удостоверяет законную передачу вашей доли акций в «Солнечном луче, Инкорпорейтед» — или, скорее, передачу акций фиктивной холдинговой компании, владельцы которой, ваши приятели, технически являлись моими партнерами. От вас лишь требуется подпись. И, да, не утешайте себя мыслями, что я окажусь в финансовой яме. Успешная демонстрация привлечет много инвесторов. Они будут даже бороться за право вложить свои капиталы в мое дело.

Девю тупо глядел на него.

— Но вы... вы еще не сделали пробный прогон машин по лучу... — запинаясь, пробормотал он.

— Вы разочаровываете меня, — поморщился Бакмастер. — Через двадцать четыре часа термопары будут остановлены и передадут

луч к объекту С. Спецприспособления могут быть установлены на любую старую ракету, и она будет готова к пробному прогону по лучу, как только сюда доберется правительственный инспектор. А он уже летит сюда. И не стоит вам надеяться ни на какую поломку по время пробного прогона.

Что-то случилось с Девю. Костюм на нем вдруг повис бесформенной тряпкой, точно на вешалке. Как будто что-то сломалось в этом, казавшемся несгибаемом финансисте.

— Все завершено, — повторил Бакмастер вслух. — Остальное — только формальности.

Девю провел дрожащей рукой по лицу и повторил срывающимся голосом:

— Да, да, конечно... Только формальности... Вы правы...

— Может, вы еще не совсем поняли ситуацию? — продолжал Бакмастер. — У вас сейчас две альтернативы — полностью и безоговорочно передать мне компанию или сесть в тюрьму, вероятно, на всю оставшуюся вам жизнь.

Девю, наконец, взял себя в руки, в голосе его появились следы прежней язвительности.

— Не стоит, молодой человек, объяснять мне основные принципы бизнеса. Я потерпел поражение. И я не боюсь признать это. Давайте мне эту бумагу.

Расправив документ на колене, Девю размашисто поставил на нем свою подпись и вернул его Бакмастеру. Затем он повернулся и медленно, сгорбившись, направился к своему кораблю.

Джон Бакмастер не стал тратить впустую жалость на этого старика. Девю остался на свободе, да и богатство у него никто не отнимал. Так что он заключил хорошую сделку. Венера стонала бы и чахла под его экономической тиранией. Так что хорошо, что он оказался вне игры.

Вместо этого Бакмастер долго смотрел на ставший историческим документ, который держал в руке. Он думал о Фреде Карле, который не мог сейчас разделить с ним радость победы, в которую сделал свой немалый вклад, подумал о Красотке Куртни, оставшейся верной ему во всех обстоятельствах. Но он тут же неохотно отмел эти мысли в сторону.

Это было не время и не место предаваться чувствам для человека, который стал властелином целого мира, и кровь империи заструилась в его венах.

VII. Завоевать другие миры

Джон был человеком, которого вела вера, что людей окружал мир во всей своей первозданной дикости, что с ним нужно сражаться, его нужно завоевывать, и что дело его жизни

состояло в том, чтобы вести эти сражения. У него был характер бунтаря – человека, родившегося, чтобы сопротивляться и всегда действовать в одиночку. Но это же качество, которое сделало его великим, выдавило из него всю нежность и сделало невозможным на крепкую дружбу, в которой нуждается любой человек. У него могло быть сколько угодно женщин – включая и меня! – но он предпочитал оставаться одиноким.

Он быстро постарел за последние годы. Закончилась радость битв, и его горизонты постепенно, но неизбежно сужались. Всем он казался мультимиллионером, абсолютным, хотя и добрым, властелином всей планеты, но на самом деле он был всего лишь одиноким стариком...

Из неопубликованного дневника Красотки Куртни.

В ЛИТЕРАТУРЕ история Джона Бакмастера могла бы закончиться словами: «... и с тех пор он жил долго и счастливо». Но в жизни редко бывает так.

На деле Бакмастер продолжал развивать проект, чтобы осуществились все его мечты. Шахты, промышленность, плантации возникали, точно грибы после дождя, вдоль линии трансконтинентального луча. У каждой передающей башни вырастали небольшие города, одетые в купол, отфильтровывающий вредные части солнечного спектра. Окруженные батареями усиленных рентгеновских проекторов, жители их видели открывавшиеся по утрам и закрывающиеся на ночь окна чистого неба над головой, похожие на громадные, медленно мигающие глаза. Здоровье и процветание, закон и счастье были подарками венерианским колонистам от «Солнечный луч. Инкорпорейтед».

Сам Бакмастер достиг того, чего достигает мало бывальных людей – его имя стало бессмертным еще при жизни. Скульптор Маевский создал гигантскую бронзовую статую Бакмастера в символической роли Прометея, протягивающего Венере огонь солнца, и оригинал ее был установлен на самой вершине горы Аполлона.

Бакмастер также попал в самый центр литературной шумихи, когда какой-то молодой самозваный историк назвал его жестоким бароном, деспотом и грабителем. Тут же на защиту Бакмастера ринулись другие писатели, приветствуя его, как наивеличайшего из всех пионеров. Он был или любим, или ненавидим – но никто не оставался к нему равнодушным. Он даже стал объектом сенатского расследования.

Но ко всей этой шумихе Бакмастер оставался равнодушным. Для него настал период неудовлетворенности. Через некоторое время волнения, связанные с возникновением его чудесной империи, углеглись. Но Бакмастер не был по натуре бухгалтером, он терпеть

не мог сидеть в роскошной kontоре, подсчитывая свои невероятные доходы. Он был рожден для бурной деятельности, для борьбы.

И однажды Бакмастер исчез.

ВСЕ ПРОИЗОШЛО предельно просто. Ночью он, как обычно, ушел спать, а наутро слуги обнаружили, что его нигде нет. Не было ни прощальной записки, никаких признаков борьбы, ни малейшего ключа к разгадке этой необыкновенной тайны.

Его исчезновение явилось потрясающей сенсацией как на Венере, так и на Земле. Эфир буквально раскалился от новостей и официальных сообщений. Власти метались, как кролики.

К тому времени, как волнения слегка улеглись, полиция обнаружила, что Бакмастер часто уезжал по ночам из дома на много часов, никому не говоря, куда и зачем. Были установлены даты этих отлучек. Затем кто-то сообщил, что знаменитый старый корабль Бакмастера «Херц Каннингем», давно поставленный на прикол, словно испарился из Музея Пионеров, где хранился последние годы. И наконец, один пронырливый репортер докопался, что в родном городе Бакмастера, через нерегулярные промежутки времени почему-то не выключались на ночь проекторы луча, и ночи эти совпадали с ночных отлучками Бакмастера.

Астроном мог бы сложить все это вместе и получить правильный ответ. Однако, бюрократический аппарат полиции не добился значительных успехов, пока в городах Венеры не пронеслась череда странных похищений или убийств. Вскоре после этого знаменитая Красотка Куртни пригласила к себе по видеосвязи всех заинтересованных, чтобы открыть правду об исчезновении Бакмастера.

Это не прошло незамеченным. Красотка Куртни была почти столь же легендарна и уважаема, как и Джон Бакмастер. Она по-прежнему управляла ночным клубом – самым экзотическим и роскошным на планете, и по-прежнему носила прозвище Красотка. Еще более усовершенствованные, еще более дорогие «Центры развлечений» Красотка открыла во всех трех человеческих мирах – выступления женщин, азартные игры и хорошие ликеры.

Сам Верховный комиссар Венеры возглавил комиссию, собравшуюся по приглашению. Красотка Куртни – белокурая, царственная, встретила их в своем офисе и тут же взяла быка за рога.

– Господа, я обещала хранить молчание и не рассказывать ничего о Джоне, пока он не минует земную орбиту.

– Земную орбиту? – переспросил следователь. – Вы хотите сказать, что он покинул Венеру?

Кабинет наполнил шум голосов, когда все начали кое-что понимать.

— Но не в старой же развалюхе «Херце Каннингем» он полетел!
— воскликнул кто-то.
— А почему мимо Земли? Куда же он может направиться?
— Я просто не понимаю, зачем из всего этого делать тайну?

КРАСОТКА КУРТНИ переждала, пока стихнет шум.

— Джон заранее подготовился к этому путешествию. Он знал, что если заранее заявит о своих намерениях или сообщит кому-либо о том, куда он направляется, то его попытаются перехватить еще по дороге, поскольку бюрократический аппарат поднимет суету и попытается его остановить. Так он сказал. Не так уж легко для столь важного человека, каким он стал, все бросить и улететь. Единственный способ сделать это спокойно — сделать все тайно.

— Но куда он полетел? — спросил Верховный комиссар.

— Я вам покажу, господа. — Красотка нажала кнопку, которая раздвинула панели потолка, над ними был лишь стеклянный купол неба, за которым моросил мелкий дождик. — Джон оставил мне возможность самой включать проекторы по моему усмотрению, так что туман скоро рассеется. Как видите, именно сюда уезжал Джон ночами, когда не мог выдержать скуку своего громадного дома. Он проводил эти ночи здесь, в моем офисе.

Верховный комиссар побагровел.

— Так вы и мистер Бакмастер... ух ты!..

— Никаких «ух ты», — улыбнулась женщина. — К моему вечному сожалению. У Джона была другая великая любовь. У него была слишком широкая натура, чтобы его могла удержать одна женщина. Вот чего он хотел, — она указала вверх. — Он сидел здесь много часов, просто глядя на что, что видите вы сейчас.

Туннель в облаках уже сформировался, и в нем мерцали четыре крошечные звездочки. Одна из них казалась явственно красной.

Это была планета Марс.

(*Fantastic Story, 1955, Spring*)

NOVEMBER

SUPER SCIENCE STORIES

20¢

THE BIG MAGAZINE OF SCIENCE FICTION

WE GUARD THE BLACK PLANET!

AN OUTSTANDING NOVELETTE
by HENRY KUTTNER

THE REVOLT OF THE MACHINE MEN
by CHARLES R. TANNER

PEARSON · LEY · KUBILIUS · AND MANY OTHERS

ПОПУГАИ ВЕНЕРЫ

РАЗДРАЖЕННЫЙ ВЕЧНОЙ душной жарой Венеры, с натянутыми нервами, Робинсон вяло глядел на напиток, чуть колышущийся у него в стакане. Заманенный на эту планету, как и все остальные, обещанием легкой наживы в богатых золотом шахтах, он быстро понял, что здесь его ждет только тяжелая работа, работа и еще раз работа. Правда, были и те, кто разбогател — кто же станет отрицать, что под самой поверхностью Венеры действительно лежат богатые рудные жилы? — но таких было меньшинство, тех, кому повезло, на миллионы неудачников.

Двери венерианского отеля были широко распахнуты, но это нисколько не помогало уменьшить жару. Через открытые окна он видел веселых разноцветных попугаев, наводнявших планету пронзительными голосами, нарушающими тишину ночи.

Один из попугаев, красавая, ярко-синяя с желтым птица, внезапно спорхнул с ветки.

Робинсон услышал хлопки крыльев, повернулся и увидел, как попугай влетает в открытые двери отеля. Мгновение он парил в воздухе, а затем изящно приземлился на стол перед Робинсоном.

— Черт побери, Бенни! — пронзительно завопил попугай. — Будь осторожен!

Робинсона звали вовсе не Бенни. Он повертел головой в поисках клерка, чтобы тот выкинул птицу на улицу, но не увидел ни одного. Очевидно, придется сидеть и слушать всякую тарабарщину либо избавиться от попугая самому.

— Подай-ка мне микроскоп, — продолжал трепаться тот, — слышишь, ты, бывший адвокат? Похоже, это хороший экземпляр.

Возможно, попугай услышал эти слова вчера или десять лет назад. Это не имело никакого значения, потому что мозг венерианских попугаев работал как фонограф, прокручивающий одни и те же записи. И по совершенной случайности, без какого либо порядка, попугай твердил то, что когда-то услышал от людей, как и фонограф, не понимая смысла произносимых слов.

Досада Робинсона выросла еще больше, когда один из мужчин оторвался от стойки бара и медленно пошел к его столику, прислушиваясь к тому, что болтал попугай.

— Почему бы тебе не взять один из слайдов и не помочь мне? Ты заметил, что эти клетки не серо-белые, как должны быть, а mestами красные? Я думаю, это из-за каких-то неорганических...

Попугай не закончил, потому что рука Робинсона схватила его и с раздражением швартнула птицу о стенку.

Она забила крыльями и, через секунду придав себя после ошеломительного удара, полетела по залу, вопя всякую ерунду.

Когда Робинсон сделал это, лицо подходящего незнакомца побледнело. Его сильная рука схватила Робинсона за плечо и подняла со стула. Удивленный Робинсон увидел белое от ярости, искаженное лицо.

— Ты чуть не убил этого попугая! — закричал незнакомец.
— Никогда так больше не делай, понимаешь? Никогда! Никогда!

Робинсон был изумлен. Попугаи были на Венере столь же обычными, как мухи. *Какой-то чудак*, подумал Робинсон. *А может, он сумасшедший?* Но тут же рука незнакомца разжалась, и гнев моментально склонил с его лица.

— Простите, — пробормотал он извиняющимся тоном. — Я... я забылся. Простите меня.

— Да ладно, — сказал Робинсон, одергивая рубашку. — Это ваше домашнее животное? — спросил он.

Человек как-то странно посмотрел на дверь, в которую вылетел попугай.

— Нет, — тихо сказал он, — это просто попугай.

Он замялся, словно не решался сказать что-то еще, и Робинсон ощутил, что ждет продолжения.

— Присаживайтесь, — предложил он. — Давайте выпьем.

— Спасибо.

КОГДА ОХЛАЖДЕННЫЙ лунный чай немного освежил их и сделал венерианскую жару более терпимой, незнакомец начал свою историю.

— Вы ищите С-3? — спросил он и продолжал, не дожидаясь кивка Робинсона. — Да, конечно же, ищите. Для этого всем приезжаем сюда, сброд и шушера Вселенной. Каждый из нас прилетает с надеждой разбогатеть или сдохнуть тут. Мы с Листером и Барроузом прилетели на Венеру десять лет назад на одном корабле. Много людей на Земле потеряли свои деньги, финансируя неудавшиеся эксперименты Листера с ними измерениями. Листер взял вину на себя и отправился на Венеру в надежде разбогатеть достаточно для того, чтобы возместить убытки тех, кто инвестировал в его проект последние гроши. Барроуз хотел забыть какую-то милешку, разбившую ему сердце. Что касается меня, я ужин не помню, чего здесь забыл.

Мы втроем стали работать вместе, как раз когда Венера была

объявлена открытой для поселенцев и охотников за рудой. Мы разработали все бедные жилки, которые нашли в районе Южного полюса, и однажды зимой решили рискнуть двинуться к экватору. Меня деньги особенно не волновали, но Баророуз на них буквально зациклился.

«Деньги – это все, – постоянно твердил он. – Будут деньги, появится и все остальное – любовь, дом, детишки»...

– рассказчик заерзal на стule. – У Барроуза было лишь два друга в мире – два великолепных, ярких попугая. Он мог ночи напролет разговаривать с ними. А попугай сидели и слушали, после чего без конца повторяли всякий бессмысленный вздор. Один из попугаев Барроуза мог повторить все разговоры за целый день, ни разу не сбившись и не перепутав слова, или смешать их со словами, сказанными на прошлой неделе. Скоро он стал действовать нам на нервы. Поверьте, нам было достаточно диких попугаев, весь день орущих в джунглях, чтобы выслушивать их еще в лагере. Когда вы вкалываете день за днем, не находите ничего, а кругом лишь попугай, попугай и попугай, то ваши нервы могут не выдержать, если парочка таких без конца пересказывает ваши геологические рассуждения недельной давности.

– Барроуз, – сказал я, наконец, – или вы, или ваши попугаи. Что выберете?

Он ничего мне не ответил, но принялся упаковывать свои сумки. Взял ровно треть оборудования. Йода оставалась лишь одна бутылка – и он оставил ее нам. Мы с Листером ничуть не жалели, что он уходит. Теперь, когда мы наткнемся на жилу С-3, делить

PARROTS OF VENUS

By
WALTER
KUBILIUS

ANGUS DUN

ее будем на две части вместо трех. Барроуз отправился на юг, с попугаем на каждом плече, а мы повернули на север.

Больше мы никогда не увидели Барроуза. Планета словно проглотила его и двух его попугаев.

Однако, нам перестало везти. Несколько лет мы провели, блуждая по планете. За это время Марс добился независимости. Добрались уже до Юпитера и понастроили там колоний. На Земле люди перестали строить тянувшиеся к небу здания, а вместо этого принялись зарываться под землю. С-3 возрос в цене вдвое, втрое и вчетверо, но мы не могли найти залежи, которые сделали бы нас богатыми. Мы вели собачью жизнь и не видели никакого выхода. Маленькие жилки, которые мы находили время от времени, давали нам средства, чтобы закупить припасы и продолжать поиски.

Мы с Листером стали уже рыскать в центре Восточного полушария. В Нью-Йорке-2 мы услышали, что где-то в пригородах пролетающий попугай обронил пластинку С-3 в дюйм толщиной. Возможно, это были просто байки, которые постоянно носятся кругом, но мы все же решили попытать счастья. Если это окажется верным, значит, где-то на континенте существуют залежи С-3 настолько богатые, что даже попугаи могут разносить из них камешки.

Мы провели трое бурных суток в джунглях Ламензы и ничего не нашли. Отчаяние и тщета всего стали действовать нам на нервы. Мы принялись выискивать поводы, чтобы оскорбить или передразнить друг друга. Я постоянно разыгрывал Листера. Но он побеждал меня в разных играх, что давало ему компенсацию.

Потом мы нашли большую поляну в несколько сотен футов в длину и ширину. На Венере это было редкостью. Мы разбили там лагерь и целый день развлекались, стреляя из винтовок, пытаясь одним выстрелом срезать ветку ближайшего дерева.

Потом Листер показал на двух попугаев, на желто-синих крыльях которых играли солнечные отблески. Они сидели на вершине куста ярдах в шестидесяти от нас.

— Мой тот, что слева. Твой — правый, — сказал мне Листер.

— Удваиваем ставки. Идет?

— Какими же мы были идиотами!

КОГДА-ТО Я был лучшим стрелком. Где не хватало таланта, я брал усидчивостью. Но я не мог позволить Листеру проиграть — он и так уже задолжал мне кучу денег. А всякий знает, насколько опасно делать вашим должником вашего же партнера.

— Идет, — кивнул я, твердо решив проиграть — тогда мы бы закончили соревнования вничью.

Я взял прицел на миллиметр выше. На расстоянии в шестьдесят футов это означало бы промах в пять футов. Мы прицелились и по команде выстрелили.

Моя птица взлетела в небо целой и невредимой. Попугай Листера, кружась, стал падать. Он победил. Я легко мог бы снять своего попугая в полете, но не хотел, чтобы Листер заподозрил, что я специально дал ему победить.

Он радостно побежал к упавшему попугаю. Я последовал за ним. Птица была еще жива и дико билась. Ее крылья были запятнаны темно-красным. Листер подобрал умирающего попугая. К его лапке был привязан какой-то пакетик.

— Что это? — спросил я, отвязал и раскрыл пакет.

Мне на ладонь выпал чистой воды камень С-3!

Ни единая царапина не портила его гладкую поверхность. Но самое главное, грубый неровный край указывал на то, что этот камень отбит от еще большего куска!

Мы отнесли птицу в лагерь, обработали рану и попытались спасти. Но в волнении забыли о другом попугае, сидевшем на кусте рядом с этим.

Через некоторое время птица пришла в себя, и мы услышали следующее:

«Черт побери, незнакомец! Если ты встретишь эту птицу — дослушай ее до конца! Не уходи. Я научил двух попугаев повторять все, что говорю, каждое мое слово. Выслушайте их. Еще не поздно. Меня все еще можно спасти.

Меня зовут Барроуз. Я — землянин, охотник за минералами, один из тех, что бродят по всей планете в надежде разбогатеть. Ну, так вот, я нашел свое богатство! Это самые богатые гигантские залежи С-3, когда-либо найденные на Венере! Зондирование показало, что оно тянется на несколько миль в длину и ширину. Похоже, это единый гигантский алмаз с гору величиной, лишь маленький кончик которого выглядывает наружу. Здесь столько чистого С-3, что можно на столетие снабдить энергией всю Землю.

Вероятно, вы мне не верите? Я отбил два кусочка от торчащей из земли скалы. И привязал их к левым лапкам обеих птиц. Возьмите эти камешки и проведите анализы. Они вам подскажут, что это неочищенный С-3 из самых богатых залежей на Венере.

Я обнаружил это месторождение совершенно случайно, уехав из Нью-Йорка-2 пару месяцев назад. Джунгли здесь настолько густые и непроходимые, что если не знать точные координаты, то вряд ли можно найти чуть торчащую из земли скалу.

Приезжайте быстрее. У меня мало времени. Пока я разбивал лагерь, то поцарапал ногу маленькой колючкой. В ранку проникла

инфекция. Когда я расстался со своими двумя партнерами, то не стал забирать у них единственную бутылочку с йодом. Инфекция переросла в гангрену. Моя нога гниет и воняет. Живые ткани быстро отмирают. Пост�ите, через день-другой может быть уже поздно. Но если я умру, то оставлю вам все месторождение. Только поторопитесь.

Что же касается местоположения залежей, то я уверен, что мои вычисления точны. Я несколько раз перепроверил расчеты. Вот мои координаты: широта...»

Последние несколько слов попугай прощебетал еле слышно. Он слабо дрожал, а потом дернулся в последний раз и умер.

Мы с Листером долго искали второго попугая, но так и не нашли...

РАССКАЗЧИК НАДОЛГО умолк, словно представляя себе, что было бы, проживи попугай на полминуты дольше. Затем он вытащил из кармана пакетик из плотной ткани и бережно развернул его.

— Вот тот камешек, который мы нашли на лапке попугая, — тихо сказал он, глядя, как солнце играет на его поверхности. — Смотрите, как он сияет, словно светится внутренним светом.

И действительно, в этом камешке, казалось, был заключен целый живой мир.

— Конечно же, Барроуз давно уже мертв, — сказал незнакомец. — Но где-то на планете есть попугай, который знает, где находится его тело и месторождение. И тот, кто услышит, что говорит этот попугай, станет самым богатым человеком в мире. Так что теперь вы понимаете, почему я так рассердился, когда вы ударили птицу.

— Да, — кивнул Робинсон, — теперь я понимаю.

Некоторое время они поговорили о многих странных вещах, постоянно происходивших на Венере, и о несметном богатстве, которое можно обрести, прислушавшись к трескотне попугаев.

Когда стали сгущаться сумерки, Робинсон попрощался с незнакомцем и пошел по изрытым глубокими колеями улочкам города, мимо парка, к своей пустой, печальной и темной, отмеченной печатью вечной бедности комнате.

И пока он шел, то невольно прислушивался к бормотанию попугаев, которыми была наполнена вся планета.

Один из них...

Где-то здесь...

(Super Science Stories, 1942 № 11)

THRILLING WONDER STORIES

15¢

WINTER ISSUE

A THRILLING PUBLICATION

A GOD NAMED KROO

An Amazing Novel
By HENRY KUTTNER

SPACE COMMAND
An Interplanetary
Novelet
By ROBERT ARTHUR

THE INVISIBLE ARMY
A Fantastic Novelet
By ROSS ROCKLYNN

Robert Arthur

ФОРД СМИТ
(ОСКАР ДЖ. ФРЕНД)

ВЕНЕРИАНСКИЙ КОШМАР

ПО ПЛОСКОМУ, упругому простору слизкой земли осторожно, стараясь не поскользываться, шли три человека. Они не могли остановиться ни на минуту, потому что почва под ногами тут же начинала засасывать — на самом деле, это была даже не почва в общепринятом смысле, а вязкая субстанция, более близкая к слегка подсохшей корке морского ила. Сначала Мортон и Довилл слегка паниковали, но Картер быстро их успокоил, указав правильное направление.

И теперь они брали без остановки уже четыре часа, а остановиться — означало умереть.

Вокруг, насколько хватало глаз, не было ничего, кроме сырых широколиственных растений, покрытых отвратительным зеленым пухом и издающих ароматы гнили и распада. Только это зловоние и могло заглушить миазмы плоской Великой Топи Венеры.

Наверху же едва просвечивал сквозь мутные облака, постоянно застилавшие небеса, желтоватый диск солнца, значительно больше по величине, чем на Земле, но сияющий смутно, словно противотуманная фара сквозь густой туман.

Жара была потрясающей, словно душное одеяло, заставляющее сердце колотиться что есть мочи.

Картер, офицер Межпланетной Полиции, в сотый раз глянул на электронные часы-компас, чтобы убедиться, что они не сбились с пути. Он был без головного убора, и его светлые волосы прямотаки пылали в жутком свете. Лицо было мрачным, голубые глаза глядели холодно.

Теперь на него навалились тройные обязательства — вытащить из неприятного положения двоих своих спутников, а затем расследовать причину необъяснимой аварии их корабля. И это не считая его основного задания.

— Если верить карте, — задыхаясь, сказал он, — нам осталось тащиться еще миль десять по этой топи до рудников Кроудера. Они

находятся вон там, за низким холмом на горизонте. И нам нужно успеть туда до сумерек.

— Мы не переживем ночи в этом безумном месте, — тоже задыхаясь, ответил Мортон, пытаясь смахнуть пот, текущий с его соломенных волос по прежде приятному лицу. — Рано или поздно мы провалимся в этот кисель, который здесь называется почвой. И как только нас угораздило вляпаться сюда?

— А вы разве не помните? — со слабой иронией отозвался Довилл, третий человек в их небольшой компании, стройный, с копной упругих, как проволока, темных волос. — Мы же буквально *выпросили* это задание. Два отважных межпланетных репортера «Солнечного вещания» вызвались добровольцами, чтобы заснять весь процесс добычи руды *иратрума* на рудниках Кроудера и затем показать эту передачу всей Системе, если Межпланетная Полиция обеспечит им свободный радиоканал.

Мортон скрчил гримасу раздражения.

— Я не это имел в виду, — проворчал он, устало тащась за офицером МП и стараясь не наступать в следы Картера, которые быстро наполнялись слизистым илом и темной водой. — Мы оказались здесь посреди болота, без всяких припасов и, главное, без оборудования для передачи. Нам нужно было остаться на корабле и посыпать световые сигналы в надежде, что их заметят в Венера-Сити и пришлют помошь.

— И постепенно утонуть в бездонном болоте вместе с кораблем, добавил Картер, коротко пожав плечами. — Да мы меньше, чем через час, были бы похоронены там заживо. Пусть вам это кажется жестоко, парни, но у нас есть превосходный шанс выбраться из этой передряги, тащась пешком к месту вашего назначения. А свою историю вы можете рассказать по телевидению после того, как вернетесь в Венера-Сити.

— Без съемок сцен на натуре, интервью с работниками рудника и всего прочего, — проворчал Мортон. — Хорошенькая перспектива. А все же интересно, кто оставил открытыми топливные баки, желая похоронить нас здесь?

— Единственная, о ком я могу подумать, это та амazonка из «Юнивокса», — задумчиво протянул Довилл. — Она явно взволновалась вчера вечером, когда узнала, что мы прилетели на Венеру, чтобы показать историю Кроудера. Я отнес ее волнение к переживаниям после космического перелета. Но она здесь с тем же заданием от «Юнивокс Вервис».

— Мириам Монтес не амazonка, — тут же возразил Мортон.
— Вы не должны порочить ее только за то, что она не обращала внимание на вашу уродливую физиономию в присутствии моей

Carter fired his ray-gun into the fanged red mouth of the apparition

VENUSIAN NIGHTMARE

By FORD SMITH

ослепительной красоты. Но предположить, что она попыталась стреножить нас только для того, чтобы опередить с передачей о рудниках Кроудера? Как ты только мог придумать такую...

— Если наши топливные баки были опустошены специально, — мрачно перебил его Картер, — то это сделано не для того, чтобы, как вы выразились, «стреножить» нас. Если бы мы упали чуть ближе к центру этой адской трясины, у нас вообще не было бы шансов выбраться отсюда живыми.

— Значит, это был агент Кроудера? — задумчиво предположил Мортон.

— Но зачем Кроудеру избегать известности, которую мы могли бы ему дать? — не согласился Довилл. — Это же самые большие разработки *иратрума* во всей Системе со времени появления Лунных шахт. Наряду с методом извлечения металлического *иратекса* быстро и просто, минутя процесс Бандерсона, это сделало бы Амоса Кроудера самым знаменитым человеком во всех колонизованных мирах.

— Если там все на самом деле так, — вставил Картер. — Но сейчас для нас самое главное — как можно быстрее добраться до

рудников Крудера. Нам еще повезло, что в этих местах не водится опасных хищников. А то у меня только ручной лучевик, который даже человека не сбьет с ног на расстоянии больше двадцати шагов. Ваши охотничьи ножи – более грозное оружие при данных обстоятельствах.

– А почему здесь нет никаких опасных животных? – спросил Довилл.

– Никто не может жить на Великой Топи. Любое существо или вещество тонет здесь в ту же минуту, как перестает двигаться. Вся фауна Венеры избегает этого кладбища, походящего на огромное море плывунов.

– Вы много знаете о Венере, верно, Картер? – спросил с любопытством Мортон. – И что вообще такое эта Великая Топь?

– Это моя обязанность, – ответил офицер МП. – Я провел здесь большую часть своей жизни. Никто ничего не знает о Великой Топи. Открытая в две тысячи пятьсот восемьдесят седьмом году Теодором Вурхисом, одним из ранних пионеров-исследователей Венеры, Великая Топь занимает область около сотни миль в ширину и двести в длину. Она состоит из мягкой, слизистой, студенистой массы сульфатов. Ее поверхность – тонкая корка подсохшего болотного ила – может выдержать лишь специфичные ползучие растения, содержащие наркотическое вещество, подобное гашишу, – индику. Топь никогда не исследовалась зондами. О причинах ее образования ученые лишь строят гипотезы. По легендам венериан, планета – живое существо, а Топь – его глаз. Но независимо от того, что это такое на самом деле, ни один человек, – ни землянин, ни венерианин, – никогда не пересекал и не исследовал ее... во всяком случае, не оставался в живых, чтобы об этом рассказать. Мы будем униками, если доберемся до твердой земли.

Мортон содрогнулся.

– Надеюсь, вы не верите местным легендам?

– Честно говоря – нет. Но Венера – большая, зловонная зеленая планета, поверхность которой исследована меньше, чем на десять процентов. Никто не знает, какие ужасные тайны скрывают пышные джунгли, моря и плотные облака. Она приблизительно того же возраста, что Земля и Марс, но охлаждалась гораздо медленнее, чем Земля. И насколько Марс остывал быстрее Земли, настолько же и Земля остыvalа быстрее Венеры. Когда-нибудь, когда я выйду в отставку, то собираюсь заняться исследованиями Венеры.

ОНИ ШЛИ и шли, заставляя работать усталые мышцы. Один раз Довилл ступил на более мягкое место и тут же погрузился до

пояса. Картер и Мортон успели вытащить его лишь по чистому везению.

Они буквально тряслись от усталости и напряжения, но все же приближались к гряде низких холмиков, отмечавших начало твердой земли. У них уже не было сил разговаривать, они молча стремились к спасению.

Несмотря на спокойствие, их нынешнее положение было ужасно опасным, и все трое знали об этом. Если ноги их откажутся идти дальше, и они упадут, или если их настигнет на Топи ночь – они погибнут.

Без еды и воды они уже восемь часов шагали без остановки и совершенно выбились из сил. Странный дневной свет уже медленно угасал, уступая место мраку, когда они выбрались на твердую почву. И тут же почувствовали какие-то ритмичные, механические удары, а мягкая земля задрожала у них под ногами.

Впереди они увидели силуэты нескольких выпуклых низких строений и свалку отходов от переработанной руды между ними. За ними виднелась крутая эстакада и магнитная дорожка конвейера. Но возле добывающего лагеря не было видно ни единой живой души.

– Смотрите! – воскликнул вдруг Мортон, тыча рукой вперед.
– Что это вон там, на открытом месте?

– Ракета! – закричали одновременно Довилл и Картер.

– Наверное, это Кроудер, – добавил Картер. – Идемте, но будьте настороже. Я не имею права рассказать, зачем меня послали с вами, но это правда, что туземцы обеспокоены, и существует опасность восстания. И мне предстоит узнать, почему.

Они подошли к ракете и погладили гладкий *ираптрекс* ее обшивки.

– Это не корабль Кроудера, – объявил Картер. – Здесь над регистрационным номером стоит знак отличия – Солнце, звезда и полумесяц. Это, случайно, не эмблема «Юнивокса»?

– Мириам Монтес! – закричал Довилл. – Значит, эта распутная девка обставила нас!

– Но где же она? – с тревогой спросил Мортон. – Где вообще люди?

– Пойдемте, – велел Картер, вытаскивая лучевик и направляясь к центральному куполу. – В этом здании должен находиться главный ствол шахты.

Войдя в купол, они не столкнулись ни с друзьями, ни с врагами. Они увидели круглое помещение, освещенное криптоновыми лампами на потолке, и одновременно обнаружили источник ритмичного шума.

Здесь была электростанция лагеря, негромко трещала динамомашина. А звуки ударов исходили, казалось, из шахты лифта. Клеть лифта была наверху, пустая и неподвижная.

А на ее полу Мортон увидел затоптанный белый кусок материи. С криком он рванулся вперед и схватил то, что оказалось порванным женским жакетом в стиле «болеро».

— Мириам! — закричал Мортон. — О, Боги Космоса! Что тут произошло?

— Здесь много что произошло, — мрачно ответил Картер.
— Похоже, венериане покинули лагерь. Давайте, спустимся вниз.

Оба телерепортера поглядели друг на друга, а затем единодушно последовали за полицейским в клеть лифта. Картер осторожно нажал кнопку спуска, и лифт начал плавно спускаться по стволу шахты... Но куда?

Пройдя не меньше пятисот футов, клеть остановилась. Они уже начали думать о том, не продлится ли их спуск вечно, когда щелкнуло автоматическое реле, и лифт опустился на дно шахты. Справа от них тянулся освещенный криптоновыми лампами коридор, пробитый в сплошной стене. Оттуда и доносились удары.

— Постойте! — приказал Картер, когда Мортон двинулся было к коридору. — Если мои сведения верны, он направляется прямо в Великую Топь. Через сто ярдов скала должна кончиться, и начнется слизистое море ила.

— Если бы так было, туннель был бы затоплен, — возразил Мортон. — Я хочу узнать, что случилось с Мириам.

— Спокойней, — предостерег его Картер. — Нам лучше держаться всем вместе.

Они медленно и осторожно прошли почти триста футов по прямому туннелю. Удары становились все громче. Внезапно туннель открылся в высеченную в скале пещеру. В стенах сверкали нити руды *иратриума*.

В дальнем конце пещеры, погруженный в горизонтальный канал, автоматически работал гигантский бур. Вокруг него лежали груды неубранной руды.

НО ПРЕЖДЕ всего их взгляды приковало к себе зрелище полураздетой Мириам Монтес, едва прикрытой изорванными остатками белого костюма из пластекса. Привязанная веревками к каменной колонне, девушка с прекрасными темными волосами, спадающими на плечи, с ошеломленным ужасом глядела на них.

У ее ног лежало тело Амоса Кроудера. На геолога было страшно глядеть. Его голова была буквально расплюснута в лепешку.

— Венериане восстали! — воскликнул Картер. — Но, во имя Космоса, куда они подевались?

— Джек Мортон! Карл Довилл! — закричала очнувшаяся от замешательства девушка. — Слава Богу, вы прилетели!

Оба репортера «Солнечного вещания» рванулись вперед, чтобы освободить работницу «Юнивокса». Картер же быстро оглядел пещеру, но не заметил ничего подозрительного. Тогда он прошел вперед, чтобы осмотреть колонну, к которой была привязана девушка.

— Да это же венерианский обелиск, — изумленно пробормотал он. — Но как он здесь очутился?

— Шахтеры туземцы восстали, — несколько истерично ответила девушка. — Они оставили меня здесь в качестве жертвы Глазу. Они же убили доктора Кроудера. А потом они убежали.

— Сколько же времени вы пробыли здесь? — спросил Мортон, перерезая ее веревки.

— Много часов, — рыдая, ответила девушка. — Нападение произошло совершенно неожиданно. Туземцы убили всех помощников Кроудера, затем приволокли его и меня сюда. Я плохо понимаю венерианские диалекты, но мне показалось, что они что-то бормотали о том, что шахта вторглась в гнездо Большого Глаза.

Довилл, перерезая веревки с другого бока, неприязненно глядел на пленную журналистку «Юнивокса».

— Выходит, у вас не было времени сделать передачу о Кроудере, верно? — злорадно спросил он.

— Я не успела даже настроить свое оборудование, — призналась девушка.

— А может, это она убила Кроудера и сама привязала себя здесь?

— настойчиво продолжал Довилл. — Она ведь считала, что уже расправилась со мной и Мортоном из «Солнечного вещания»... Не так ли, предательница из «Юнивокса»?

— Не сейчас, Довилл, — рявкнул Мортон. — Давайте сначала освободим ее.

— Да черт с ней! — прорычал Довилл. — Взгляни на меня, Монтес! Я по пояс покрыт слизью! Я чуть было не расстался с жизнью в том ужасном болоте! Это ведь ты испортила вентили наших топливных баков, не так ли? Мы лишь чудом выбрались из Великой Топи!

— О, мне так жаль! — воскликнула девушка. — Я не знала, что это настолько опасно! Я просто хотела оказаться здесь первой. Я только хотела задержать вас, мужчин!..

— И вы чуть было не погубили себя, юная леди, — мрачно сказал Картер. — Людям, которые не знают условий на чужих планетах, нечего там делать. Если бы я встретил вас вчера вечером, то

посоветовал бы вам немедленно улететь. Здесь вовсе не место для женщин.

— Я не верю своим ушам! — негодующе воскликнула девушка.
— Я всегда считала, что мужчины и женщины должны на равных заниматься опасной работой, чтобы развивать и дальше нашу цивилизацию!

— Давайте оставим это на потом, — оборвал ее Картер. — Прежде всего мы должны выбраться отсюда и сообщить в Венера-Сити о восстании. Наши личные разногласия мы можем уладить позже. Но сначала нужно как-то отключить этот проклятый бур.

Довилл вдруг рухнул на колени с придушенным криком.

— Стойте! — заорал он. — Смотрите, что там творится!

С ужасным грохотом весь дальний конец пещеры, где работал бур, вдруг обвалился, похоронив установку под грудой обломков. И тут же, точно взрывная волна, в пещеру хлынул поток зеленоватого ила и слизи, неся перед собой отвратительную вонь гнилой рыбы.

Но прежде, чем полужидкая субстанция успела наполнить пещеру, она была остановлена десятками взывающих от натуги водяных насосов.

А ЗАТЕМ, из зияющего отверстия, пробитого к Великой Топи на глубине пятисот футов, появилось создание с ужасным лицом. Пылая зеленым светом в огнях криptonовых ламп, коронованное извивающимися щупальцами, на концах которых скалили зубы змеиные челюсти, лицо ярко осветило пещеру.

— Медуза! — с ужасом прошептал Довилл. — Венерианская Медуза!

К счастью, Мортон не смотрел на него, как и девушка. Разрезав последнюю веревку, привязывающую ее к обелиску, Мортон подхватил Мириам на руки.

С мрачным, искаженным страхом лицом Картер присел за каменной колонной, поднял свой лучевик и пустил поток смертоносной энергии электронов прямо в клыкастую красную пасть чудовища.

— Все к лифту! — закричал он. — Если мы немедленно не уберемся отсюда, то останемся тут навсегда!

Оба репортера помчались к лифту, Мортон с девушкой на руках. Картер медленно отступал, продолжая стрелять из лучевика. Шипение и свист чудовища Великой Топи становилось все громче, постепенно превращаясь в почти человеческий крик.

Один когтистый плавник, отдаленно напоминающий человеческую руку, отчаянно ухватился за край дыры, стараясь

расширить ее. Не считая того, что лучевик слепил это существо, он производил эффект не больше, чем детский водяной пистолет.

Картер бросил последний, полный ужаса взгляд на когтистый плавник, уже практически пролезший в пещеру вместе с потоком пузырящейся зеленой слизи, затем бросился к лифту. Довилл нажал кнопку подъема.

Лифт верещал, как безумный, поднимаясь вверх, а снизу его словно бы подталкивала волна ужасного серного зловония. Что-то ударило в стенку шахты так сильно, что клеть лифта затряслась. Но, к частью, динамо, электростанция и барабаны с кабелями находились наверху, поэтому клеть не остановилась.

К тому времени, как они достигли поверхности, все уже взяли себя в руки.

— Что... что это было? — дрожащим голосом спросила девушка.

— Плохо, что вы все пропустили, — злорадно ответил Довилл.

— Это была тварь, которой вы чуть было не скормили нас троих. Венерианский вариант Медузы, очаровательного чудовища из древнегреческой мифологии Земли.

— Как вы думаете, оно полезет за нами по шахте? — спросил у Картера Мортон.

— Понятия не имею, — признался полицейский. — Хотя думаю, что едва ли. Верх шахты находится выше уровня Великой Топи.

Но опасность еще не миновала. Внезапно земля под ногами конвульсивно вздыбилась и опала, пока они бежали к кораблю «Юнивокса». Вокруг них рушились здания. Почва содрогалась в муках землетрясения.

Все в синяках и ушибах от бесчисленных падений, они добрались до корабля. Картер бросился в рубку управления. Как только корабль оторвался от трясущейся земли и ринулся в небо, из шахты лифта ударил вверх мощный гейзер зеленой слизи, и стал бить в ночное небо, словно в последней отчаянной попытке достать ускользающую добычу.

— Прощай, Кроудер и его секрет нового метода обогащения руды, — вздохнул Довилл, пристально глядя на экран. — Но, по крайней мере, мы узнали точно, что Великая Топь вовсе никакой не глаз. Она — море слизи, полное ужасных монстров.

— Возможно, еще не все потеряно, — сказала Мириам, застегивая пояс нового костюма. — Кроудер дал мне для сканирования свои записи, как раз перед тем, как нас схватили туземцы. И я думаю, будет правильно, если я передам их вам, людям, которые спасли мне жизнь.

— Что?! — воскликнул Мортон, выхватывая из ее руки блокнот и спешно листая его. — Клянусь Юпитером, вы правы, Монтес!

Включайте телепередатчик, Довилл! Мы все вместе сделаем эту передачу. А этот метод, если он действительно так хорош, компенсирует Системе потерю рудников Кроудера. Мириам, вы – отличный товарищ!

– Не забудьте рассказать и о Картере, – напомнила девушка. – В конце концов, именно он убил Медузу.

– Никого он не убил, – бросил через плечо Картер. – Но за меня не волнуйтесь. Я еще вернусь сюда. Хочу добыть ее голову со змеями, как только закуплю нужное оборудование.

(Thrilling Wonder Stories, 1944, Winter)

WONDER STORIES

15¢

SPRING ISSUE

A THRILLING PUBLICATION

DEVILS FROM DARKONIA

A Fantastic Novel
By JERRY SHELTON

VENUS SKY-TRAP

An Interplanetary Novelet
By ROSS ROCKLYNN

РОСС РОКЛИНН

ВЕНЕРИАНСКАЯ ЛОВУШКА

ГЛАВА I. Задание на Венере

НЕСМОТРЯ НА ОТКАЗ, девушка в зеленом платье не отставала.

— Но, Реджи!.. — умоляющим тоном протянула она. — Почему вы не можете взять меня с собой? Вы же отправляетесь как раз туда, куда мне нужно, в зону водяных смерчей, где прячется Аарон Логан. Я требую ответа!

Элиза Мэйнард повисла на руке лейтенанта Реджи Мейсона, в серо-синей форме, а ее туфельки на высоких каблучках отбивали чечетку по тротуару центрального бульвара Венус-Сити, потому что она пыталась не отставать от широких шагов спутника. Вокруг них был оживленный центр города, а в пятистах футах над ними виднелся изогнутый стеклянный купол, из особого материала прочности суперстали, защищавший венерианский город от ядовитых испарений джунглей.

— Это же просто глупо, — задыхаясь от быстрой ходьбы, слезливо продолжала она. — Я здесь одна из самых образованных женщин-геологов Смитсонианского университета, а также и самая симпатичная, и могу держать пари, что у вас есть корабль, а у меня нет, потому что я не успею получить грант до начала следующей недели... а вы... вы не хотите пригласить меня с собой. Я даже не произвожу на вас впечатления! Ну, я прекрасно знаю, почему. Это все ваши проклятые инструкции ПККВ.

Лейтенант Реджи Мейсон воздел вверх серые глаза, словно молил Бога дать ему силы. Затем остановился, повернулся и нагнулся голову, так что козырек его фуражки коснулся гладко причесанных золотистых волос Элизы, видневшихся из-под шляпки с цветочками. Затем вызывающе помахал пальцем перед самым ее носом.

— Когда вы начинаете топать ногами на представителя Полицейского Корпуса Контроля Венеры, моя дорогая юная леди, то наступаете мне на мозоли.

— Я это нарочно! — вспыхнула она.

— И вы должны понимать, — продолжал Реджи, — что ПККВ создает свою репутацию на основе самой строгой дисциплины своих сотрудников, и что если бы не он, то Венера была бы наводнена гангстерами — такими пиратами, как Аарон Логан, — а значит, не можете не понимать, что у меня нет права взять вас в опасную экспедицию, цель которой — охота на пирата. Это мужская работа, так что — никаких женщин, понятно? Но... — твердое лицо молодого Реджи Мейсона слегка смягчилось, — но я скажу вам, что хочу сделать.

— О-о!.. — протянула она притворно слабым голоском. — О, нет! Не говорите мне, что тиран хочет размякнуть...

Реджи глядел на нее, и краска поползла по его лицу, поднимаясь от тугого воротничка.

— Порой мне кажется, что вы никогда не отстанете, — выпалил он. — Вот что я хочу предложить. Я сейчас направляюсь на встречу со своим начальником, капитаном Хадсоном. Пойдемте со мной, и вы сами расскажете ему о своих проблемах.

Сердитое и одновременно умоляющее лицо девушки мгновенно преобразилось. Глаза расширились и засияли.

— О, Реджи! — восхитилась она. — Капитан Хадсон? Капитан Фил Хадсон? Ну... Ну, я же знаю его!

ЛИЦО РЕДЖА Мейсона оставалось серьезным. Никто лучше его не знал, что капитан никогда не согласится смешать гражданские дела с выполнением задания ПККВ. Поэтому он внезапно решил, что будет лучше, если сам Хадсон уничтожит надежды Элизы. Бог видит, как извела его девушка, начиная со вчерашнего прибытия пассажирским лайнером Земля-Венера. Но то, что она, оказывается, знала капитана Фила Хадсона, представило ситуацию совершенно в ином свете — и не в том, как он предполагал.

— Ну, это все облегчает, лейтенант, — сказала Элиза, глубоко вздохнув. — Тогда вперед! У Фила научный склад ума, такой же, как у меня, и он никогда не позволял дурацким правилам встать на пути научного прогресса... как один лейтенант, которого я знаю...

— Теперь она тянула его за руку. — Поторопитесь же, — рассмеялась она. — Сейчас я довершу ваш разгром, и вы прекрасно это понимаете.

Но он стоял, твердый, как скала, с мрачным выражением на лице.

— Минутку... Вы давно знаете Хадсона?

— Фила? Я повстречалась с ним во время перелета несколько лет назад. И с тех пор он всякий раз ищет меня, когда выбирается в Вашингтон. А почему вы об этом спрашиваете?

VENUS SKY-TRAP

By ROSS ROCKLYNNE

— Потому что он не тот человек, на которого может повлиять личное знакомство, — холодно ответил Реджи. — Он мой командир, и, как таковому, я подчинюсь любым его приказам, но в случае Аарона Логана... Послушайте, Элиза, — закончил он, твердо глядя ей в глаза, — Я знаю, что Хадсон совсем не такой, как его рисуют телегазеты...

Девушка нахмурилась в тон его серьезному лицу. Затем ее прекрасные губы приняли выражение мягкого упрека, и она нежно пожала ему руку.

— Глупый, — тихонько сказала она. — Да вы просто ревнуете!

И она потащила его дальше по улице, победно стуча каблучками в счастливом ритме.

Они нашли Хадсона сидящим за замысловатым, изящным, но прочным хрустальным столом, изготовленным знаменитой марсианской корпорацией «Стекло и Песок». Прядь светлых волос упала на его высокий лоб, когда он отодвинул стул и удивленно вскочил на ноги.

— Элиза! — воскликнул он, идя ей навстречу.

Хадсон был лишь на пять лет старше Реджа Мейсона.

— Добро пожаловать на Венеру!

— Привет, Фил, — сказала она, бросив ядовитый взгляд на лицо Реджа, когда Хадсон после рукопожатия не стал спешить отпустить ее руку. — Лейтенант Мейсон сказал мне, что вы его командир, и я попросила, чтобы он привел меня к вам.

— Это замечательно, — нетерпеливо сказал Хадсон, его поведение было таким напряженным, что даже Редж почувствовал это. — Просто чудесно, что вы здесь! Редж, старина... Это вы уговорили Элизу приехать сюда? Скажите же, что вы пробудете здесь достаточно долго, чтобы я успел показать вам все здешние достопримечательности.

— Достаточно долго, чтобы провести исследования зоны водяных смерчей Венеры, — ответила девушка. — Я здесь по работе. Исключительно по работе. Смитсонианский университет хочет, чтобы документы об изучении водяных смерчей вошли в следующий ежегодный отчет. Поэтому послали меня. И поэтому я пришла к вам. Давайте, Реджи. Расскажите ему.

— О-о!.. — протянул Хадсон, и улыбка его внезапно исчезла, он выпрямился, подтянулся, его длинные пальцы стали перебирать знаки отличия на кителе. — Если это по делам, то я и буду рассматривать ваш приход как деловой визит.

— Мисс Мэйнард, — сказал Реджи, слегка поклонившись ей, — хочет полететь со мной в полицейском крейсер в область водяных смерчей, где, как нам стало известно, последние пять дней находится Аарон Логан, с тех пор, как сбежал в украденном корабле ПККВ. Я сказал, что оставлю этот вопрос на ваше усмотрение.

— В просьбе отказано! — Губы капитана Хадсона упрямо поджались, когда он взглянул на Элизу.

— Но... — начала она. — Но, Фил!..

В ее голосе звучало удивление.

— Мне очень жаль, Элиза, — сказал он спокойно, но она сразу же поняла, заметив твердый блеск его темных глаз, что он никогда не уступит.

Губы ее тоже поджались.

— Почему же, — спросила она. — У меня есть право знать, почему, не так ли? Я думала, что вы мне друг.

— Я ваш друг.

На лице Хадсона внезапно возникло детское, просительное выражение. Он протянул было руку, но тут же безнадежно опустил ее, надеясь все же, что она поймет.

— Это для вашей же пользы, — продолжал он. — Аарон Логан очень опасен. Он один из самых злостных пиратов последнего десятилетия. Он и его команда грабили марсианские, венерианские и даже земные грузовые корабли почти год. Он был заключен в тюрьму, но ему удалось убежать... Он очень опасный человек. Элиза... будьте же разумны...

— Понятно, — холодно сказала она. — Редж, я буду ждать вас в приемной.

Взмахнув зеленою юбкой и всем своим видом показывая, что сердится, она с силой хлопнула дверью за собой.

ХАДСОН ОБЛЕГЧЕННО вздохнул и, сев в свое кресло, раздраженно оттолкнул лежащие перед ним бумаги.

— Упрямая девушка, — пробормотал он. — Но к делу, лейтенант. Вы должны вылететь завтра в семь утра по условному венерианскому времени. Ваш корабль будет к тому времени ждать вас на взлетном поле номер десять, заправленный и загруженный, — это в юго-западной части космодрома. Вот ваши бумаги. Думаю, это — все.

Редж взял документы, аккуратно сложил их и убрал во внутренний карман кителя.

— Куда мне доставить пленного, сэр?

Хадсон излишне долго молча глядел на стол. А когда поднял взгляд, глаза его были непроницаемы.

— Я думаю, сюда.

— Есть!

Редж повернулся и пошел к двери, хотя знал, что не уйдет, не высказав свое мнение о том, что он думал о деле Аарона Логана. Лейтенант знал так же точно, как то, что имя его будет облито грязью, насколько встревожен Хадсон. У него было сильно развитое чувство справедливости, и он никогда не смог бы вынести несправедливость, не выразив протест. Поэтому он повернулся к Хадсону.

Словно ожидая этого, Хадсон был уже на ногах, чуть наклонившись вперед, опервшись о стол кончиками пальцев, словно ожидая каких-то проблем.

— Сэр, перед побегом у меня был пятиминутный разговор с Аароном Логаном, — холодно сказал Редж. — Он все рассказал мне. И, думаю, я ему верю.

— У вас приказ, лейтенант, — сказал Хадсон, начав мягко, но к концу тон его стал острым, как лезвие ножа. — Я знаю, что вы беседовали с Аароном.

— У меня действительно есть приказ, капитан, — ответил Редж, мрачно глядя тому в глаза. — Не волнуйтесь. Я полицейский и всегда исполняю приказы. Доброго дня вам, сэр.

Он закрыл за собой дверь, но Хадсон продолжал молча глядеть на нее.

ГЛАВА II. Осмотическая планета

Как и ожидалось при колебаниях температуры ядовитой атмосферы, наружная поверхность громадного стеклянного купола, накрывающего Венера-Сити, была покрыта влажной слизью от постоянной конденсации водяных паров. В юго-западной стороне купола, примерно в сотне футов от дна болотистых джунглей, которые напирали на город, вверху открылся большой люк.

Из воздушного шлюза вылетело круглое судно и рванулось к низким облакам Венеры. В корабле Редж Мейсон, покачиваясь взад-вперед, медленно досчитал до десяти, прежде чем его пальцы легли на пульт и заиграли кнопками управления кораблей. К этому времени корабль, выброшенный из купола катапультой, достиг наивысшей точки в небе и собрался уже было ринуться вниз, к джунглям, но тут два факела из реактивных дюз прорубили мрак, и корабль полетел вперед, над сплошным морем деревьев.

Редж Мейсон облегченно вздохнул, и усмешка медленно появилась на его напряженном лице, как было всякий раз, пока корабль находился в зоне действия электрической катапульты.

— Я чувствую себя, как шарик в автомате для игры в пинбол, как раз перед тем, как игрок запускает его, — признался как-то Редж промышленному машинисту перед тем, как подняться на борт корабля.

Взяв управление в свои руки, Редж моментально успокоился и даже почувствовал удовлетворение, что запуск корабля катапультой благополучно завершился, а также вспомнил о задании относительно Аарона Логана. Он сверился с триолитовой стрелкой — которая реагировала на микровкрапления триолита в корпусе украденного Логаном крейсера ПККВ и тем самым указывала направление, в котором он находился, — и хмуро кивнул. Корабль Аарона был все еще там, возле знаменитой области водяных смерчей Венеры. Аарон тоже был там, потому что, даже если он продолжал набеги, то все равно должен был сделать корабль своей базой, поскольку тот был единственным источником чистой воды.

Редж хмурился от отвращения к грязной работе. Аарон Логан не был такой уж невинной овечкой, и обвинения, выдвинутые против

него, не являлись совсем уж надуманными, но все же не был он таким, каким его описывали телегазеты. Однако, Редж Мейсон был полицейским. И он должен действовать, как полицейский. Ну, по крайней мере, рядом с ним не было Элизы Мэйнард, чтобы все дело стало еще более грязным...

Погруженный в мысли, Редж Мейсон не заметил, как дверца шкафчика для запчастей начало тихонько открываться. И он не видел, как из него показалась стройная фигурка с весьма зеленоватым лицом. Он не видел, как эта фигурка в легком скафандре, шатаясь, сделала пару шагов, покачнулась, прислонилась к переборке и медленно скользнула на холодный, металлический пол корабля. Он не замечал ее, пока фигурка не заговорила.

— Реджи, — захныкала она. — Мне... мне плохо...

— Ни фига себе! — воскликнул Редж Мейсон, взглянув в зеркальце над пультом прежде, чем повернуться на врачающееся кресле.

Ему захотелось застонать, и одновременно захотелось бушевать, что он тут же и сделал.

— Элиза! — закричал он. — Что вы наделали? Вы что, не понимаете, что меня могут просто выпереть из Корпуса! Это же против всех инструкций!

— К чертам ваши проклятые древние инструкции, — простонала она. — Наверное, их написали специально для того, чтобы дать мне умереть.

Всем своим видом она показывала, что собирается умереть. Обычно розовое, ее лицо приобрело явственный зеленоватый оттенок. Глаза под длинными ресницами были выпучены. Судя по всему, в любое время можно было ожидать самого худшего. Редж Мейсон не дав вырваться словам, распирающим его грудь, хотя он много чего подумал, открыл дверцу бортовой аптечки. Он насыпал в стакан соды, струйка воды ударила и потекла в него из водяного бачка, и потом он поднес пузыряющуюся жидкость к самым губам девушки.

— Пейте! — скомандовал он.

Она с трудом повернула к нему глаза, и он наклонил стакан. Большая часть содержимого вылилась ей в горло. Элизу затошило, и она повернулась лицом к переборке. Редж вернулся и сел в кресло, с мрачным видом уставившись на нее. Наконец, она поднялась на негнущиеся ноги и села в свободное кресло, опустив голову на грудь.

— Я впервые полетела на корабле, который зафитилила в небо катапульта, — пробормотала она. — На настоящих космодромах есть более цивилизованные методы запуска. Кто-то должен произвести

проверку неэффективных методов ПККВ. У меня уже есть половина опыта, чтобы самой образовать надлежащую комиссию.

— Рад, что вы почувствовали себя лучше, — язвительно сказал Редж. — А теперь любезно объясните мне, почему из всех одиннадцати обитаемых миров вы выбрали именно этот, причем именно борт моего корабля? Вы хотите поиграть на моих нервах?

Золотистые волосы падали на ее лицо. Дрожащими пальцами она откинула их и подняла голову, но избегала встретиться с ним взглядом.

— Нужны мне ваши нервы! — огрызнулась она. — Вы сказали мне, когда я спросила, где стоит ваш корабль, и я... я решила, что, раз вы не можете взять меня с собой официально, то предлагаете мне пробраться на корабль тайком. Поэтому, мне кажется, здесь есть не только моя вина, но и ваша!

Он чопорно выпрямился в кресле и смотрел на нее во все глаза.

Она явно чувствует себя лучше, думал при этом Редж. Она собирается закидать меня обвинениями, не давая мне время ответить, чтобы я почувствовал себя целиком в ее власти.

Он открыл было рот, чтобы дать достойный ответ.

— А, кроме того, — продолжала она прежде, чем он успел сказать хоть слово, — никто не имеет права останавливать победное шествие науки. Я должна попасть в зону водяных смерчей сегодня — в крайнем случае, завтра.

— Разумеется, в крайнем случае, — полным сарказма голосом заявил Редж. — А вы знаете, что лет через пятнадцать водяных смерчей вообще не станет?

— Кому знать об этом лучше меня? Разумеется, через пятнадцать лет водяных смерчей не будет. На том месте. Мои... м-м... коллеги из Смитсонианского университета сделали расчеты, показывающие, что оболочка Венеры непременно разорвется, так что водяные смерчи появятся в другом месте. И мне кажется, вы должны чувствовать себя весьма ничтожным, Реджинальд Мейсон, — строго заявила она, подняв вверх белый указательный палец, — что не дали мне исследовать водяные смерчи, пока они существуют...

Редж медленно сползл с кресла, вытянув по полу длинные, затянутые в серо-синие форменные брюки ноги. Очень долгую секунду он неприязненно глядел на Элизу Мэннарод. Затем повернулся к пульту и скорректировал полет.

Сферический корабль Полицейского Корпуса скользил над мрачными, совершенно непроходимыми джунглями. Двойные

лучи прожекторов на носу корабля создавали туннель света в окружающем сумеречном мраке.

На Венере всегда царили сумерки, независимо от того, где находилось солнце. Это было из-за двойного слоя облаков. Они, как зеркала, рассеивали солнечный свет равномерно вокруг планеты, а с поверхности солнца никогда не было видно.

Редж хмуро глядел на экран. Он был побежден, разгромлен на всех фронтах. В детстве Элиза была испорченным ребенком, а потом ее окончательно испортило внимание мужчин, в том числе и самого Реджа Мейсона.

— Ну? — раздался голос Элизы, ядовитый, поскольку она заранее знала ответ. — И каково ваше решение?

— Вы прекрасно знаете, каково мое решение, — проворчал Редж.

Элиза встала с кресла и присела на край пульта управления, ее прекрасные глаза чуть ли не застенчиво взглянули на него.

— Реджи, я хочу вам сказать, что вы славный парень. Я была уверена, что вы позволите мне полететь с вами.

— Спасибо, — сухо бросил он.

— Я имею в виду, Реджи, вы же знаете, вокруг меня все говорят, что я — вполне полноценный геолог. Ну, предполагается, что я разбираюсь в геологии не хуже остальных. Но... Реджи, у меня никогда не было настоящей работы, и я никогда не получу настоящую работу, если не сделаю сперва нечто выдающееся. В Смитсонианском просто смеются надо мной, потому что я так молода. Я буквально лезла вон из кожи, чтобы мне дали это задание... Ладно, они не думают, что возникнет другой водяной смерч. — В ее голосе чувствовалось смущение, но также вызов и упрямая гордость. — Тем не менее, я сумела их убедить, что мои расчеты верны и что они почти доказывают возникновение другого смерча, — продолжала она. — Так что мне разрешили идти своим путем и сказали, что даже если другого смерча и не будет, я все равно могу написать статью об этом. Поэтому, сейчас — мой великий шанс!

Редж Мейсон с интересом посмотрел на нее.

— Продолжайте, — сухо сказал он.

— Спасибо, Редж... — Она облизнула губы. — Видите ли, начиная с последней струи, Венера теряет воду по пятнадцать миллионов галлонов в сутки. Так доказывают мои расчеты. И это число сохраняется многие годы.

— Может, вода просто испаряется в космосе? — предположил Редж.

— Нет, Редж, — отчаянно возразила Элиза. — Разве вы не видите? Вода вообще не доходит до облачного слоя, а уж тем более, до верхнего слоя облаков из формальдегида. Единственно, куда она может деваться, это уходить вглубь планеты. Венера, Редж, представляет собой этакий космический шарик из грязи. Она вся насквозь сырья. Это своего рода астрономический пример осмоса... Ладно, вам этого не понять.

Редж снова негодующе выпрямился.

— Почему вы считаете, что я не пойму? — окрысился он.

— Ну, вы же не ученый, — примирительно сказала Элиза.

— Осмос, — со злостью сказал Редж, — это процесс, при котором жидкости под действием молекулярных сил проходят сквозь мембранны или иные пористые вещества. И через какое-то время мембранны разрываются.

ЭЛИЗА ОДАРИЛА его великолепной восхищенной улыбкой, и Редж невольно улыбнулся в ответ.

— Ладно, ладно, — сказала она. — Все правильно. Согласно установившейся теории, именно это и происходит на Венере. Под болотами и океанами Венера представляет собой пористую мембранны, образованную из останков растительности и животных, копившихся в течение миллионов лет, мембранны, которая, скорее всего, достигает толщины во много миль и почти столь же твердая, как известняк. Из-за осмотического принципа вода постоянно просачивается через эту мембранны, и, рано или поздно, мембрана разрывается. Причина таких разрывов и появления области водяных смерчей состоит в том, что в этих местах мембрана ближе всего примыкает к твердой поверхности планеты. Понимаете?

На лице ее была такая же смесь различных эмоций, какую Редж уже видел как-то раз, когда вел ее в сложном танце в каком-то экзотическом ночном клубе. И теперь он взглянул на нее с некоторым опасением.

— Кстати о двойной жизни, — воскликнул он, хватая ее за руку. — Послушайте, я правда считаю, что все это так и есть. Но сейчас уже довольно разговоров, пора переходить к действиям. Через полчаса мы будем в районе водяных смерчей, и я начну искать Аарона Логана. Мне нужно настроить фотоусилители и кое-какую другую аппаратуру, так что я очень прошу вас — пройдите пока в кормовой отсек и попудрите там носик или что еще, пока я уточняю местонахождение самого страшного преступника в Системе. А когда вы вернетесь, я изложу вам план действий.

— Ой-ой! — воскликнула Элиза. — Что-то не нравится мне ваш взгляд, Редж Мейсон.

Она недоверчиво смерила его взглядом.

— На этом корабле я — капитан, — сказал Редж полуушутливо, полусерьезно.

Она помрачнела, но потом быстро улыбнулась, встала и похлопала его по щеке.

— Ладно, крутой парень Редж. И не волнуйтесь. Я буду охранять домашний очаг, пока вы добываете мясо.

Когда она ушла, улыбка исчезла с лица Реджа, и он стал обдумывать проблему поисков Аарона Логана.

ГЛАВА III. Хадсон ведет свою игру

ШАРООБРАЗНЫЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ крейсер достиг края джунглей. Дальше тянулись обширные болота, окруженные бесконечными зубчатыми рядами горных пиков. Мрак, покрывающий эти края, был не только в результате сумерек. Болото уходило в глубину почти до самого ядра планеты, ядра, которое устояло, несмотря на громадное осмотическое давление. А может, горы и туман скрывали долины, хранившие странные тайны и странные формы жизни? Никто никогда не исследовал их. И в какой из них спрятал украденный крейсер ПККВ Аарон Логан? Эту проблему можно было решить при помощи фотокамер с усилителями и триолитовой стрелки.

Редж Мейсон повел корабль вниз, описывая широкую спираль в нижних слоях вечных облаков над местом предполагаемого местонахождения Аарона Логана. Корабль медленно терял высоту, пока триолитовая стрелка не указала прямо вниз. Значит, Аарон был под ними.

Корабль летел над горным плато, упирающимся в утес, который опускался рядами террас к болотам, лежащим в двух милях внизу. Разумеется, подумал Редж, Аарон должен спрятать корабль в одной из заваленных камнями, естественных дренажных канав. Он снял со стенки фотоусилительную подзорную трубу, установил ее и прижал глаза к окулярам. И задохнулся от изумления!

Аарон Логан вообще не предпринял никаких усилий, чтобы спрятать украденный корабль. Крейсер, один из старых патрульных кораблей, формой напоминающий банан, лежал у обрыва утеса на одном из каменных уступов. Редж нахмурился. Ловушка? Не исключено.

Он, не отрываясь, осматривал окрестности, благо, уступ был немножко получше освещен, и увидел, как на узкой тропинке,

ведущей к кораблю, появилась массивная фигура. Редж поворачивал колесики, пока усилие не стало таким, что фигура Аарона Логана, казалось, стояла не дальше десятка метров.

– Ничего, если я посмотрю?

Элиза вошла в рубку и склонилась над его плечом. Редж повернулся. Лицо Элизы горело от любопытства.

– А разве я сумею вам помешать, – с сарказмом в голосе ответил Редж. – Смотрите. Подзорная труба как раз направлена на Аарона Логана, ужасного пирата и убийцу. Хотелось бы услышать, что вы о нем скажете.

Затаив дыхание, Элиза склонилась над окулярами. Через несколько секунд с лица ее исчезло почти детское восхищение. Наблюдавший за ней Редж увидел, как губы ее сморщились, точно от боли.

– О, Редж, – тихонько сказала она, – он совсем не такой, каким я его представляла. Он… он жалок. Я… Да, я чувствую к нему жалость!

Она выпрямилась и с замешательством уставилась на Реджа.

Редж зажег сигарету, вскочил на ноги и с силой бросил спичку на пол. Потом повернулся к ней с дикими глазами.

– Почему? – рявкнул он. – Почему вы чувствуете к нему жалость, когда ничего не знаете о нем? Так же, как не знаете правду о капитане Филе Хадсоне!

– Снова вы начинаете, – огрызнулась с ответом Элиза, – отпускать ехидные замечания о Филе.

Редж Мейсон фыркнул.

– Фил, – жеманным тоном передразнил он ее, – дорогой Фил… который, оказывается, является акционером корпорации, образованной для свободных юпитерианских перевозок.

Элиза уперла руки в стройные бедра и впилась в него взглядом.

– Нелегко вам придется, пока вы не заставите поверить меня в это, Редж Мейсон. Во-первых, офицерам ПККВ запрещается принимать участие в гражданских фирмах. Во-вторых, все знают, что Союзные Планеты хотя и находятся в дипломатических отношениях с Юпитерианскими Мирами, но между ними не прекращается своего рода необъявленная война. Юпитериане грабят наши корабли, а мы – ихние.

Редж погрозил пальцем в ответ на ее выпад.

– Минутку, шустренькая. Ты еще не все услышала. И своим первым замечанием ты точно попала в цель. Конечно, Филу Хадсону никто не позволил бы стать акционером гражданской компании. Но он стал им. В этом-то и вся суть – стал! Кроме того, он – ведущий

акционер, что делает его чиновником корпорации. А, кроме того, он сам создал эту корпорацию. Это отнюдь не крупная, а небольшая корпорация. В ее материальных активах числится лишь один надежный, хорошо вооруженный корабль с командой кровожадных преступников и талантливым капитаном – Аароном Логаном. Фил Хадсон нашел Аарона Логана в пограничном шахтерском поселке по другую сторону вот этих гор. Аарон работал там в поте лица, пытаясь накопить денег, чтобы вернуться на Землю и купить себе ранчо по разведению крупного рогатого скота. Хадсон выдвинул ему привлекательное предложение. Хадсон и другие акционеры в складчину покупают Аарону корабль, оплачивают все расходы по найму команды, покупки оборудования и припасов. Аарон же за это должен стать пиратом и грабить юпитерианские грузовозы. Аарон согласился. Пока что вы верите мне, Элиза?

НА ГЛАЗА ДЕВУШКИ сами собой навернулись слезы.

– Да, вы не стали бы лгать мне, Редж. Мне просто не хочется верить, что люди могут пасть так низко.

– Очень жаль, но это еще не самая худшая часть истории. Вы даже не представляете, насколько велика Солнечная система, какая она гигантская в длину, ширину и глубину. Триллион триллионов кубических миль... Аарон Логан три месяца летал на своем новеньком корабле в космосе, ища юпитерианские грузовые суда. Команда его волновалась все больше. Они привыкли к действиям. И у них начала мозга заходить за мозгу от вынужденного бездействия. В один прекрасный день они взбунтовались и напали на марсианский корабль. Они так и не встретили ни одно юпитерианское судно, поэтому решили разграбить марсианское. На следующей неделе они совершили налет на тихоходный венерианский корабль. По всей Системе пошла молва, что в космосе орудует пират по имени Аарон Логан. За пиратами стали охотиться полицейские крейсеры. На сей раз Аарон Логан действовал по своей воле, так как хотел спасти свою шкуру. Он отбился от полиции, после чего стало уже неважно, что он сделает дальше. И он стал пиратом – свободным пиратом, нападавшим на любые корабли, которые засекут его датчики. Награбленное он продавал и, верный договору, пятьдесят процентов прибыли посыпал Филу Хадсону. Три недели назад, когда Аарон Логан был схвачен, Фил Хадсон бросил его в одиночную камеру и запретил входить к нему кому бы то ни было. Но я полицейский. С помощью маленького обмана мне удалось добраться до камеры Аарона и поговорить с

ним. Узнав все это, я проверил сведения по другим каналом. Все сошлось. Конец.

— И что вы сделаете, когда схватите Аарона? — спросила Элиза.

— А что я могу сделать? — нахмурился Редж. — Ничего. Я присягал ПККВ. Я должен подчиняться приказам своих командиров. Я отвезу Аарона Хадсону — и пусть начнут вращаться жернова закона, как могут... или как позволит им Хадсон. Это уже выходит за рамки моей юрисдикции. — Он неопределенно шевельнул пальцами, затем усмехнулся и легонько приподнял ей подбородок. — Выше голову, детка. Улыбнитесь. Вы же супергеолог. Сейчас мы снизимся, чтобы вы могли бегло осмотреть район водяных смерчей.

— Минутку, — быстро сказала она. — А как насчет Аарона Логана?

— Это уж мое дело. А водяные смерчи — ваше. Поэтому, детка. На какое-то время наши пути разойдутся. И больше ни слова! — Повысил он голос, когда она попыталась что-то сказать в ответ.

Элиза опустилась в кресло с открытым от удивления ртом.

— Но, Редж.. — слабым голосом начала было она, но тут корабль резко пошел вниз, и Редж Мейсон бросил на нее успокаивающий взгляд.

Область водяных смерчей с воздуха напоминала болото. В действительности же это была изрытая ямами и выемками, плоская равнина грязи, окаймленная горными цепями. Она начала высыхать пятнадцать лет назад, со временем образования здесь водяных смерчей.

Редж Мейсон посадил шарообразный крейсер, держа его в равновесии на столбе пламени из дюз. Затем встал и бросил Элизе Мейнард скафандр, который достал из медицинского отсека. Она испуганно стала натягивать его поверх одежды. Затем он решительно открыл воздушный шлюз и спокойно, но твердо пихнул девушку внутрь. И тут она взорвалась.

— Не пойду! — выкрикнула она. — Редж Мейсон, вы не можете оставить меня здесь в полном одиночестве!..

— По соседству нет ни единого живого существа, — серьезно прервал ее Редж. — Идите наружу. И помните, вы сами напросились на это. Этого требуют все правила и инструкции. К тому времени, как я вернусь с Аароном Логаном — а я вернусь, можете не сомневаться, — вы закончите свои дела, а я — свои. Мы ведь не хотим зря тратить время, верно? А теперь давайте, бегите подальше.

Через несколько минут он закрыл воздушный шлюз и прошел на место пилота. На экране он увидел ее, печально стоявшую возле корабля. Она не могла его увидеть, но все же без всякого энтузиазма махнула рукой и побрела прочь. Подождав, пока она отойдет, Редж

"There—look at Aarn Logan!" Reggie told Eline

включил двигатели и с нарастающей скоростью послал корабль в облака.

Пролетев над горами, он нашел пустую площадку с каменистой почвой и посадил на нее корабль. Теперь он находился в сотне футов от края утеса, где на тридцать футов ниже было укрытие Аарона.

Плато высоко вздымалось над джунглями, так что Реджу не нужен был скафандр, поскольку воздух тут был вполне пригоден для дыхания. Однако, здесь было холодно, так что он надел рабочий комбинезон с заранее наполненным нагрудным патронташем, и взял с собой излучатель Хамптона.

Затем Редж направился к краю утеса, неся в руке двухсотфутовую бобину прочной веревки. Добравшись до обрыва, он леж на землю и глянул вниз. Корабль Аарона стоял как раз под ним с открытым люком. Редж закрепил один конец веревки на вбитой в землю металлической скобе, и стал спускаться.

Добравшись до уступа, он даже не потрудился красться. А спокойно вошел в корабль, шаркая ногами по металлическому пандусу и чувствуя доносящийся из камбуза запах кофе. Затем он достал излучатель из кобуры.

КОГДА РЕДЖ вошел в камбуз, сидящий за маленьkim столиком человек поднял взъерошенную голову и уставился сначала на Реджа, затем на оружие в его руке.

— Я сдаюсь, коп, — хрипло сказал он. — Тебе не придется драться со мной. А может, сначала ты хочешь чашечку кофе?

— Нет, Аарон, — спокойно ответил Редж. — Нам лучше сразу идти.

— Хорошо, пойдем. Я пойду с тобой добровольно и честно признаюсь во всем. Может, тогда эта крыса Хадсон получит все, что ему причитается а?

Он умоляюще уставился на Реджа налитыми кровью глазами.

— Аарон, — решительно сказал Редж, — я не могу вам ничего обещать. Так вы сдаетесь или нет?

— Сдаюсь, сдаюсь, не волнуйся, Мейсон, — прогрохотал Аарон, пытаясь скривить в усмешке красные губы, но преуспев лишь в том, что скривил гримасу, поскольку лицо его заросло грязной бородой, в которой были видные лишь черные от жевательного табака зубы.

Он вытер рот тыльной стороной волосатой руки, помакнув в блюдце, из которого пил горячий кофе, распущенный рукав рубашки. Аарон был низеньkim толстячком, и в расстегнутой рубашке виднелась волосатая, точно овца, грудь. Он заметил, как смотрит на него Редж, и безнадежно махнул рукой.

— Со мной много чего происходило, юноша, — угрюмо сказал он, — так что теперь меня ничего не волнует. Это же не жизнь — торчать на вершине горы. Да и жизнь в космосе — не для меня. Я неплохой человек. Я простой бедняк-датчанин, который мечтал купить ранчо. Ну, так мы пойдем, а?

Он встал с тяжелым вздохом и, отпыхиваясь, с трудом натянул на себя комбинезон, оставив открытой лишь голову.

— Возьмите с собой скафандр, Аарон, — скомандовал Редж.

На борту у него оставался лишь один — другой был на Элизе.

Аарон Логан перекинул легкий скафандр через руку и пошел впереди. У маленького машинного отделения он на секунду остановился, глянул внутрь, словно что-то увидел в глубине помещения, затем пожал плечами.

Снаружи он увидел свисающую с утеса веревку и отрицательно помотал головой.

— Лучше мы пойдем вокруг, Мэйсон.

Он схватил веревку и дернул ее так, что она пошла волнами вдоль обрыва, и верхний конец, развязавшись, упал к его ногам. Аарон ловко обмотал веревку вокруг своей левой руки и снова пошел вперед, сопровождаемый Мейсоном, вдоль обрыва. Через пятнадцать минут они добрались до полицейского крейсера. Внутри Аарон был посажен в удобное кресло в рубке управления, но прикован наручниками к стальному поручню. Там он и сидел, мрачно и недовольно глядя вокруг выразительными, налитыми кровью глазами.

Редж не спешил взлетать. По инструкции, он должен был завершить миссию как можно быстрее, но в данном случае чувствовал, что небольшое промедление успокоительно подействует на его душу. Одним только звездам известно, протянет ли Аарон в тюрьме Хадсона больше одной ночи. Редж хмуро выкурил две сигареты подряд. Ладно, у Элизы было полтора часа, чтобы осмотреть район водяных смерчей. Он повернулся к пульту управления и включил двигатели.

Откинувшись на спинку кресла, Редж небрежно вел корабль, положив руку на U-образный пульт. Но секунду спустя усталость мигом слетела с него. Потому что корабль ощутимо тряхнуло, и он резко пошел вниз, к высокогорному плато. Вскричав, Редж врубил вспомогательные двигатели, но они не заработали.

Он понятия не имел, что произошло. Было похоже, что что-то ударило по кораблю снаружи. Судно падало на плато кормой вниз. Прошла секунда, прежде чем безумно пляшущие на пульте пальцы Реджа нажали нужные кнопки, и корабль полетел по касательной к краю утеса. Потом снова направился вниз, когда до области водяных смерчей оставалась еще целая миля. Редж снова восстановил контроль над кораблем, но корабль продолжал снижаться, то и дело рыская по сторонам.

Пот заливал искаженное лицо, пока Редж безумно воевал с кнопками на пульте управления. Было похоже, что половины дюз корабля просто не существует.

Аарон Логан все это время дергал цепочку наручников и хрипло кричал, но только теперь Редж услышал его.

— Это крыса Хадсон! Это он сделал это, Мейсон! Он знает, что я знаю, и знает, что ты тоже знаешь! Я заметил на экране его корабль!

У Реджа не было времени разглядывать экран, он лишь бросал на него мимолетные взгляды, чтобы оценивать расстояние до земли. Слева он увидел всего лишь в сотне футов обрыв. В любую секунду корабль мог врезаться в утес, тогда будет конец. Плохо было то, что каждый раз, когда корабль нырял в сторону, Реджу приходилось вновь нажимать кнопки, чтобы учесть направления курса. Но все же ему удалось провести корабль над плато и посадить его подальше от стены обрыва. Судно замерло, затем скатилось на основание, но тут же накренилось вправо.

Редж встал с кресла на дрожащие ноги и нетвердым шагом прошел через рубку. Они приземлились как раз в районе водяных смерчей. Элиза должна быть где-то поблизости. Он схватился за поручень, чтобы сохранить равновесие, и попытался все обдумать. Хадсон! Разумеется, это сделал Хадсон!

— Мейсон! — раздался позади голос Аарона Логана. — Быстрее! Хадсон сейчас прилетит!

И он в беспомощном гневе зазвенел цепочкой наручников.

Редж понял его намек и пошел к пульту управления, над которым висела кобура с излучателем Хамптона. Но прежде чем он успел дойти на дрожащих ногах, позади хлопнула дверь воздушного шлюза.

— Я бы не стал этого делать, Мейсон! — рявкнул знакомый голос.

— Лучше поднимите вверх руки!

Редж потянулся было за оружием, но передумал форсировать события и повернулся, горько вздохнув.

Никто и не сомневался, что у человека, державшего за удобную рукоятку излучатель, которым были вооружены все офицеры ПККВ, были личные мотивы открыть стрельбу, если Мейсон вздумает сопротивляться. Теперь Редж все понял. Хадсон выжидал, скрываясь в низких облаках, пока Редж Мейсон поднимет корабль с плато. Затем он направил корабль прямо за ним и носом ударил по корме, разбив половину реактивных дюз. Потом снова стал ждать, пока Редж посадит поврежденный крейсер. Затем подлетел к нему, надеясь, что Мейсону будет не до обзора окрестностей. Хадсон

знал, комбинацию цифрового замка, отпирающего воздушный шлюз, и проник внутрь прежде, чем Редж успел пересечь рубку. Дальнейшие его намерения были более чем очевидны.

ГЛАВА IV. Небесная ловушка.

С написанной на лице горечью Редж Мейсон взглянул в глаза своего командира.

— Итак, вы решили, что не можете довести дело до суда, действующего по закону, капитан Хадсон, — сказал он. — Слишком уж много мы оба знаем.

Аарон Логан со всех сил дергал цепочку наручников, глядя на Хадсона диким взглядом.

Левой рукой Хадсон расстегнул крепления и снял шлем. Волосы его были растрепанные и мокрые от пота. Он пытался держать себя в руках, но все равно не мог скрыть свое беспокойство.

— Не говорите так, Мейсон, — хрюкло пробормотал он. — Вы не знаете, через какие психические муки я прошел. Я же не убийца. Я просто борюсь за свою жизнь. С вами обоими все будет в порядке. Я и не собирался причинить вам вред.

— Ну как же, не собирался, — высунулся Аарон Логан, уставившись на Хадсона ужасным яростным взглядом разбуженного датчанина из-под кустистых бровей. — Ты специально подстроил все так, чтобы застать нас здесь одних. Сначала ты построил мой побег. Потом послал на поимку меня Мейсона. А теперь убьешь нас обоих.

— Да не собираюсь я убивать вас! — дико взревел Хадсон. — Я завез на один из пролетающих неподалеку астероидов припасы, которых хватит вам обоим. И я собираюсь увезти вас туда.

— Редж!

Все трое замолчали. Глаза Реджа расширились, потому что это кричала Элиза. А секунду спустя корабль принялся подскакивать вверх-вниз, словно во время землетрясения. Затем все стихло. Сердца всех присутствующих бешено стучали. Затем заговорил Хадсон тоном человека, ошеломленного происходящим:

— Так здесь еще и Элиза, — беспомощно пробормотал он.

— Редж! Струя... кажется, я что-то увидела... — слабо прозвучал в их ушах ее голос.

Редж взглянул на экран, забыв об оружии Хадсона. И на мгновение он увидел Элизу, бегущую к кораблю. На мгновение, потому что в следующий миг корабль накренился, и Редж, полетев назад, врезался в Хадсона. Послышался рев, такой ужасный, точно столкнулись миры — рев землетрясения. Корабль завертелся вокруг

оси. Все незакрепленные предметы принялись бомбардировать Реджа. Затем он ощутил сильнейший удар, и лишился чувств, но перед этим успел обхватить руками стойку сломанного увлажнителя воздуха. Затем, уже совсем теряя сознание, он почувствовал, как его с силой вжимает в пол. Это корабль с потрясающей скоростью ринулся в небо...

— ЭЛИЗА, — едва слышно прошептал Редж.

— Забудьте об Элизе, — раздался в ответ тяжелый, напряженный голос, голос Хадсона. — Она была снаружи, когда струя смерча вырвалась на волю. Бедная девочка!

Элиза исчезла... мертва! Эта мучительная мысль закрутилась в голове Реджа. Она мертва, и впервые, словно в его сознании распахнулись какие-то заслонки, он понял, что любит ее, любит так, как не полюбит больше никого другого. И хуже всего то, что он даже не успел сказать ей об этом.

Прошло несколько секунд, прежде чем он снова заставил себя вернуться в окружающий мир. Редж устало открыл глаза. В рубке был полный бардак, и сама рубка оказалась перевернутой. Пульт управления находился на стене, а Аарон Логан лежал прикованный наручниками, к «полу». Редж лежал рядом с ним. Аарон тупо глядел на Реджа Мейсона.

— Струя смерча закрутила нас и бросила вверх, Мейсон. Я думаю, ты посадил корабль как раз на то место, где она вырвалась, — сказал он.

Редж с огромным трудом поднялся на ноги. Корабль беспорядочно плясал, то устремляясь вверх, то на секунду падая вниз, крутился при этом в разные стороны. Редж закусил губу, лицо его побледнело. На Венере наблюдалось немало водяных смерчей в милю высотой, а некоторые даже в полторы мили.

Хадсон сидел у противоположной «стены», все еще сжимая в руке излучатель, но рука безвольно лежала у него на коленях. Хадсон, казалось, был невредим, но лицо у него исказилось от боли. Редж поглядел на пульт управления, но Хадсон поморщился и покачал головой.

— Забудьте о нем. Я попытался работать с кнопками. Трансмиссия цела, но дюзы полны воды и, вероятно, треснули. Радио молчит, Вероятно, мы вне зоны связи.

— Почему вы не убираете излучатель? — хриплым голосом спросил Редж.

Хадсон пожал плечами и сунул излучатель в кобуру.

— Согласен с вами, — сказал он. — Теперь не время ссориться. Я бы хотел, чтобы вы отстегнула нашего друга Аарона.

— Я тебе не друг! — прорычал Аарон.

Редж наклонился, отстегнул наручники, и Аарон поднялся, с ненавистью глядя на Хадсона.

— Спокойно, — предупреждающее сказал Редж и, слегка усмехнувшись, шлепнул Логана по мясистой руке. — Мы должны действовать вместе, Аарон. Или вы хотите, чтобы мы так и прыгали в этой струе?

— А что мы можем сделать, Мейсон? — Аарон беспокойно повертел головой. — Мы бодро так поднялись вверх, но вниз опуститься не удастся. Корабль вращается, как планета. Он хорошо держится на струе, но если вырвется из нее, то будет лететь не лучше чугунной гири.

ААРОН БЫЛ, разумеется, прав. Редж вспомнил школьные опыты по физике с шариком, который держала в воздухе струя воды. Предмет неправильной формы выпадет из струи со скоростью самолета. А полицейский крейсер, явившийся по форме почти идеальным шаром, держался в струе в положении полного равновесия. Корабль словно лежал в водяной колыбели. Но на какой высоте от поверхности Венеры?

Редж вздрогнул и прикрыл глаза. На мгновение он снова увидел Элизу... но сейчас было не время думать о ней.

Через гул смерча пробился слабый голос Хадсона:

— Мы все в трудном положении и должны действовать сообща. Я подумал о продовольствии. У нас достаточно еды... Ну, ее хватит для нас троих на неделю. А потом мы начнем голодать. — Губы его задрожали, но он попытался сохранить невозмутимое выражение лица. — Такая струя может быть в течение многих недель... Некоторые держались даже месяцами. Если есть какой-либо способ вырваться из нее...

— То лучше побыстрее найти его, — мрачно закончил Редж. — Я с этим согласен.

Он повернул голову вверх, к воздушному шлюзу, единственному выходу из корабля. Прищурившись, он поразмыслил, а через пару секунд, прыгнул на выступ, затем на второй и повис на поручне как раз под шлюзом. Повернул колесо двери, и люк упал внутрь. На него тут же пролился настоящий дождь. В открытый люк был виден низкий облачный покров Венеры. Редж подтянулся и вполз в шлюз, а затем вылез наружу и сел на край люка на верхушке корабля. И действительно, в лицо ему дули порывы ветра.

Ну, это было завершающим доказательством. Лепестки воды, белые от пены, обладали потрясающей силой, так что корабль покоился в них, точно в чаше громадного рога изобилия. Из-за воды Редж не видел, что делается внизу под самым кораблем, но мельком увидел горы, окружающие область водяных смерчей на востоке. Затем он повернулся в другом направлении и задохнулся от изумления.

— Собака бешеная!.. — прошептал он с расширяющимися глазами.

На расстоянии всего лишь в ста пятидесяти, а иногда и в семидесяти пяти футов высился утес. А на утесе, на выступе как раз напротив вершины смерча, находился корабль Аарона! В груди Реджа затеплилась надежда. Такая удача казалась просто изумительной.

— Черт подери! — прошептал он. — Может, мы еще сумеем выкрутиться.

Он вернулся в корабль и рассказал о том, что увидел.

Пальцы Хадсона нервно зашевелились.

— Но чем это нам поможет?

— Я подумаю, — пробормотал Редж, отвернулся, прислонился к переборке и попытался думать.

Как же добраться до корабля Аарона?.. Но вместо этого в голову лезли мысли об Элизе.

— Ладно, — заявил Хадсон после долгого молчания. — Не столь уж важно, придумаем мы что-нибудь через минуту или через час. Еды нам с избытком хватит на неделю.

Редж резко повернулся к нему.

— Нужно немедленно все рассчитать, — рявкнул он и настойчиво ткнул пальцем вниз. — Под нами образовалось озеро. А в нем может плавать Элиза. Вероятно, она уже погибла, но есть все же шансы, что она жива. А раз так, то важна каждая секунда. У нее в скафандре нет еды, чтобы продержаться неделю. Не уподобляйтесь маленькому оловянному Будде, Хадсон, размышляя о вечности. На вас уже и так достаточно грехов, не добавляйте к ним еще один.

Тон его был уничтожающим, Редж разговаривал с офицером, которого больше не считал своим командиром.

Хадсон высокомерно выпрямился, так как это была единственная защита против объединенной ненависти двоих мужчин. Все на секунду застыли в живописных позах, потом сплюснутый сфероид, каким был корабль, подпрыгнул, взбрькнул, перекатился, уравновешиваясь на вершине водяной струи, и все были сбиты с ног.

—Погоди, Мейсон, —пророкотал Аарон Логан, когда все немного успокоилось. — Я придумал.

Он с трудом долез до воздушного шлюза и через несколько минут спустился обратно. Его налитые кровью глаза довольно блестели. Держась одной рукой, другой он запихал себе в нос хорошую понюшку голландского нюхательного табака.

—Мейсон, —медленно сказал он, прочихавшись, — я могу поймать свой корабль арканом.

—Что?.. — У Реджа даже перехватило дыхание, затем он медленно выдохнул и мрачно рассмеялся. — Держу пари, что сможете.

—Конечно, смогу, —вполне серьезно заявил Аарон и богатырски чихнул. — Водяная струя гнется и наклоняется в разные стороны, когда далеко отходя от утеса, а когда подходя совсем рядом. Когда мы окажемся рядом, я наброшу петлю на сопло носового двигателя. И у нас окажется мост, по которому мы переползем. Все просто. — Он взмахнул руками, показывая, насколько все это просто.

— Это займет час, может, два, —поспешно добавил он затем. — Все зависит от того, когда мне удастся сделать удачный бросок.

В ГЛАЗАХ ХАДСОНА появились заинтересованные огоньки, но он не стал вступать в обсуждение. Редж схватил мясистое плечо Аарона.

— Вы уверены, что у вас получится? — спросил он. — О, ерунда! — тут же возразил он сам себе. — По крайней мере, попытка — не пытка!

Он дрожал от волнения, пробираясь в медотсек. Там он нашел две катушки гибкого, тонкого, но прочного троса и кинул их Аарону. Тот поймал их. Редж с восхищением глядел, как ловко Аарон, лишь с помощью пальцев и перочинного ножа, соединяет оба троса вместе.

И, работая, Аарон кинул выразительный взгляд на Хадсона. Редж тут же понял его. Конечно. Он поглядел, чем занят Хадсон. Хадсон задумчиво кусал нижнюю губу. У него были несколько иные проблемы. Если они вернутся в Венус-Сити, Хадсону нужно как-то защититься от обвинений, которыми завалили бы его Мейсон и Аарон. Разумеется, Хадсон не мог позволить им вернуться.

Наконец, Аарон закончил. Он осмотрел свою работу и остался доволен. Затем с театральной печалью взглянул на Хадсона и бросил тросик на пол.

—Думаю, Хадсон, мне не стоит ловить арканом корабль, —заявил он. — Я единственный, кто сможет это сделать, но не буду. Уж лучше я буду торчать здесь и голодать.

Редж Мейсон держался от него в стороне. Хадсон уставился на Аарона Логана так, словно пират рехнулся.

— Что вы имеете в виду? — резко спросил он. —

Лицо Аарона стало мрачным. Он угрожающе шагнул к Хадсону.

— Ты знаешь, что я имею в виду, Хадсон! — загремел он. — Ты втянул меня в это дело, и теперь все считают меня пиратом. Ты и должен вытащить меня из этого деръма. Не думаешь же ты, что я вернусь в Венус-Сити и позволю тебе и дальше лгать про меня? Я хочу, чтобы ты прямо сейчас написал признание, которое снимет с меня все обвинения. Ты сделаешь это, Хадсон. Иначе мы будем торчать здесь, пока не сдохнем с голода.

Последовала минута молчания. Хадсон сверлил Аарона яростным взглядом. Редж Мейсон, кривя губы, наблюдал за обоими.

— Я думаю, он сделает это, Хадсон, — сказал, наконец, Редж. — И я поддерживаю его.

Хадсон стоял спиной к переборке, крепко схватившись обеими руками за металлический поручень.

— Вы просто пара глупцов, — насмешливо сказал он. — Думаете, я куплюсь на это? Я могу сидеть тут неделю, если хотите. К тому времени Элиза, наверняка, погибнет. И ее убьете вы оба.

Редж задрожал от душившего его гнева.

— Аарон, покажите этой крысе, что мы вполне серьезны, — сдавленным голосом сказал он. — Принесите сюда все запасы продовольствия. Мы выбросим их в люк.

Хадсон глумливо усмехнулся.

— Никогда вы этого не сделаете, — холодно заявил он.

Редж ничего не ответил. Аарон направился к складу. Редж внезапно выхватил свой излучатель Хамптона, так и висевший в кобуре над пультом, и направил его на Хадсона.

— Чтобы все было по-честному Хадсон, — сказал он.

Аарон принес всю еду плоть до последней банки кофе, и, взвалив на плечо коробку, медленно полез в воздушный шлюз. При этом он широко усмехался. Хадсон глядел на него с возрастающим беспокойством.

— Погодите минутку, — наконец, не выдержал он. — Вы сами не знаете, что творите. А что, если Логану не удастся его трюк с арканом?

— Значит, не удастся, — спокойно ответил Редж. — Давайте, Аарон!

Хадсон облизнул пересохшие губы, глядя, как Логан протискивается в шлюз вслед за коробкой.

— Как видите, в отличие от вас, у нас есть веские причины рискнуть голодовкой, — холодно сказал Редж. — Даже если мы все вернемся в Венус-Сити, вы еще сумеете выкрутиться, посадив нас обоих под замок. А то и чего похуже.

Аарон спустился за второй, и последней, коробкой. И тут Хадсон протянул к нему руку.

— Остановитесь, Логан, — сдавленно сказал он.

Аарон вопросительно взглянул на него. Рука Хадсона дрожала.

— Я напишу вам признание.

Аарон поставил коробку на пол.

— Это хорошо, — хрипло пробасил он. — Мейсон, ты продиктуешь ему, верно?

Редж расслабился и дрожащей рукой сунул в кобуру излучатель.

— Верно... — проговорил он.

ГЛАВА V. СПУСК!

ЧАС СПУСТЯ, когда Редж направил Аарона в воздушный шлюз, в кармане у того был подробный, подписанный Хадсоном документ, в котором говорилось, кто на самом деле виновен за пиратские действия Логана. Редж не сомневался в том, почему Хадсон с такой готовностью подписал признание.

Прежде всего, Хадсон наконец-то понял, что Редж и Аарн всерьез говорили о голодной смерти. А то, что они собирались выбросить запасы продовольствия, ускорило бы все дело. Во-вторых, Редж подозревал, что Хадсон лелеет слабую надежду, что, пока они внизу ищут Элизу или ее тело, он сумеет как-то снова захватить власть в свои руки. Что же касается Элизы, то Редж не думал, что она сумела остаться в живых. Скорее всего, ее тоже подхватила струя водяного смерча и разбила о корабль.

Вздохнув, он бросил катушки с тросиком Аарону. Элиза, ее тонкие шпильки, ее сарказм, подколы и прочие женские штучки... он не мог поверить, что всего этого не будет уже никогда. Она даже не успела бы провести исследование смерча прежде, чем тот убил ее.

Аарон Логан высунулся из шлюзового люка наружу, лишь закрепившись в нем ногами. Смерч напоминал чашу цветка на длинном стебле, и эта чаша медленно описывала круги, в зависимости от ветра и от неравномерного напора струи. И временами чаша проходила всего лишь в семидесяти пяти футах от утеса. Последовали два часа проб и ошибок, когда Аарон, выбирая подходящий момент, бросал петлю.

Неоднократно потерпел неудачу, он уже стал что-то злобно бормотать себе в бороду. Затем стоящий внизу Редж услышал, как Аарон торжествующе взревел, и тут же стал вытравливать тросик, чтобы корабль мог свободно перемещаться на нем, как воздушный шарик на ниточке во время ветра.

Аарон вылез из шлюза с довольной улыбкой, раздвинувшей бороду.

— Я сделал это! — заревел он, облизывая мокрые от воды усы, и тут же взгляд его, вспыхнув, остановился на Хадсоне. — Хадсон... ты пойдешь первым.

Хадсон заморгал. Редж тоже был в замешательстве.

— Нет, сначала нужно отправиться вам, Аарон, — сказал он.

Аарон отпихнул Реджа с дороги и угрожающе выпятил грудь.

— Послушайте, вы оба! — проревел он с потемневшим лицом. — Я сделал мост. Поэтому я тут приказываю! Сначала пойдешь ты, Хадсон! А я погляжу на это представление!

Редж Мейсон посмотрел на Аарона, пытаясь предугадать, что тот задумал.

— Ладно, Хадсон, — сказал он. — Я согласен. Но сначала я приму кое-какие предосторожности.

И он быстро избавил Хадсона от излучателя.

— Так, на всякий случай. — добавил он, отходя в сторону.

Хадсон кинул на него неприязненный взгляд, затем полез в шлюз. Редж последовал за ним и глядел, как Хадсон обернув ногу тросом, стал медленно, точно большой ленивец, толкать руками и скользить по нему.

Хадсон прополз уже полпути, когда трос перекосился, потому что смерч подошел ближе к утесу. И Хадсон повис на высоте двух миль над верной гибелью. Затем цветок из воды нагнулся в другую сторону, и тросик натянулся. Хадсон пополз дальше. Редж внутренне приготовился последовать за ним.

Но тут из люка выглянул Аарон и проревел сквозь шум воды и ветра:

— Оставайся на месте! Крыса этот Хадсон!

— А что такое?

Аарон ухватил Реджа за колено. Что-то появилось в его горящих глазах, что заставило Реджа выхватить излучатель из кобуры. Он смотрел, как Хадсон достиг края утеса и был прижат ветром к кораблю. Потянулся и ухватился там за что-то, а потом свободной рукой потянулся к тросику. Охваченный гневом, Редж чуть было не выпрыгнул из люка.

— Крыса! — завопил он. — Он собирается перерезать трос!

ТАК ОНО и было. В руке Хадсона что-то блеснуло, он стал водить по тросику. Нож!.. Еще секунда — и освобожденный тросик принялся болтаться на ветру.

Редж пару раз выстрелил, но при таком ветре трудно было попасть в цель. Хадсон тут же скрылся по другую сторону корабля. Спасительного моста больше не было.

Редж Мейсон не слышал, что кричал ему Аарон. Он понятия не имел, сколько времени стрелял по уступу, на котором стоял корабль. Вероломство Хадсона, который оставил их умирать с голоду, буквально свело его с ума, и Редж даже забыл, что это Аарон совершил невероятную глупость, настояв, чтобы первым полез Хадсон. Потом Редж Мейсон подумал, что, должно быть, он умер, потому что услышал голос с того света, зовущий его по имени.

— Редж! — снова послышался сквозь вой ветра тонкий крик.

Это был голос Элизы!

Безумная, невозможная надежда внезапно вспыхнула в нем. И Редж вылез из люка на корпус корабля, задыхаясь от слез и окатывающей его воды из смерча. Он полез по корпусу, хватаясь, за что придется, и, не обращая внимания на ветер, который старался оторвать его от корабля. И наконец, схватившись за какую-то прочную трубу, возле коротких сопел корректирующего двигателя, скосил глаза и увидел Элизу, висящую на обеих руках на сопле главной дюзы. Струи пенистой воды то и дело окатывали ее, стремясь оторвать от корабля.

Редж потянулся к ней и схватил сильной рукой за запястье. Тогда Элиза разжала руки, и Редж пополз обратно к люку, где как следует зацепился свободной рукой, и лежал, прижавшись к корпусу корабля, задыхаясь, видя лишь плывущие перед глазами красные круги. Затем очередной толчок корабля помог ему, и Редж, воспользовавшись моментом, качнул висящую на его руке Элизу и буквально забросил ее в люк.

Аарон был уже наготове и подхватил тело девушки. Затем и Редж спрыгнул в шлюз и рухнул на палубу, задыхаясь, всхлипывая от боли в мышцах, совершив такое поистине Гераклово усилие.

Через полчаса Элиза пришла в себя. Она лежала на койке, с суровым, белым лицом, глядя с тревогой на сидевшего рядом Реджа Мейсона.

— Вы думали, что я погибла? — прошептала она. — Нет, Редж. Смерч подхватил меня и поднял вместе с кораблем. Меня спас скафандр. Затем я сориентировалась и сумела втиснуться в

выемку между двумя соплами. Струи воды били в меня, помогая удерживаться там.

— Вам крупно повезло, — сказал ей Аарон.

При воспоминаниях о прошедшем ее лицо передернулось.

— Иногда ветер или струи воды переворачивали корабль, — продолжала она. — Тогда мне приходилось висеть на сопле. А потом корабль снова поворачивался, и струи воды почти что выбивали из меня жизнь. Я не знала, сколько сумею так продержаться, поэтому, когда корабль наклонился в очередной раз, я рискнула и поползла вдоль сопла, и... и... О, Редж!

ПОЗЖЕ, КОГДА они уже сидели на камбузе и пили сваренный Аароном крепкий кофе, Редж рассказал ей всю историю. О Хадсоне, катастрофе и о том, как Хадсон бросил их здесь умирать от голода.

Элиза успокаивающе пожала ему руку.

— Выходит, я спаслась только чтобы голодать вместе с вами? — почти весело спросила она.

— Нет! — взревел Аарон и, стукнув кулаком по столу, изрыгнул длинную серию ругательств. — Мы не помрем с голоду! Майсон, ты же не думаешь, что я свалял дурака, наставя, чтобы эта крыса Хадсон лез первым? А? Нет! Это была хорошая идея. Вот посмотришь. Но сначала мы выберемся из этой ловушки. Я покажу, как. Вы оба в игре? — И он уставился на них горящими глазами.

Элиза содрогнулась, но сказала:

— Я доверяю вам, Аарон. Все, что угодно, только бы изменить наше положение.

— Я тоже... наверное, — нерешительно согласился Редж.

— Прекрасно! Тогда я покажу вам, как. Мы просто затопим корабль. Заполним его водой, и он спустится вниз!

Час спустя они уже были готовы, надели скафандр, пристегнули шлемы и принялись за дело. Редж понял план Аарона. Добравшись до пульта управления, находящегося теперь на потолке и закрепившись в кресле, он открыл все дюзы и ремонтные лючки на корабле, через которые тут же внутрь хлынула вода. Через несколько минут она уже весело журчала, покрыв лодыжки Элизы и Аарона, затем их колени, затем бедра...

— Корабль уже упускается, черт побери! — усмехнулся Аарон. — Он стал гораздо тяжелее, и струя смерча не в силах удерживать его. Мы спускаемся внутри смерча, точно по шахте лифта.

— Верно, — подтвердил сверху Редж и тут же перехватил язвительный взгляд Элизы, словно говорящий, что он, так хорошо разбирающийся в инструкциях, неважко разбирается в кораблях. —

Струи воды давят на нас с боков, – пояснил он, чтобы доказать, что она не права, – потому что по краям они движутся медленнее, чем в центре. А чем медленнее поток воды – или воздуха, это неважно, – тем большее давление он оказывает. Но главная опасность в том, что став тяжелее, корабль может прорвать водянную стенку и выпасть наружу.

К этому времени вода накрыла Аарона и Элизу с головой. Тогда они нажали клапаны по бокам скафандром – космические скафандры были не хуже, или даже лучше, водолазных костюмов, – и они тут же раздулись. И всплыли наверх. Когда вода добралась и до Реджа, он тоже закрыл клапан и всплыл вместе с остальными к верхней части корабля, где образовался воздушный карман.

– Корабль быстро идет вниз, – хрипло сказал Аарон.

Вода вокруг них пузырилась и волновалась, то нахлынув, то откатившись назад. Значит, корабль болтало из стороны в сторону. Это было плохо! Судно словно пыталось пробить водянную стенку смерча с разгона.

Редж ощутил приближение катастрофы, прежде чем она произошла.

– Держитесь! – завопил он.

Все вокруг завертелось. Шарообразный корабль покатился кубарем, и внутри него и Редж с остальными. Наступило такое ощущение, словно их выбросило из катапульты и они летят теперь по дуге в небо. Потом корабль обо что-то ударился, замер, снова ударился и затих.

Редж поплыл по кругу в полной темноте. Затем нашупал руку Элизы. Потянул девушку за собой. Добравшись до люка воздушного шлюза, увидел перед собой Аарона. Вместе они с трудом провернули колесо, и люк распахнулся. Три фигуры в скафандрах плюхнулись в озеро глубиной в двадцать футов, которое создал смерч. Потом вынырнули на поверхность.

Вокруг глухо шлепали «дождинки» размером в целую кварту. Столб водяного смерча был на расстоянии мили отсюда и поворачивался так неторопливо, что казался колонной из белого камня. Его вершина издалека казалась острой, как игла.

– Ну, думаю, теперь я могу написать статью, – сказала, держась на плаву, Элиза.

– Если мы когда-нибудь вернемся к цивилизации, – добавил Редж.

Аарон Логан был занят, осматривая покрытый туманом берег озера. Потом принял громко плескаться, в волнении размахивая руками.

— Туда! Туда! Смотрите! Корабль Хадсона. Он приземлился на автопилоте.

Он не ошибся. Редж тоже с интересом стал разглядывать неясный силуэт в миле отсюда. Прекрасно. Это давало им путь к спасению. Но оставались еще нерешенными другие проблемы... Большие проблемы.

— Хадсон, — сказал Редж, — Сейчас уже летит в Венус-Сити на вашем корабле, Аарон. Он будет нас ждать, а дождавшись, поднимет тревогу, и нас просто расстреляют на подходе.

Аарон принял было что-то возражать, но его перебил донесшийся с неба гул корабельных двигателей. Элиза тоже услышала его и повернулась в воде лицом вверх.

— Вон там! — закричала она. — Это Фил! Редж... это... Фил!

Аарон Логан, проследив за пальцем Элизы, разразился проклятиями. Редж тоже увидел крошечный корабль Аарона. Крошечный? Нет, он стремительно рос в размерах. Он резко спускался прямо на них.

— Что... Что он задумал, — прерывающимся голосом прошептала Элиза.

— Не трудно догадаться, — ответил Редж. — Наверное, он видел, как наш корабль вышвырнуло из смерча. Наблюдал, очевидно, с края утеса. А теперь нашел нас с помощью фотообъектива.

Аарон тоже перевернулся в воде и смерил взглядом снижающийся корабль.

— Теперь Хадсон наверняка расстреляет нас, — печально сказал он.

Было ясно, что в плане Аарона что-то пошло совсем не так, как предполагалось. Редж хмуро взглянул на стоящий на берегу корабль Хадсона. Если бы они добрались до него, у них появился бы шанс выжить.

— А может, мы сумеем спуститься на дно озера, — тихо предложила Элиза.

— Нам не хватит времени, чтобы выкачать из скафандров воздух, — хрипло ответил Редж.

У них ни на что не хватило бы времени. Корабль Хадсона спускался стремительно и отвесно, словно его спускали на тросе. Гул двигателей заглушил даже барабанную дробь падающих «дождинок». В последний момент Редж бросился на Элизу в безумной попытке прикрыть ее своим телом. Одновременно он краем глаза увидел, как Аарон пытается сесть в воде, грозя вверх кулаками, и услышал его бешеные проклятия.

Корабль Хадсона внезапно накренился, падение по отвесной превратилось в спуск по очень крутой дуге. Редж увидел на носу однодюймовый пулемет Греббела, плюющий огнем. На поверхности озера возникли цепочки фонтанчиков, на расстоянии двадцати футов друг от друга, направляющихся прямо к ним.

— Ныряйте! — зачем-то закричал Хадсон.

Это было бы бессмысленно, потому что в таком мелком озере им некуда было нырнуть. Он погрузил лицо в воду.

И сразу же раздался удар, как будто раскололась вся планета — взрыв был такой силы, что Реджа подняло в воздух, он описал тридцатифутовую дугу и рухнул обратно в озеро. Дико выскочил на поверхность, думая об Элизе.

Завертел головой...

И то, что увидел, заставило его заморгать.

Корабль Хадсона превратился в разбухающий огненный шар из скрученных и изорванных кусков металла. Пару секунд он видел в воздухе, расколотый на десятки кусков. Затем раздался второй взрыв. Обломки, как снаряды, со свистом полетели во все стороны, и Редж невольно попытался свернуться клубком, чтобы занять как можно меньше места.

Но почти сразу же он распрямился. И услышал дикий, торжествующий рев Аарона, увидел, как Элиза ошарашенно плавает вокруг них. От корабля Хадсона осталось лишь облако дыма, вяло рассеивающееся в воздухе. Корабля больше не было, не было и Хадсона. Редж подплыл к Элизе, взял ее за руку, но горло у него перехватило, и почти целую минуту он не мог ничего сказать.

— Что... что случилось? — выдавил он, наконец, обращаясь к Аарону, который, громко шлепая, подплыл к ним.

Бороду Аарона раздвинула широкая улыбка.

— Вот видишь? — заорал он. — Я никогда не делаю глупостей, что бы ты там ни думал, Мейсон! Разумеется, я заставил Хадсона первым полезть по тросу. Я надеялся, что он перережет его, отрезав нам дорогу к спасению. Так он думал, глупый Хадсон!

Аарон скорчил такой выражение лица, словно хотел с отвращением плюнуть, но в шлеме это было бы не полезно.

— Хадсон устроил мне побег, но подготовил при этом корабль, который с трудом смог бы пролететь лишь несколько сотен миль, — продолжал он. — Хадсон знал, что я не смогу покинуть Венеру, Мейсон, и я тоже знал это. Поэтому я посадил корабль на край утеса и занялся тем, что высушил все жидкое топливо, сделав его твердым! — торжествующе воскликнул он.

Редж присвистнул. Жидкое топливо поступает в камеры сгорания равномерно, твердое же станет падать туда кусками, и как только искра зажигания воспламенит первый кусок, все остальные тут же сдетонируют.

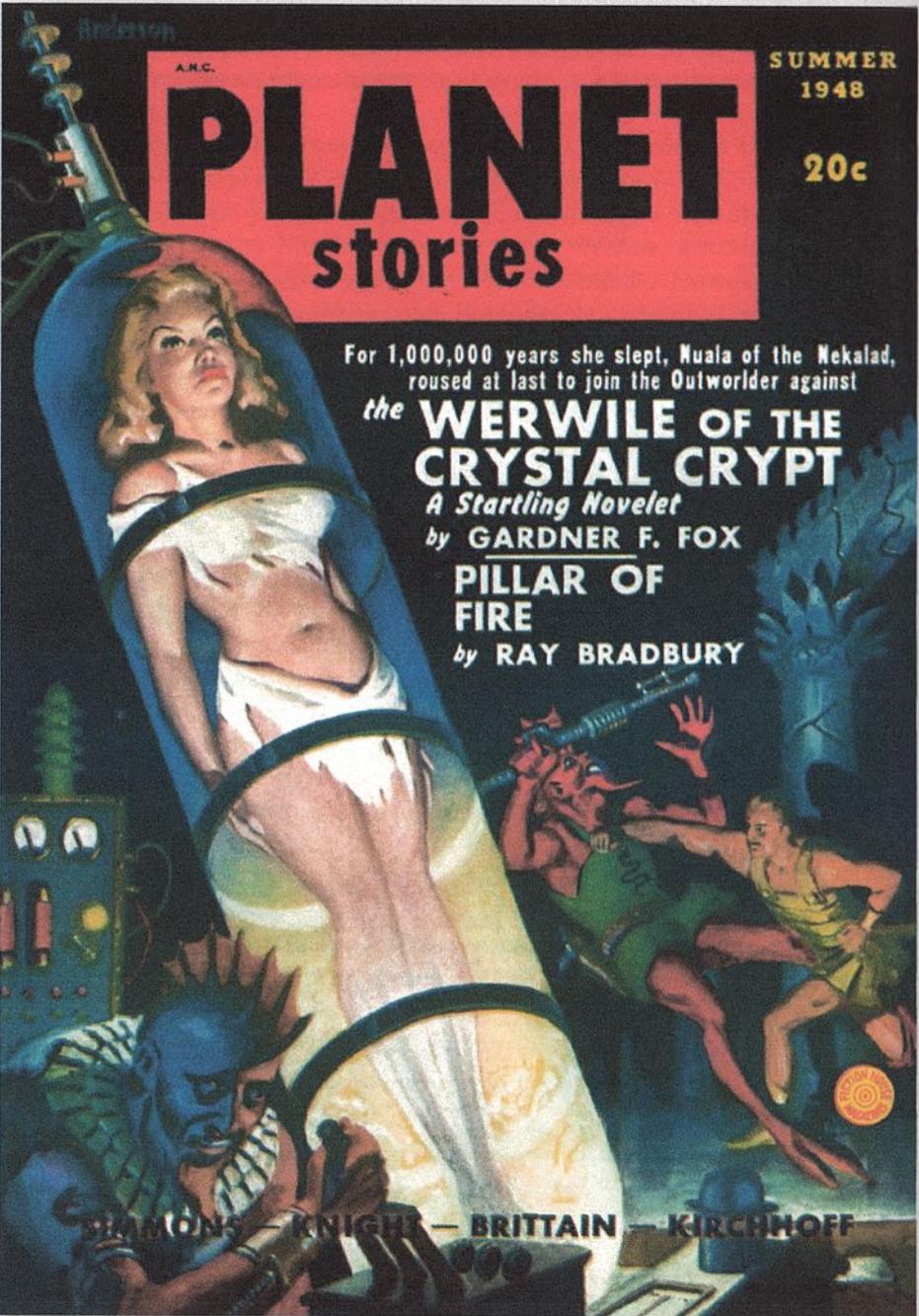
— Я подумал, — продолжал Аарон, — что, возможно, Хадсон лично прилетит за мной, Мейсон, — продолжал Логан. — Поэтому, на всякий случай, установил детонатор, связанный с топливными баками. Как только Хадсон появился бы в корабле, я нажал бы кнопку, и мы оба бы умерли. Быстро и безболезненно. Но появился ты, Мейсон, а это уже другое дело. Я ничего не имел против тебя, так что погодил умирать. Когда Хадсон поднял корабль с утеса, взлетел он на оставшемся в дюзах жидким топливом. Но потом жидкое топливо кончилось, и сухое взорвалось. Мне кажется, нам не следует больше волноваться о Хадсоне, а?

— Еще бы секунд десять, и нам вообще больше не о чем было бы волноваться, — сдавленно отозвался Редж. — Но это была хорошая шутка. — И он ткнул Логана кулаком в плечо. — Аарон, мы передадим властям письменное признание Хадсона. Вы получите, самое большое, пару лет — а может, вас вообще просто отпустят. Но как бы там ни сложилось, ваше имя будет очищено от клеветы. И мне тоже станет легче. — Он перевернулся в воде к Элизе и улыбнулся ей. — Но прежде, чем ты напишешь свою научную статью, детка, мне хотелось бы обсудить с тобой несколько иной документ. Разрешение на брак. Есть ли шанс... — голос его внезапно дрогнул и прервался, — ...шанс для человека, который однажды уже чуть было не потерял тебя?

— Ты же знаешь, что есть, Редж, — спокойно ответила девушка. — И всегда был.

И она торопливо поплыла к берегу. А оба мужчины последовали за ней к ждущему на берегу кораблю.

(Thrilling Wonder Stories, 1945, Spring)

Anderson

A.N.C.

SUMMER
1948

20c

PLANET stories

For 1,000,000 years she slept, Nuala of the Nekalad,
roused at last to join the Outworlder against

the WERWILE OF THE CRYSTAL CRYPT

A Startling Novelet

by GARDNER F. FOX

PILLAR OF FIRE

by RAY BRADBURY

SIMMONS — KNIGHT — BRITAIN — KIRCHHOFF

Fiction
magazine

ДЕЙМОН НАЙТ

ТРЕТИЙ МАЛЕНЬКИЙ ЗЕЛЕНЫЙ ЧЕЛОВЕК

ШУМЕЙКЕР СИДЕЛ в открытом грузовом люке корабля и уныло глядел на красивый, бледно-сине-зеленый пейзаж, разделенный тянувшейся внизу призрачной береговой линией. Море было немного зеленее, а земля чуть синее, иначе между ними не было бы никакой разницы. Время от времени с моря доносились легкие порывы бриза, и тогда серная вонь сменялась рыбной вонью.

Венера, подумал Шумейкер, настоящий очаг эпидемии. Если бы он знал, на что она похожа, то дал бы старому Дэйвису в глаз, когда тот приехал к нему со своими проклятыми планами.

А затем напился бы до поросьячего визга, празднуя свое спасение.

Напился... *Парень, да ты и так был пьян прошлой ночью. Как каждую ночь, не считая того ужасного периода, когда они обнаружили его тайник, И прошло целых три дня, прежде чем он сумел запереться в машинном отделении и перегнать еще большие спиртного.* Подумав об этом, Шумейкер вздрогнул. Лучше начать пораньше, пока еще не вернулись остальные.

Шумейкер поднялся и ушел в душную жару, царившую внутри корабля. Здесь не было никакой системы охлаждения, и это была лишь она из вещей, о которых он не подумал заранее. Но когда он слушал Дэйвиса и Барфорда, Венера представлялась ему типа магометанского рая, полного гранатовых деревьев и доступных женщин. Ни слова тогда не было сказано о жаре или вони.

Он прошел узким коридором, вошел в маленький отсек и остановился перед покрытой заплатами переборкой. Корабль практически весь состоял из заплат, и эта переборка ничем, казалось, не отличалась от остальных. Хотя на самом деле это только казалось.

Шумейкер сунул ноготь под металлическую полоску заплаты и потянул. Она приподнялась, и палец полностью ушел внутрь. Полоска держалась лишь на клею. Он оторвал ее и отложил в сторонку. А за ней, в нише, откуда был удален пластиковый наполнитель, были сложены бутылки с бесцветной жидкостью. Он достал одну бутылку и сунул ее в задний карман. Затем поднял лист металлический заплаты и, держа его в одной руке, другой

достал тюбик из толстой фольги. Тайник в стенке был его личным открытием, так же, как фальшивый припой, который ничем не отличался орт настоящего, за одним лишь исключением, что держал некрепко, и заплату можно было легко оторвать. А потом также легко поставить на место. Шумейкер покрыл тонким слоем края дыры, приложил к ней металлический лист и подождал несколько секунд, пока схватится клей, а затем отошел на пару шагов и критически осмотрел свою работу. Прекрасно!

Бутылка в кармане неприятно грела его и так потную от жары задницу. Ну, это исправимо. Шумейкер спустился по коридору в соседний отсек, где стоял резервуар с кислородом, немного приоткрыл краник и подставил бутылку под струйку охлажденного газа. Через минуту жидкость в бутылке стала холодной.

Шумейкер при этом вспотел еще больше. Тяжело дыша, он вернулся к открытому люку и сел на порог.

Привалившись своей широкой спиной к кромке проема, он сунул горлышко бутылки в свои жаждущие губы и, запрокинув голову, принял пить.

После пятого большого глотка он опустил голову, краем глаза заметив какое-то движение у туманной границы суши и моря. Присмотрелся, прищурившись, и удовлетворенное «Аххх», которое он как раз издал, закончилось резким, булькающим звуком, словно от удара в живот.

МАЛЕНЬКИЙ ЗЕЛЕНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕК стоял там, маленький, ядовито-зеленый человечек с сине-зелеными бакенбардами и изумрудными глазами. Он был сантиметров сорок высотой вместе с длинными, как у кролика, ушами. И лицо его выглядело весьма зловеще.

Шумейкер разинул рот. Внезапно то, что сказал ему нынче утром Барфорд, прежде чем уехал с остальными на разведку, закрутилось у него в голове. *Джим, сказал он, когда-нибудь ты допьешься до глюков. И в один прекрасный день увидишь, как из бутылки вылетит розовый слон или жирафа в пестрый горошек и заговорит с тобой...*

— Шумейкер, твое время настало.

Шумейкер вскочил на ноги, дрожа всем телом.

И пока говорил себе, что это невозможно, невозможное продолжалось. Маленький человечек сделал шаг вперед и повторил свои слова.

Шумейкер нырнул в люк и захлопнул его за собой. Минут через десять, пока он почти перестал трястись и сумел приоткрыть люк, маленький зеленый человечек уже исчез.

Это очень плохо, сказал себе Шумейкер. Была ли это уже «белочка» или просто глюк, созданный охлажденным алкоголем

*Every time he tore loose they brought
him down again.*

THE THIRD LITTLE GREEN MAN

By DAMON KNIGHT

в жару, он вовсе не хотел, чтобы кругом принялись бегать зеленые человечки.

Затем он подумал, что сказали бы Барфорд, Дэвис или Хэйл, если бы узнали, что у него начались видения. Конечно, они на многое закрывали глаза, потому что Шумейкер был единственным, из-за кого «Королева космоса» еще не развалилась на куски, но это было бы уже слишком.

Например, его привычка останавливать двигатели всякий раз, когда у него кончалась выпивка. Ну, во всяком случае, у него было алиби. После двух дней полета они нашли запасы виски и вылили его в открытый космос. Шумейкер страшно мучился, дожидаясь, пока все не заснут. Затем отключил двигатель и приспособил трансмутатор для того, чтобы гнать жидкость, почти ничем не отличающуюся от виски из чистого зерна. А если добавить в нее грейпфрутовый сок, то это вообще превращалось в праздник. С тех пор все так и шло.

Но если будут продолжать появляться зеленые человечки...

Передернув плечами, Шумейкер вышел наружу. Солнце уже зашло, но лишь чуть сгостились вечные сумерки, Шумейкер включил прожектор над люком и, стоя под ним, взглядался в темноту.

ЗАТЕМ ОН УСЛЫШАЛ оклик и увидел, как к нему направляются три пятнышка света. Их было три. Это означало, что никого из них не сожрала саблезубая пипи-кака или любой другой раскосый хищник, которые могли водиться в этой турецкой бане. Это было хорошо. Но если кому-нибудь и выпадет судьба погибнуть здесь, то Шумекер хотел бы, чтобы это был грузный, медлительный Дэйвис, или тянувший слова, как жевательную резинку Хэйл, или... особенно Шумекер хотел бы, чтобы это был Барфорд.

— Ну как ты, еще не встретил розовых слонов? — спросил Барфорд.

Будь он проклят!..

В голове Шумейкера мелькнула мысль, а не спросить ли, не встретили ли они поблизости маленьких зеленых человечков? Но нынче вечером Барфорд особенно сочился остроумием, и набросился бы на этот вопрос, как кошка на сало, и не дал Шумейкеру жить спокойно.

Все трое появились в круге света. Они выглядели усталыми, даже сухой, подтянутый Барфорд. Их ноги были покрыты синесерой грязью почти до самых колен.

— У вас были какие-то проблемы на обратном пути? — небрежно спросил Шумейкер.

Дэйвис высокомерно поднял голову, выглядя слегка удивленным.

— Нет... Нет. Вон в той стороне где-то в миле отсюда течет река. Мы ее видели еще во время приземления...

— Джима в это время прохватил насморк, — вставил Барфорд и злобно усмехнулся Шумейкеру.

— Так что мы просто прошли вдоль нее, а потом легко вернулись обратно, — закончил Дэйвис, поставив свой ранец на стол в камбузе, и тяжело опустился рядом на стул. — Мы не нашли ничего... вообще ничего. Похоже, придется поднять корабль и пролететь над планетой... хотя на это уйдет много топлива. — Он укоризненно взглянул на Шумейкера. — А мы и так много его истратили, возвращаясь на курс каждый раз после того, как ты отключал двигатели.

Шумейкер почувствовал, как лицо его запыпало.

— Ну, если бы трое не вылили мои запасы виски...

— Ладно, ладно, прекратите, — устало сказал Хэйл и опустил свое седалище на стул. Барфорд стоял, прислонившись к переборке.

— Шумейкер, ты что-нибудь услышал по радио? — спросил Хэйл.

Шумейкер помотал головой.

— Гонял ее весь день, — ответил он. — Ни звука.

— Ничего не понимаю, — сказал Барфорд. — Радиосигналы начались, практически сразу же, как только мы вошли в атмосферу. Они были искажены, но мы сумели проследить их до этой точки. Затем, как только мы приземлились, они исчезли. В этом есть что-то странное.

— Ну, — сказал Дэйвис, покачивая головой, — я бы не утверждал, что это так уж странно, Чарли... Я могу назвать целую кучу причин, почему мы могли бы прекратить посылку сигналов, если бы на Землю высадились венериане. — Он вздохнул. — Нужно работать, парни. Если на Венере есть хоть какие животные, неважно, разумные или нет, мы должны найти их. Мы прилетели сюда как раз ради этого. Вы же помните, сколько усилий от нас потребовалось, чтобы заставить Высший Совет вообще субсидировать нас...

Шумейкер помнил. Дэйвис прекрасно владел математикой, это был единственный язык, на котором он превосходно изъяснялся. И у него были топливо и двигатель. Он нуждался лишь в деньгах, чтобы построить корабль. Но время для этого он выбрал неудачное.

Прошло всего лишь пять лет после окончания Третьей мировой войны, когда Дэйвис задумал свой корабль. Мировой Федерации стукнуло всего четыре с половиной года, и она еще тонула в болоте трудностей. Пара балканских и три индийских княжества все еще были «неисправимыми», управляемыми чиновниками, изгнанными из других отсталых стран, и устраивающими заварушки при помощи подполья. Мир перевооружался для новой войны. Плюс разбитая, полуголодная империя, в которой тлел огонек атомных ракет... Высшему Совету не хватало времени и средств, чтобы заниматься еще и космическими полетами.

Тем не менее, у Дэйвиса была собственная, первая и единственная нематематическая идея, причем идея хорошая. Это был путь к всеобщему соглашению. Мировая Федерация вполне разумно утверждала, что единственный путь для мира, который пресек бы саму возможность следующих войн, это вход всех в МФ. Но были страны в Европе и Америке, остававшиеся нейтральными во время последнего конфликта, и они были весьма влиятельны хотя бы потому, что у них остались ресурсы плюс миллионы эмигрантов, которые начали свой бизнес в Африке и Южной Америке. Эти страны отвечали МФ, что это не соответствует их политике, и что они, скорее, начнут следующую войну, и если МФ думает, что может в ней победить, то пусть первой бросит бомбу.

В результате Культурная Программа восстановления порядка во всем мире зашла в тупик. Но, сказал Дэйвис, давайте предположим, что у нас есть возможность доказать реакционным странам, что Венера пригодна для жизни — разве они не ухватятся за шанс

избежать Четвертой мировой войны, переселившись туда? Тогда МФ могла бы заняться своим делом и сплотить Землю в Единое Государство – пока это Государство не окрепнет настолько, что разобраться с колонией на Венере станет для него парой пустяков.

К тому же, а что, если на Венере и в самом деле существует разумная жизнь, – достаточно разумная, чтобы стать источником дешевой рабочей силы теперь, когда все граждане мира требуют, чтобы рабочее время было немедленно сокращено до пяти часов в день?

Скучающий Руководитель Бюро, с которым беседовал Дэйвис, глубокомысленно покивал и сказал, что в этом что-то есть, и несколько месяцев спустя Дэйвис был назначен главой нового Отдела с совершенно недостаточным ассигнованием.

Барфорда и Хэйла направило в проект североамериканское Трудовое Бюро, а Шумейкер, к которому обратился Дэйвис, согласился лишь потому, что это была постоянная работа. Затем они принялись за дело, очень скруто тратя деньги всякий раз, как получали их. Попадя в разные разные ситуации, им приходилось пересматривать технические требования, и в результате «Королева космоса» оказалась таким сборным и разномастным чудищем, не дать которому тут же развалиться мог только технический гений. Шумейкер как раз и был таким гением.

ОН ВСПОМНИЛ о том случае во время полета, когда метеор пробил стенку склада, а из него уже проник в коридор. Шумейкер как раз был на складе, такой пьяный, что едва мог держаться на ногах. Тем не менее, он сумел задержать дыхание настолько, что затащил дырку, через которую со свистом выходил воздух, а потом еще доползти до баллона с кислородом и открыть его вентиль на полную мощность, чтобы не упасть в обморок, пока работает. К тому времени, как остальные сползли с коеч и спустились на склад посмотреть, жив он или уже мертв, Шумейкер закончил работу, и давление вернулось к норме.

Он вспомнил, как Хэйл с бледным лицом, стоя в открытой двери, тыкал рукой в новую заплату на стенке корабля и спрашивал:

– Ради Бога, что тут произошло?

– Терmitы, – пошутил Шумейкер.

Какой был полет, Боже, какой полет! Он делал много чего в своей жизни, но этот полет был достоен номинации на Оскар. И теперь, если уж у он допился до чертиков, то хотел бы их видеть в уютной больнице, а не в этом сюрреалистическом кошмаре.

Барфорд что-то бубнил у него над ухом. Шумейкер очнулся.

– Что? – спросил он.

— Я спрашиваю, что с тобой, Эдисон? Ты уже полчаса сидишь с одурманенным видом. Ты ведь не слышал ни слова из того, что мы говорили, не так ли?

Шумейкер потряс головой.

— Я размышлял, птицы твои мозги. Это хорошее времяяпрепровождение, которым изредка балуются интеллектуалы. Я научил бы тебя ему, но не думаю, что тебе бы понравилось.

Барфорд сердито поглядел на него. Шумейкер вспотел. Может, по его виду можно обо всем догадаться?

— Да ладно, — сказал вдруг Барфорд. — Ну, размышляй, размышляй. Не стану тебе мешать. Завтра будет трудный день.

Он вышел и закрыл за собой дверь.

Через несколько минут Шумейкер поднялся, чтобы тоже уйти, но его остановил Дэйвис.

— Скажи-ка, Джим... Черт, о чем же я хотел тебя спросить?.. А, вот! Как ты думаешь, Джим, — понимаешь, я просто хочу приблизительно прикинуть, — должны ли мы израсходовать остатки топлива, чтобы провести подробную разведку?.. Или стоит сначала... н-ну... поискать здешние руды?..

Когда, наконец, он сформулировал свои мысли, оказалось, что он хочет узнать мнение Шумейкера, могут ли они рискнуть прогнать местные радиоактивные руды через трансмутатор, чтобы обогатить их без риска взорвать себя и корабль.

— Конечно, легко, — раздраженно ответил Шумейкер. — Нам потребуется всего лишь пять-шесть лет, чтобы добыть достаточно руды, построить очистительный завод, взять Бог знает откуда несколько тонн необходимых реактивов и отрегулировать транс-М так, чтобы он выдавал нужный продукт. Проще некуда. А затем мы можем отправиться домой, торжествующе помахивая длинными седыми бородами.

Это означало начало давно уже надоевшего спора.

— Ладно, Джим, не волнуйся, — сказал Дэйвис. — Видишь ли, если мы вернемся на Землю лишь с образцами грязи и мха, которые могли собрать где угодно, или фотоснимками, которые могли подделать, то Высший Совет захочет узнать, на что мы потратили выделенные нам деньги. И будь уверен, нам выдадут за все сполна...

С каждой минутой Шумейкер нервничал все сильнее.

— Да, нужно поставить новую заплату, — сказал он, наконец, и ушел, хлопнув дверью кубрика.

В коридоре он встретил Барфорда, направлявшегося в свою каютку.

— Где ты был? — спросил Шумейкер.

— А ты как думаешь? — грубо огрызнулся Барфорд.

Шумейкер уже раздевался, готовясь ко сну, когда в голову его ударила ужасная мысль. Он тут же бросился в отсек, где

был спрятана его выпивка. Фальшивая заплата стояла на полу, прислоненная к стенке. Тайник был пуст. Тут же валялся лом, на конце которого виднелись кусочки фальшивого припоя.

Весь вне себя, Шумейкер ринулся в машинное отделение.

Барфорд предусмотрел все. Микроспектрограф был вырван и отсоединен от основной части транс-М. А без него установка была бесполезна как для производства топлива, так и – в случае Шумейкера – для пополнения запасов живительной влаги.

Шумейкер не стал даже проверять, на месте ли запасной.

К счастью, у него оставалось примерно пять кварт «живой водички» на складе в канистре с надписью «Соляная кислота». Ее бы хватило надолго, если соблюдать норму. Шумейкер не мог ввести сухой закон, невзирая на всяких там зеленых человечков. Ему требовалась ежедневная порция. И парочка глюков не смогут отвратить его от этого.

ТЕМ НЕ МЕНЕЕ, когда на следующий вечер Шумейкер сидел на дежурстве на пороге открытого люка, у него было определенное предчувствие. Земля, море и небо были все те же, слизисто-монотонные, а случайные порывы ветра с океана несли в себе те же запахи гниющей морской флоры и фауны. Примерно так и было вчера вечером, когда...

Шумейкер встал и встревоженно обошел корабль снаружи. Со стороны моря, дальше огромных разинутых дюз двигателя, зеленоватый песок круто спускался к застальному краю воды. На воде не было даже намека на рябь.

А на берегу была только грязь.

Шумейкер снова сел на порог, с сомнением поглядел на свою ополовиненную кварту и решил оставить ее на некоторое время. У стакана был зеленоватый цвет окружающего песка. Шумейкер решительно сосредоточился на наблюдениях за окрестностями, топчась возле корабля. *Ну и что ты думаешь?* – спросил он себя.

– Сколько еще времени понадобится этим суперменам, чтобы бросить свою игру в зайцев и охотников? Два дня? Три? Неделя? Шумейкер, – ответил он себе, – я не знаю и не стал бы даже спорить. У меня и так есть о чем волноваться.

Этот диалог, казалось, успокоил его. Шумейкер уныло поглядел на бутылку, затем поднял ее и сделал большой глоток. Когда он опустил бутылку, зажав горлышко большим пальцем, то снова увидел маленького зеленого человечка.

Нет, на сей раз это был другой человечек. Потрясенный, Шумейкер все же заметил, что он был толще в талии и носил более короткие бакенбарды.

Но выражение его лица было все тем же. Как у злодея, застуканного во время расчленения жертвы.

Шумейкер с трудом обрел дар речи.

— И откуда вы только беретесь? — пробормотал он.

Маленький человечек неприятно улыбнулся.

— Из грязи и мха, — ответил он.

Шумейкеру хотелось завопить. Беседовать с глюком, принявшим форму несуществующего гоблина?! И он едва узнал собственный голос, задавший вопрос:

— Чего вам нужно?

Зеленый человечек направился к нему.

— Забрать мой виски, — сказал он, отводя взгляд.

Тут уж Шумейкер действительно завопил. Вскочив на ноги, он расставил в стороны руки и заорал, как раненый буйвол. Бутылка при этом вылетела у него из руки и, описав изящную петлю, упала в море. Гоблин повернул голову и проследил за ней. Затем повернулся к Шумейкеру, сказал: «Я еще вернусь», — и вслед за бутылкой нырнул в воду.

Ни бутылка, ни человечек больше не появились на спокойной глади моря, хотя Шумейкер, прислонившись к косяку, с полчаса не отводил взгляда от воды.

УЖЕ НОЧЬЮ Шумейкер услышал снаружи голоса.

— Где этот старый пьяничка? — проскрипел голос Барфорда.

— Ладно, Чарли, не стоит. Он ничего не сказал, но явно чувствовал себя неважнецки после того, как ты опустошил его тайник. Я не уверен, что стоило это делать. Пусть он и держится особняком, но он нам нужен.

— Ладно! — проворчал Барфорд. — Но ты заметил, что в последние дни он едва стоит на ногах? А что, если он набирается, пока нас нет? Я же сказал, что недостаточно просто вылить его пойло. Он сделает еще больше, как только мы покинем планету. Мы должны заставить его принять лечение. Заставить силой, если потребуется.

— Конечно, — сказал Хэйл. — Нужно сказать ему, что нам надоели его выходки. Он должен взять себя в руки...

— Успокойтесь, парни, спокойней, — сказал Дэйвис. — Он не должен ни о чем догадаться...

Шумейкер неприятно усмехнулся. Так вот, что они задумали. Ну что ж, предупрежден — значит, вооружен. Фактически, такой поворот он обдумал давным-давно. У него был лишь один туз, но если они согласятся на немедленный взлет, он получит второй.

Минутку, минутку... Есть одна идея. Если разыграть все правильно — это будет хитрая комбинация, но она должна сработать.

Они уже подошли к люку. Шумейкер быстро бросился на склад, нашел нужную бутылку и наполнил из нее маленькую капсулу. При этом он заметил, как дрожат руки. Дрожат из-за страха перед глюками.

Шумейкер принял решение. Это было не похоже на белую горячку. Если бы он только поверил, что у него всего лишь белая горячка, то сам пополз бы на брюхе лечиться. Конечно, теперь уже всякое лечение было невозможно — он давно уже выбросил надлежащие препараты из аптечки Барфорда и заменил их обычной содой.

Но Шумейкер был уверен, что то, что с ним происходит, вовсе не «белочка». Это не был обычный комплекс глюков алкаша. В его видениях была хоть и неприятная, но все же логика. Не бред, а, скорее, кара.

Шумейкер был убежден, что нечто действительно является ему, и оно будет продолжать появляться. Единственный для него выход — поскорее убраться с этой проклятой планеты. Он должен рискнуть. Возможно, эти твари последуют за ним и в космос, а может — и нет. Шумейкер не был ни в чем уверен.

Он сунул капсулу в карман, чтобы было легче незаметно добраться до нее, когда потребуется, и вышел в коридор.

— А, вот ты где, — сказал Барфорд. — А мы-то думали, куда ты девался?

Шумейкер впился в него взглядом.

— Ладно, если ты спросишь меня, то я отвечу, что попытался найти мой микроспектрограф.

Барфорд потрясенно взглянул на него в ответ.

— Ну, Джим, ты же знаешь, что я не имел в виду ничего дурного.

— Он взял Шумейкера под руку. — Пойдем-ка в кубрик. Там сейчас будет у нас совещание.

Ясно о чем, подумал Шумейкер. Он сунул руку в карман и обернулся капсулу носовым платком.

Когда он вошел в кубрик со следующим позади Барфордом, Дэйвис и Хэйл торжественно уставились на него. Шумейкер спокойно поглядел на них в ответ и сел на стул.

Дэйвис откашлялся.

— Кх-м... Джим, в последнее время мы волнуемся о тебе. Ты выглядишь не очень-то веселым...

— Верно, — сделал печальную мину, поддакнул Шумейкер. — Я думал о своей бедной старушке-матери.

Барфорд фыркнул.

— Твоя бедная старушка-мать умерла пятьдесят лет назад.

— Умерла, — кивнул Шумейкер, вынимая из кармана носовой платок, — причем умерла с одним огромным, так и неисполненным желанием.

— Вот как? И что же это было за желание? — желчно спросил Барфорд.

— Она всегда хотела иметь такого сына, как ты, — ответил Шумейкер, — чтобы он был ей как свет в окошке. — Он оглушительно

высморкался, сунув при этом капсулу в рот, убрал носовой платок и блаженно улыбнулся.

Дэйвис нахмурился.

— Джим, — сказал он, — мне не нравятся твои шуточки. Мы все знаем, что с тобой. Ты слишком много пьешь.

— Кто это говорит? — воскликнул Шумейкер.

— Ну же, Джим, не затрудняй нам дело. Мне это вовсе не по душе, но...

— Но что?

Барфорд сделал нетерпеливый жест.

— Давай же, скажи ему прямо, Луи. Бесполезно ходить вокруг да около.

— Верно, — вставил Хэйл, с негодованием глядя на Шумейкера.

— Да заткнитесь вы оба, — сказал Шумейкер и повернулся к Дэйвису. — Ну же, скажи мне. Ты случайно не хочешь применить это дурацкое «лечебение»?

Дэйвис замялся.

— Прости, Джим. Я знаю, что ты против него. Я тоже вначале был против, но парни меня все же убедили. Знаешь, Джим, если бы дело касалось только тебя, то я не пытался бы заставить тебя сделать то, что ты не хочешь. Но ты же понимаешь, что все мы тут в одной лодке и либо останемся на плаву, либо вместе потонем. И если все мы не будем отдавать все силы нашему общему делу, то... Ну, ладно, видишь ли, я бы не стал...

— Он хочет сказать, — перебил его Барфорд, — что на этот раз мы хотим дать тебе это лекарство, желаешь ты того или нет.

Шумейкер встал и осторожно отставил в сторону стул.

— Давай поглядим, сумеешь ли ты меня заставить, — сказал он.

ОН УВЕРНУЛСЯ, когда Барфорд бросился на него, и влепил хороший прямой прямо тому в нос.

Барфорд пошатнулся, но не отступил, а попал Шумейкеру прямо в челюсть, тут же нанес второй удар и промахнулся, но третьим ударом запечатал Шумейкеру глаз.

Шумейкер с силой ударил его в живот.

— Уф! — вырвалось у Барфорда.

Но тут Хэйл схватил Шумейкера сзади, и все втроем навалились на него.

Шумейкер скорчился, отвесил пинок, потом ударил назад локтем, но как только вырвался, его тут же опять схватили. Через какое-то время он стал сомневаться, сумеет ли победить, даже если по-настоящему захочет этого. Но тут Дэйвис скрутил его полунельсоном, бросил на пол, и Шумейкер решил, что настало время сдаваться.

Расслабившись, он оглядел своих противников. У Барфорда был синяк под глазом и несколько ушибов различной тяжести. У Хэйла распухла и кровоточила щека. Шумейкер не видел лица Дэйвиса, но на торчащей у его лица ноге была разорвана штанина. Сам Шумейкер чувствовал себя вполне сносно.

— Фу-у!.. — выдохнул Барфорд, с каким-то уважением глядя на Шумейкера.

Он встал, пошел к аптечке и вернулся с порошком и стаканом воды.

Когда он опустился на колени, Шумейкер впился в него взглядом.

— Ну же, детка, давай, открывай свой ротик, а не то мы сами откроем его, — сказал Барфорд. — Луи, держи его голову.

Большие руки Дэйвиса стиснули виски Шумейкера, а Барфорд открыл ему рот, нажав на нижнюю челюсть. Как только губы Шумейкера разжались, Барфорд мгновенно высыпал в них порошок, и сжал ему челюсти. Шумейкер выпучил глаза.

— Глотай, — безжалостно сказал Барфорд и зажал Шумейкеру нос большим и указательным пальцами.

Шумейкер глотнул.

— Теперь запей, — велел Барфорд и поднес к его губам стакан воды.

Шумейкер сделал пару глотков.

Барфорд поднялся.

— Ладно, — неуверенно сказал он. — Теперь поглядим...

Дэйвис отпустил Шумейкера и вылез из-под него. Затем встал возле Барфорда и Хэйла, и все трое уставились на Шумейкера, лежащего на полу.

Из глаз Шумейкера текли настоящие слезы — в основном, из-за того, что Барфорд крепко сжал ему нос, — и лицо его выглядело опухшим. Он медленно, словно старик, поднялся на ноги, подошел к стулу и сел.

— Видишь, Джим, — нерешительно сказал Дэйвис, — все не так уж и плохо. И ты сам знаешь, что тебе станет лучше. Ты перестанешь худеть и...

Шумейкер не слушал его. Глаза его остекленели, челюсть отпала. Он начал мелко дрожать. Затем внезапно упал со стула на пол и принялся подергиваться.

— О, Господи! — воскликнул Барфорд.

— Что это? — спросил Хэйл.

— Реакция Митчелла, — ответил Барфорд. — Она была всего дважды за тридцать лет. Я даже не думал...

— Это опасно, Чарли?

— О, Боже, да! Подождите, я гляну в справочнике.

Шумейкер услышал торопливые шаги, затем шелест перелистываемых страниц.

Когда он решил, что это безопасно, то осторожно приоткрыл один глаз. Оба мужчины стояли вплотную к Барфорду, стараясь заглянуть ему через плечо. Они были повернуты к Шумейкеру спиной, но, на всякий случай, он продолжал подергиваться.

— Лечение, — хрипло сказал Барфорд, — включает в себя особую диету, диатермию, облучение ультразвуком, раз в час инъекцию... Черт, мы не можем все это сделать. У нас нет и половины нужного оборудования.

— А что будет, если он не получит лечения, Чарли? — нервно спросил Дэйвис. — Я имею в виду, сколько времени...

Барфорд зашелестел страницами.

— Общая слабость, быстро прогрессирующая, сопровождаемая перебоями сердечной деятельности и смерть в период от четырех до десяти недель.

— Боже мой, — сказал Дэйвис. — Что же нам делать, Чарли? Я имею в виду...

— Минутку... — вмешался Хэйл. — А вы уверены, что это то, что вы думаете? Откуда вам известно, что он не притворяется?

— Притворяется! — фыркнул Барфорд. — Ну... у него есть все признаки. — Он снова зашелестел страницами. — Резкая потеря сознания, сильные судороги... Гляди сам.

Две головы нетерпеливо вытянули шеи. Наступила минута молчания, затем Хэйл захихикал.

— Ну, если он сделает это, тогда я поверю!

— Да, — серьезно ответил Дэйвис. — Но если он без сознания, то как он может...

Барфорд снова взял все в свои руки.

— Он может прийти в себя в любой момент, — громко сказал он. — Как только он очнется, мы будем знать наверняка.

ШУМЕЙKER УСМЕХНУЛСЯ про себя. Он знал наизусть этот раздел «Медицинского справочника». «...Пациент остается без сознания и не приходит в себя от двадцати минут до получаса...» Он не открывал глаз и ждал, то и дело подергиваясь, пока не решил, что прошло двадцать минут и еще пять сверху. Затем открыл глаза и увидел встревоженное лицо Дэйвиса, склонившееся над ним, в обрамлении физиономий Барфорда и Хэйла.

— Приходит в себя! — сказал Барфорд. — Как себя чувствуешь, старина?

— Что... — пробормотал Шумейкер.

— Ты упал в обморок, — тут же солгал Барфорд. — Но теперь приходишь в себя. Все будет в порядке, Джим, только нужно делать то, что мы тебе скажем.

— Ты отравил меня, — выдохнул Шумейкер, пытаясь сесть.

— Нет-нет, — возразил Дэйвис. — Мы просто пытаемся помочь тебе, Джимми. Просто слушайся Чарли. Чарли, унеси эту бутылку.

Даже Шумейкер был поражен тем, что последовало потом.

Вернувшись, Барфорд торжественно кивнул.

— Ну, ты был просто под кайфом, а теперь все в порядке.

— Вы отравили меня! — сказал Шумейкер, позволив себе говорить более твердо.

— О, черт! — сказал Барфорд, поднимая дрожащее тело Шумейкера и усаживая его на стул. — Значит, мы тебя отравили. Но мы не хотели этого. Вопрос, что делать теперь?

— Нужно доставить его в больницу, — сказал Дэйвис. — Значит, мы должны немедленно улетать на Землю. Гм-м... Но, Чарли, как ты думаешь, он будет чувствовать себя достаточно хорошо, чтобы работать во время полета?

— Это его не убьет, — мрачно ответил Барфорд. — А вот что будет с нами? Мы что, вернемся с пустыми руками?

— Боже мой! — воскликнул Дэйвис. — Я и забыл об этом. Нет, этого мы не можем сделать. Но с другой стороны, Чарли — если он умрет, пока мы будем все еще здесь, то как мы вообще вернемся?

— Подумаем об этом в свое время, — сказал Барфорд.

— Как-нибудь, — вставил Хэйл.

— Ну, ладно, допустим, пари, что вы правы, — с вытянувшимся лицом пробормотал Дэйвис. — Никогда в жизни не приходилось принимать более трудного решения... Бедный старый Джим! Как только я подумаю...

Он замолчал, задохнувшись от удивления, когда Шумейкер вдруг бодро встал со стула, буквально раздувшись от гнева.

— Как только я подумаю, — громко сказал Шумейкер, — сколько у меня было возможностей... — он обнаружил под языком половинки раскрученной капсулы и яростно выплюнул их, — чтобы задушить вас всех, пока вы спокойно спали... — Он стиснул кулаки и на негнущихся ногах шагнул к Дэйвису.

Барфорд уставился на половинки валявшейся на полу капсулы. Потом нагнулся, поднял их и увидел по краям остатки какого-то синего вещества. Лицо его стало багроветь.

— Синий метилен! — сказал он. — Ты знал... Ты спрятал капсулу во рту и в нужный момент раскусил. Ах ты старый...

— Да, все правильно, — кивнул Шумейкер. — А теперь я заставлю тебя проглотить ее!

И энергичным ударом он выбил Барфорда в открытую дверь.

Хэйл схватил стул. Шумейкер уклонился и пнул его в живот. Затем пошарил глазами в поисках Дэйвиса, но тот уже был у него за спиной. Под черепом Шумейкера, казалось, взорвалась бомба, и все исчезло в сером тумане.

КОГДА ТУМАН рассеялся, Шумейкер услышал, как Барфорд говорит, что нужно запереть на корабле все, что может послужить оружием, а если «этот пьячуга» будет еще размахивать кулаками, то они просто оставят его на Венере, живого или мертвого...

Шумейкер попытался сказать Барфорду, что тому следует сделать с собой, но опять потерял сознание, застряв на половине первого слова.

Когда он снова очнулся, был уже вечер, и тихие голоса из кубрика подсказали, что троица уже вернулась с нынешней охоты. Шумейкер встал, чувствуя себя грузным и негнущимся, и печально побрел по коридору к своему складу, который и в самом деле оказался заперт. Шумейкер хотел есть, но был уверен, что как только увидит своих трех компаньонов, то это зрелище тут же отобьет у него аппетит. За отсутствием лучшего, он прошел в шлюз, закрыл за собой внутренний люк и, распахнув внешний, мрачно сел на порог.

Небо и море были тускло-сине-зелеными – ни звезд, ни линии горизонта. Воняло серой, затем ее перебила рыбная вонь, затем снова завоняло серой... Шумейкер сидел и потел, думая мрачные думы.

Шумейкер не был особенно верующим, но чувство личного рока все больше крепло в нем. *Преоположим, Ад действительно существует, только проповедники ошибаются, рассказывая, что в Аду нет ничего, кроме жары... А раскалывающаяся голова?.. Ни выпивки... Ни женщин... Зловоние... Синее, как слизь, море, со всех сторон, и сверху, и снизу... И маленькие зеленые человечки...* Черт, он совсем забыл о них!

И вспомнил, как только увидел. Третий маленький зеленый человечек был более худым и вообще не носил бакенбард. Зато у него был большой, блестящий золотой кинжал, почти такой же большой, как он сам. Человечек целеустремленно шагал вперед.

Шумейкер, парализованный, застыл на месте.

Маленький человечек уставился на него блестящими глазками.

– Подурачились, и будет, – мрачно сказал он. – Теперь за дело!

И вложил золотой кинжал в дрожащую ладонь Шумейкера. Первой мыслью Шумейкера было перерезать себе горло. Второй – бросить кинжал как можно дальше. Но пересилила третья мысль, появившаяся через десятую долю секунды. Шумейкер вскочил на ноги, метнулся в шлюз и захлопнул за собой внутренний люк.

Как раз напротив была дверь каюты круглоголового Барфорда, которая приоткрылась, показав стоящего за ней пораженного хозяина каюты. Увидев Шумейкера, он попытался поспешно закрыть дверь, но Шумейкер уже взял такой разгон, что его невозможно было остановить. Правда, секунду спустя он все же

остановился, но лишь потому, что притиснул Барфорда к дальней стене каюты, которую окружали пятьсот тонн металла.

— Ух!.. — выдохнул Барфорд. — Фу-у!.. Где ты взял нож?

— Заткнись и отвечай на вопрос, — дико взревел Шумейкер. — Где микроспектрограф?

Барфорд открыл было рот, чтобы закричать, но Шумейкер запечатал его кулаком, одновременно кольнув Барфорда острием кинжала в живот, чтобы проиллюстрировать свои тезисы.

Барфорд выплюнул зуб. Шумейкер чуть сильнее надавил кинжалом, и он поспешно ответил:

— Он находится в... уффи... топливном резервуаре.

Шумейкер обернулся и бросил беглый взгляд на коридор, чтобы убедиться, что путь свободен. Затем они направились в машинное отделение в следующей последовательности: Барфорд — кинжал — Шумейкер.

Не дожидалась уговоров, Барфорд достал кольцо с ключами, отпер резервуар и вытащил оттуда микроспектрограф.

— Установи его на место, — велел Шумейкер.

Барфорд повиновался.

— Фу-у... — сказал он. — И что теперь? Виски?..

— Нет, — неосмотрительно сказал Шумейкер. — Мы улетаем.

Барфорд выпучил глаза. Потом издал невнятный звук и внезапно, без предупреждения, сделал выпад, одной рукой схватив нож Шумейкера и ударив его вторым кулаком. Они покатились по палубе.

Шумейкер заметил, что Барфорд открывает рот, и зажал его рукой, пытаясь держаться подальше от колена противника и готовясь принять более действенные меры. Барфорд укусил руку и завопил:

— Хэй! Дэйвис! На помощь!

В коридоре раздался шум.

Барфорд решил, что кинжал ему больше мешает, чем помогает, и выпустил его. Барфорд попытался дотянуться до него, но Шумейкер пресек это пополнование и схватил его за тощую шею, а потом вообще снял проблему, ударив его пару раз головой о стальную переборку.

Барфорд обмяк. Шумейкер поднялся на ноги. Но был тут же сбит грузным, низеньким телом Хэйла.

— Старый идиот! — задыхаясь, прошипел Хэйл. — Уф-ф... Дэйвис, помоги мне!

Шумейкер вцепился зубами ему в ухо и был вознагражден диким воплем Хэйла. Дэйвис тяжеловесно прыгал на заднем плане с криками:

— Парни, остановите его! Черт... и оружие все заперто! Чарли, кинь мне ключи!

Шумейкер освободился от Хэйла, встал, но тут же снова был сбит с ног. Барфорд, поднявшись было, споткнулся об его голову и снова упал. Шумейкер, удерживая его ногами, пытался одновременно уклоняться от бешено молотящих пяток Барфорда и удерживать Хэйла подальше от своего горла. И, по внезапному наитию, он разом решил обе проблемы, подняв тело Барфорда так, что тот, брыкнувшись, ударили ногами прямо в широкое лицо Хэйла.

Тут Шумейкер заметил, что Дэйвис стоит рядом, уже подняв ногу для пинка. Он схватил эту ногу и рванул в бок. Дэйвис с шумом грохнулся на пол.

Шумейкер встал на ноги в третий раз и огляделся в поисках кинжала, но того в пылу драки куда-то запнули. Сделав паузу, Шумейкер пытался решить, на кого броситься первым, и в результате все трое его противников поднялись и пошли на него.

Вот оно, подумал Шумейкер, поплевал на кулак для удачи и нанес Барфорду красивый удар в подбородок. Барфорд упал, но, что удивительно, тут же поднялся. Слегка пав духом, Шумейкер дважды ударил Хэйла в лицо, прежде чем толстяк отлетел в дальний угол и принял там возиться, пытаясь встать на ноги. Тут Шумейкер, осознав, что кто-то уже некоторое время колотит его по спине, резко повернулся и сбил с ног Дэйвиса. Дэйвис улетел в другой угол.

Барфорд с опухшим лицом и Хэйл, у которого откуда-то капала кровь, снова двинулись на него. У Хэйла в руке был кинжал. Шумейкер отступил, поднял за воротник и пояс потерявшего сознание Дэйвиса и швырнул его в нападавших. Все упали (Хэйл с мокрым шлепком) и на сей раз остались лежать. Кинжал выпал из руки Хэйла и отлетел к самым ногам Шумейкера.

Тот взял его, опустился на колени на таком расстоянии, что мог легко отрезать кончики носов Хэйла и Барфорда, и угрожающе поднял кинжал. Барфорд тут же завопил, что сделает все, что велит Шумейкер. Хэйл промолчал, но выражение его лица говорило само за себя.

Удовлетворившись этим, Шумейкер открыл шкафчик ключами Барфорда, достал оттуда катушку изолированного провода и связал их, а потом, с помощью Барфорда, привязал их к компенсационным гамакам.

Барфорд двигался замедленно, но Шумейкер придал ему пинком ускорение и усадил за вычислитель рассчитывать обратный курс. Затем он несколько минут глядел на Барфорда, пытаясь вспомнить, что еще хотел от него. Наконец, вспомнил.

— Ну, и где моя канистра? — спросил Шумейкер, помахивая золотым кинжалом.

— Ты получишь ее, — ответил Барфорд испуганным, но упрямым тоном, — только когда мы вернемся в Нью-Йорк...

— В Южную Африку, — поправил его Шумейкер, — где Высший Совет не сможет потребовать от нас объяснений.

Барфорд удивленно поглядел на него, затем сказал, что это хорошая идея.

Так оно и было.

ОДИНОКАЯ ЗВЕЗДА, мигая, исчезала в сине-зеленых небесах. Стихал поднятый стартом ракеты ветер. Маленькие зеленые человечки с ушами, как у кроликов, плавая на спокойной поверхности моря, глядели ей вслед, пока она не исчезла окончательно.

— Как ты думаешь? — спросил тощий, без бакенбард. — Мы им понравились?

Тот, к кому он обращался, был на расстоянии нескольких ярдов, но благодаря своим длинным ушам без труда услышал вопрос.

— Трудно сказать, — ответил он. — Они вели себя очень странно. Когда мы разговаривали с одним из них на его родном языке, чтобы он чувствовал себя как дома...

— Да, — подтвердил третий, почти невидимый в тумане. — Ты считаешь, что мы все сделали правильно? А ты уверен, что они правильно тебя поняли?

— Уверен, — не слишком уверенно отозвался первый. — Я находился весь вечер с их кораблем и запомнил все, что они говорили...

Некоторое время они молчали, потягивая напиток из фляжек, затем снова раздался голос второго:

— А может, с ними стоило побеседовать, когда они были все вместе?

— Неееет!.. Они такие большие... Но тот, кого я выбрал, был самым хорошим.

— Он взял наш подарок.

— Да, — подводя итоги, сказал третий зеленый человечек. — Наверное, мы им понравились. Не зря же они оставили нам целую канистру этого великолепного напитка. — И он покачал фляжкой, в которой приятно забулькал чистый первосортный виски. — Это все доказывает. — И он пьяно рыгнул.

(Planet Stories, 1948, Summer)

ace
double

M-105 / 45¢

Unusual stories of other
worlds and strange peoples

THREE WORLDS OF FUTURITY

Margaret St. Clair

D

МАРГАРЕТ СЕНТ-КЛЕР

ПИЩА ВЕЧНОСТИ

— Я ПОНИМАЮ, это трудное решение, — сказал хирург.

Поскольку он был венерианином, то на лице лежала печать безразличия, но в голосе слышалось сочувствие. — К сожалению, нам больше не у кого спросить. И мы не можем ждать дольше. Вы ее муж. Вам и решать.

Ричард Деккер поднял стиснутые кулаки и уставился на них. Руки дрожали. В голове вертелся неуместный вопрос, почему же они не перестают дрожать, раз он им приказывает. Губы его пересохли, и пришлоось дважды их облизнуть, прежде чем он сумел заговорить.

— Я думал... Предполагается, что врачи должны спасать жизнь...

— Да-да, но тут не простой случай, Пэмир Деккер. Видите ли, ваша жена — одна из *санедрин*.

У Деккера стиснуло горло, и он вынужден был откашляться.

— Она — одна из *санедрин*, — повторил хирург. — Это значит... Ну, вы же женаты на ней уже три года. Вы хотя бы немного должны знать, что это означает. Если мы станем действовать, то она утратит *Видение*. А *санедрина без Видения!*.. — На мгновение маска спокойствия врача раскололась, и Деккер рассеянно отметил, что за ней крылся страх. — Это невероятно. Поэтому мы и вынуждены были попросить вас принять решение.

— Но вы совершенно уверены, что *Видение* будет утрачено? — спросил Деккер в наступившей тишине. — Разве не может быть, что вы... что могла быть какая-то ошибка?

— Боюсь, что нет. Как только ее доставили сюда после несчастного случая, мы послали за Пэмией Верой. Она — лучший нейрохирург планеты на сегодняшний день. И она твердо выдала прогноз... какой я и довел до вас. Невозможно провести операцию на мозге Пэмии Деккер, не разрушив тот участок мозговой ткани, который отвечает за *Видение*.

— А не считая этого, она была бы в порядке?

— Да, у нее остались бы все чувства обычного человека. Возможно, разве что, ее глаза стали бы чуть менее чувствительны к оттенкам красного, только и всего.

— А если не проводить операцию? — спросило Ричард Деккер, все еще не отрывая взгляда от своих рук.

— Она умрет, не приходя в сознание.

Уголок рта Деккера начал подергиваться.

— Сколько у меня времени? — спросил он.

— Немногим больше часа.

— Отведите меня к жене.

Что тут вообще решать? — подумал Ричард Деккер, глядя на Иссу, маленькую и бледную, лежащую на больничной кровати. Все подушки были уbraneы, чтобы она лежала ровно на твердом матрасе, и ее маленькое тело едва виднелось под покрывалом. *Что тут можно решить?* Он любил ее, он хотел, чтобы она жила. Он хотел, чтобы она жила! Она ведь его жена...

Но она была, также, и одной из *санедрин*. Деккер был женат на ней достаточно долго, чтобы, как сказал хирург, немного понимать, что это значит.

Однажды, один-единственный раз, они с Иссой начали это обсуждать, и она попыталась рассказать ему, на что похоже *Видение*. Но Деккер не мог этого понять, в основном, потому, что Иssa только сдержанно говорила ему, чем это не является. Это не зрение, не расширение его диапазона, не подслушивание и не телепатия. Это нечто совсем другое, гораздо большее, чем все перечисленное. Это просто... просто *Видение санедрин*. И закончила Иса такими словами:

— Я чувствую себя такой виноватой перед тобой, Дик. Ведь если бы у меня не было *Видения*, то мне не хотелось бы продолжать жить. А как можешь выдерживать ты? Ведь больше нет ничего, ради чего стоило бы жить.

Ничего, ради чего стоило бы жить... Как же может он заставить ее жить без этого? Но он хотел, чтобы она жила.

Деккер отвернулся от кровати и, ничего не видя перед собой, подошел к радужному окну. Снаружи тянулась широкая изумрудная лужайка, на которой темнокожие венериане степенно прогуливались, дыша воздухом. Тут же бегали дети в ярких одеждах, точно цветастые бабочки. Перспектива заканчивалась, как, казалось, заканчивается всегда перспектива на Венере, маленьким причалом на берегу покрытого пеной водой бирюзового моря.

Пока Деккер глядел в окно, из густых облаков в небе, — вечных густых облаков, — начал падать нежный дождик. Один из гуляющих пациентов вернулся обратно в больницу, но другие, улыбаясь от удовольствия, продолжили прогулку, а дети стали веселиться еще пуще прежнего. Они походили на цветы, освеженные дождиком.

Здесь не от кого было ждать помощи. Он должен решить сам. Если бы только здесь была Меган, ему было бы немного полегче. Молочная сестра Иссы, она, конечно, знала гораздо лучше, чем он, как правильно надлежит поступить. У нее был опыт длиной в целую жизнь Иссы, а Деккер знал свою жену всего лишь на протяжении трех лет. Но врачи пока что не смогли определить местонахождение Меган, и даже когда ее найдут, между ними, возможно, будет полпланеты. Ей потребуется много часов, чтобы приехать сюда. Так что Деккер должен принять решение один.

Исса не шевелилась. Она лежала неподвижно, как мертвая. Лишь только раз еле слышно простонала, и Деккера, хотя он и знал, что она ничего не чувствует, пронзила острые жалости. Ему хотелось обнять ее, убедиться, что она все еще жива, но он не смел даже коснуться ее руки.

С самого начала Деккеру казалось невероятным, что Исса любит его. Он чувствовал удивление, перемешанное со страхом и благодарностью. Теперь же, глядя на нее сверху вниз, такую бледную, такую маленькую, такую далекую, сменившую обычную ослепительную красоту на смертельную белизну лица, он не мог поверить, что прошлое и в самом деле было. Что Исса действительно ночь за ночь лежала в его любящих объятиях! Что она забеременела и подарила ему ребенка! Что он действительно был отцом сына одной из полумифических *санедрин*!

Но *санедрина* она или нет, был еще маленький Дик. На мгновение лицо Деккера расслабилось, когда он подумал о мальчике. Может, будет не так эгоистично попросить Иссу, чтобы она продолжала жить ради сына?

В дверь постучали. Вошел хирург.

— Ваше решение, Пэмир Деккер? — официальным тоном спросил он.

— Действуйте. Спасите ее, — почти рассеянно ответил Деккер.

Хирург поклонился. Лицо его было совершенно невыразительно. По нему нельзя было прочесть, что он на самом деле думает о решении Деккера.

— Готовьте Пэмию Деккер к операции, — сказал он медсестре.

ПОСЛЕ ОПЕРАЦИИ Иссу держали под снотворным в течение ста двадцати часов. Большую часть этого времени Деккер и Меган провели вместе в приемном покое больницы. Они почти ничего не говорили.

— Правильно ли я поступил? — спросил внезапно Деккер, когда прошло уже больше половины их бесменной вахты.

Меган повернулась к нему. Это была теплая, смуглая девушка, чистокровная землянка, хотя ее приемными родителями были *санедрины*.

— Наверное, да, Дик, — медленно проговорила она. — Что вы еще могли решить? Любой землянин сделал бы то же самое.

— Но здесь ведь Венера! И Исса — венерианка! А что, если она возненавидит меня за это решение, Меган, после того, как поправится?

— Она не сможет вас ненавидеть, Дик, что бы ни случилось. Она слишком сильно любит вас.

— Я боюсь, — сказал Деккер. — Я просто боюсь.

НАСТАЛ МОМЕНТ, когда Исса, улыбаясь, спустилась по низкой лестнице. Теперь она часто улыбалась. Ее длинные серебристые волосы были отброшены на одну сторону, чтобы скрыть шрамы — следы от несчастного случая, — а платье из серебристой ткани оставляло открытыми спину и другое алебастро-белое плечо. Прекрасна она была нечеловечески. Выглядела так, словно соткана из лунного света.

Она подошла к Деккеру, по-прежнему улыбаясь, положила ему на плечи белые руки и поцеловала его. От этого поцелуя у него слегка закружилась голова. Когда поцелуй закончился, она отстранилась и снова улыбнулась ему. *В этой улыбке сама доброта*, подумал Деккер, наблюдая за ней с тайным беспокойством, которое не покидало его с тех пор, как она приехала домой из больницы.

На самом ли деле эта улыбка искренняя? Возможно ли, что она действительно счастлива? В ней никогда не было столько нежности и любви, сколько теперь. Но возможно ли, чтобы потеря *Видения* так мало для нее значила? По просьбе Деккера, хирург рассказал Иссе об ее утрате, еще когда она лежала в палате для выздоравливающих. Она кивнула в ответ, сказала: «Я так и знала», и больше не упоминала об этом. И всегда теперь улыбалась.

Но однажды Деккер вошел в комнату незамеченным и нашел ее сидящей в кресле, с бегущими по щекам слезами и маской холодного страдания на лице. Заметив его, она вскочила и принялась о чем-то весело болтать. И он даже подумал, что, возможно, ему все показалось, вот только щеки ее были влажными.

Были и другие отличия. До несчастного случая Исса любила кататься на лодке, любуясь Нейритоном, низким мысом рядом с их домом. Сам Деккер думал, что мыс весьма симпатичен, но Исса настаивала, что он несравненно прекрасен. Почти каждый вечер они плавали там, чтобы Исса могла наслаждаться его видом. Теперь же она вообще не хотела сесть в лодку.

— Может, покатаемся на лодке после обеда, а, Исса? — сказал в качестве эксперимента Деккер. — Мы могли бы поплавать у Нейритона.

— Только не сегодня, Дик, — ответила она. — Я немного устала. Как-нибудь другой раз.

Деккер не стал настаивать. В этот момент как раз пришла Меган — она работала полевым антропологом возле Стэтира, но взяла отпуск и жила пока что у них, — бормоча извинения за опоздание. Они расположились на кушетках в столовой. Исса нажала кнопки, заказывая обед.

Обед подходил к концу, когда Меган, заботливо склонившись к Иссе, сказала:

— Почему ты ничего не ешь, Исса? Вообще ничего. Я наблюдала за тобой. Попробуй-ка хотя бы суфле. Оно на самом деле хорошо. Я сама ввела в робота этот рецепт.

— Ты слишком волнуешься обо мне, Меган, — тихонько ответила Исса. — Просто сегодня вечером я не голодна. Слишком хорошо позавтракала.

Деккер знал, что это не так. Он был с Иссой за завтраком, и она ни к чему не притронулась, хотя пыталась сделать вид, что наслаждается едой. С каждым днем она ела все меньше.

Когда появился десерт, Исса встала с кушетки — двигаясь, как всегда, красиво, точно танцовщица, — и подошла к радужным окнам. Из них был виден сад и маленький частный причал.

— Собирается дождь, — с удовлетворением в голосе сказала она, как венериане всегда говорят о дожде. — Но сначала будет электрическая буря. Мне кажется, сильная.

Деккер с тревогой вздрогнул. Приехав на Венеру, он добился у здешнего правительства, чтобы его назначили океанографом — еще до того, как встретился с Иссой, — но ему не нравились электрические бури. В доме, конечно, было совершенно безопасно. Как и все здания на планете, дом был оснащен мощными громоотводами. Но его всегда пугала безудержная, неодушевленная, элементарная ярость венерианских энергетических бурь. И словно в поддержку его беспокойства, вдали прогремели раскаты грома. Молния ударила за много километров отсюда, но гром был поразительно громкий.

Меган встала и подошла к стоящей у окна Иссе. Ее желтовато-коричневая кожа и зеленое платье резко контрастировали с бледным, лунным очарованием Иссы. Мгновение они стояли рядом. Затем Исса отвернулась.

Раздался еще один удар грома, гораздо ближе предыдущего.

— Будет сильная буря, — сказала Деккеру Меган. — Я всю жизнь прожила на Венере, но так и не могу привыкнуть к ним.

— Они тоже приносят пользу, — рассеянно ответил Деккер, думая о том, почему Исса больше не хочет любоваться Нейритоном. — Такие бури связывают много атмосферного азота.

— Ты говоришь как агроном, а не океанограф, — рассмеялась Меган. — Связывают азот! Нужно нечто большее, чтобы примирить меня с ними... А куда ушла Исса?

Нотки тревоги в ее голосе встревожили Деккера. Пораженный, он завертел головой. Иссы в комнате не было.

— Наверное, поднялась наверх, — быстро сказала Меган. — Просто я не слышала шагов. Интересно, что, если...

Потрясающий удар грома заглушил ее последние слова. Весь дом, казалось, закачался на волнах ослепительно-белого света. Меган подскочила к окнам.

— Исса вышла наружу! — закричала она пораженным голосом.

Деккер метнулся к двери. Итса снаружи? Ее же может убить молнией!..

Меган побежала за ним. Догнала, обхватила руками, попыталась остановить.

— Постой, Дик, подожди! — выпалила она.

— Она пытается убить себя!

— Нет, Дик, нет! — во весь голос заорала Меган, чтобы перекрыть удары грома, и в голосе ее прозвучало нечто такое, что Дик замер и уставился на нее. — Она знает, что делает, — более спокойно продолжала Меган. — Дай ей побывать одной! Она же сандрина, Дик...

— Ты хочешь, чтобы ее убило?

— Ей не будет вреда. Я наблюдала за нею всю жизнь. Я знаю ее лучше тебя. Ей это нужно. Погоди, Дик.

Деккер сделал было еще шаг к двери, затем остановился, мучаясь в нерешительности. Меган взяла его за руки и отвела к окнам.

— Смотри, — настойчиво сказала она.

Маленькими легкими шажками Итса шла по саду. Хотя небо изобиловало змеящимися штрихами ослепительного света, она шла так, словно танцевала под неслышимую музыку. Потом сад буквально затопило целое море ослепительного белого сияния. Дик почувствовал сильный запах озона. Он был уверен, что Итса погибла. Но нет. Она спокойно шла дальше сквозь бурю. Потом она вышла на причал. Оцепеневший, объятыый ужасом, Деккер видел, что шаги ее стали быстрее. Она спешила.

Подойдя к краю причала, она на мгновение остановилась, замерла — неподвижный силуэт на фоне кипящего пеной моря. Затем воздела вверх руки, словно ликующе славила небо. Не веря своим глазам, Деккер глядел, как она, казалось, ждала, сияющая и высокая, чтобы некое сверхъестественное, почти невыразимое восхищение покинуло ее.

Покинуло или, напротив, прибыло? Воздетые к небу руки,казалось, призывали что-то. И через секунду был получен ответ.

Казалось, раскололись небеса. Кипящие волны света затопили все вокруг, ошеломили, уничтожили. Земля задрожала. Разряд молнии был таким сильным, что Деккеру пришлось зажать руками и без того уж зажмуренные глаза. Это походило на конец света.

Когда он снова смог видеть, все было темно. Воздух наполняло ровное шипение проливного дождя. Электрическая буря закончилась. И нигде не было видно Итсы.

Меган повернулась к двери.

— Я думаю, сейчас она придет, — уверенно сказала она.

И чуть кивнула безучастно глядевшему на нее Деккеру.

Дверь тихонько открылась, вошла Итса. Первым впечатлением Деккера было то, что она стала выше, чем прежде. Она промокла до нитки, но сияла какой-то внутренней жизненной силой. Глаза

ее были широко открытыми и сверкали ликованием, губы изогнула неудержимая улыбка.

Деккер шагнул к ней. Теперь, когда Итса была в доме, в целости и сохранности, он в груди у него возник целый клубок чувств, и даже легкий оттенок ненависти.

— Зачем ты ходила на улицу, Итса? — требовательно спросил он.
— Пыталась меня напугать? Тебя же могло убить!

Итса прямо взглянула на него. Она все еще улыбалась, словно не могла сопротивляться потребности улыбаться без конца.

— Прости, что напугала тебя, Дик. Убить?.. О, нет. Я... — Она замолчала, затем продолжила так, словно приняла какое-то решение: — Дик, я никогда не умру.

Деккер услышал, как Меган с шумом втянула воздух. Долгую секунду он глядел на жену.

— Что... Что ты имеешь в виду? — наконец, спросил он.

Итса сделала небрежный жест легким движением запястья.

— То, что теперь я бессмертна.

— Итса, Итса, тебе не хорошо, — засуетился пораженный Деккер.

— Ты не в себе. Пойди наверх и отдохни, любимая. Я сейчас вызову врача... медсестру...

— Не надо, — сказала Итса.

Она глядела прямо на него, глаза в глаза, и через секунду Деккер был побежден. Все сомнения покинули его в этот момент.

— Сядьте, Меган и Дик, — немного рассеянно сказала Итса, говоря так, словно их поведение, в конце концов, почти не касалось ее самой. — Я все объясню вам, как смогу. Дик, когда я узнала, что потеряла *Видение*, — продолжала она, — мне хотелось умереть. Я попыталась скрыть это от тебя, потому что я любила тебя, но, думаю, это ты и так знаешь. Трудно было скрыть это. Все, что я любила, искалось, изменилось. И ты не был тем же самым, и даже маленький Дик. Я не могла видеть то, что так любила, когда у меня было *Видение*, например, Нейритон. И чем дольше жила я без *Видения*, тем сильнее понимала, что не смогу к этому привыкнуть. Сегодня вечером я была почти на пределе. Я по-прежнему любила тебя, Дик, но одной любви недостаточно. Я не понимала, как смогу жить дальше. И в то же время, — ликующая улыбка Итсы вспыхнула на мгновение, точно блеск лезвия меча, — в то же время я чувствовала, что мне придется продолжать жить. Я все поняла, когда нынче вечером началась электрическая буря. Даже странно, как внезапно я все поняла. Я вышла навстречу буре, чтобы питаться. Прости, что напугала тебя, Дик, но никакой опасности не было. Молнии, — и снова вспыхнула странная ее улыбка, — теперь молнии — моя новая пища.

Меган протянула руку к своей молочной сестре, протестующе и одновременно умоляюще.

— Исс, — тихонько сказала она, — Исс, ты уже не человек?

— Не в том плане, что ты имеешь в виду, — ответила Исс, и, секунду помолчав, продолжала: — О, я не совсем неуязвима, нет. Наверное, при определенных обстоятельствах меня можно убить. Но больше я никогда не испытала ни болезней, ни усталости, ни медленного, постепенного старения тканей тела, которое приводит к естественной и неизбежной смерти. И больше я никогда не смогу получать энергию прежним способом, каким получают люди из мертвого мяса животных или отнимая ее запасы у растений. И в освобождении от этого есть нечто такое... Я не могу продолжать это, но оно не прекращается и наполняет меня восторгом... Я думаю, вы никогда не сможете понять это. Я бы не смогла. Но что имеет значение теперь, когда у меня нет *Видения*? Все обычные люди живут без него. Теперь без него осталась и я.

Она легонько вздохнула и продолжала:

— Когда Памия Вер провела операцию на моем мозгу, она сделала нечто большее, чем намеревалась, что-то такое, чего никогда не посмеет попытаться сделать намеренно. Своим скальпелем она разбудила тот отдел моего мозга, которого нет у большинства людей и который существует даже у *санедрин*, отдел, который управляет более высоким метаболизмом. И этот мозговой центр постепенно пробудился во мне, и тело мое изменилось. Сегодня вечером я узнала, что стала кем-то иным, кем-то, кто может в буквальном смысле слова пытаться молниями во время энергетических бурь. Я чувствую, как отдаляюсь от вас. Дик и Меган, хотя прежде любила вас обоих. Теперь мне предстоит жить в изоляции, но изоляции не тоскливой и одинокой, а обширной и радостной. Я чувствую, как отдаляюсь от всех, кроме, возможно, маленького Дика. Он — мой сын, он — половинка *санедрина*. Мне очень жаль, что я ничем не могу помочь вам, Дик и Меган. Я помню, как прежде любила вас, поэтому была бы счастлива, если бы смогла сделать вам такой же подарок, какой сделал мне скальпель Пэмии Веры. Но это невозможно. Вы не *санедрины*. А вот для маленького Дика еще есть надежда. Я хочу попробовать дать ему то, что есть у меня. Если могу, то я хочу дать ему... — Исс на мгновение заколебалась, — ...бессмертную жизнь.

Деккер вскочил на ноги. Он понял, что в основе его страстных эмоций лежит страх, поэтому голос его был хриплым и резким.

— Успокойся, Исс! Ты не должна больше подходить к Дику, ты слышишь? Не должна глядеть на него, не должна его трогать! Я запрещаю тебе это!

Исс медленно склонила голову жестом, который мог быть знаком подчинения и согласия. Потом, ни слова не говоря, повернулась и пошла к лестнице. Они слушали ее легкие шаги, пока она поднималась наверх.

Деккер повернулся к Меган, которая тихонько опустилась в кресло.

— Она правда сошла с ума? — спросил он дрожащим голосом.

— Итса? О, нет! — Меган прижала руки к глазам и глубоко вздохнула. — Тебе нужно выпить, Дик, — сказала она. — Ты весь дрожишь. И сделай мне порцию.

Когда бокалы наполовину опустели, Меган продолжала:

— Нет, она совершенно нормальна, Дик. Ты ведь и сам это знаешь. Я думаю, все, что она сказала нам, верно. По легендам, первый *санедрин*, Ичачшар, жил почти тысячу лет и, наконец, был убит одним из своих завистливых детей. В легендах говорится, что он «питался светом».

Рука Деккера так задрожала, что напиток плеснул из бокала.

— Это было ужасно, — сказал он словно сам себе, — ужасно глядеть, как она стоит там, поняв кверху руки так, словно неистово радуется... Я потерял ее, Меган? Я думал, что после операции она мне все простит и будет любить меня дальше. Я знал, что она *санедрина*, но прежде она была такой человечной... Я не могу поверить, что это... что с ней произошло такое...

— Ты же знаешь, что это так, Дик, — сказала Меган.

Почти с минуту стояла тишина.

— Я завидую ей, — сказала, наконец, Меган.

— Завидуешь? — яростно воскликнул Деккер, и стукнул бокалом о стол, чтобы разрядить тем самым его напряженные нервы. — Завидуешь? Завидуешь тому, что она больше не человек, она в своем роде монстр, который питается энергией молний? Радуйся, что ты человек, Меган, и не говори так больше.

— О-о... Но кто хочет быть человеком, Дик? Так ли уж завидна наша судьба? Наша жизнь слишком коротка, слишком ограничена. Мы рабы времени, и постоянно обманываем, дурачим себя, но мы постоянно у него на коротком поводке. Мы живем не достаточно долго. В основе всех наших дел лежит ограничение во времени. Я помню, что, когда мне было лет пятнадцать, мне хотелось потратить два-три года на изучение флоры венерианских солончаков. Но у меня не было на это времени. А так как я не намеревалась сделать ботанику делом всей своей жизни, то не могла, как у нас говорят, «выкроить время» для изучения халофитов. Мы никогда не избавляемся от давления времени, даже в мелочах. Мы не читаем книг, которые хотели бы прочитать, не слушаем концерты, которые хотели услышать. Мир так полон, так богат, так разнообразен, что даже будь жизнь в десять раз длиннее, ее все равно было бы недостаточно. Сколько времени у нас отняла бы учеба, чтобы мы поняли и получили все, что является законно нашим? Но у нас лишь одна короткая жизнь. А теперь Итса сказала нам, что она

бессмертна. Что она не будет болеть, не станет стареть, а это всегда ведет к смерти. И ты удивляешься, что я завидую ей, Дик?

— Ты хочешь сказать, Меган, что хотела бы жить вечно? — спросил Деккер.

Он уже перестал дрожать.

— Да. А ты разве нет? Только ответь честно, Дик?

Долгая тишина.

— Конечно, хотел бы, — ответил Ричард Деккер.

ДЕККЕР ПРОСНУЛСЯ перед самым рассветом. Сердце бешено колотилось. Еще не открывая глаз, он пошарил рукой в поисках лежавшего рядом с ним маленького Дика и обнаружил, что мальчик исчез.

Он сразу же понял, что произошло. Терзаемый нехорошими предчувствиями, он бросился в комнату Иссы и нашел ее пустой. Не было, также, и некоторых ее предметов туалета, а в детской он увидел, что пропали одежда и игрушки Дика.

В детскую вошла Меган. Она была в тонкой зеленой рубашке, застегнутой на плече застежкой, волосы всклокочены после сна.

— Я услышала, как ты бродишь, — сказала она. — Что случилось?

— Она забрала сына, — ответил Деккер. — Они ушли. Но как? Куда?

— Причал, — быстро сказала Меган. — Наверное, она взяла одну из лодок.

Они пошли, вернее, побежали к причалу в утреннем тумане, от которого волосы Меган моментально стали влажными. В эллинге были спокойно пришвартованы акваглайдер и пассажирская яхта «Трипхе», но не было маленького парусного шлюпа.

— Я должен поймать ее, — сказал Деккер. — Я должен найти ее и вернуть. — Он замолчал, подумав о том, где на всем этом вспененном пространстве, занимающем девять десятых поверхности Венеры, может быть Исса.

— Ты должен поймать ее, Дик? — медленно переспросила Меган.

— Но ведь она не преступница. Она любит маленького Дика. Он ее родной ребенок.

— Я не могу потерять еще и его, — в отчаянье заявил Деккер.

— Он также и мой сын. Разве у меня нет на него прав? И, кроме того, Меган, Исса... она больше не человек. Ты же слышала, что она говорила вчера вечером, рассказывала, что чувствует, как отдаляется от нас. Она оценивает все уже не так, как мы. Мальчик *сандерин* лишь наполовину. И я боюсь, что, пытаясь сделать его бессмертным, она может... может... — горло у него перехватило и голос прервался, но Деккер сделал над собой усилие и сказал почти по складам: — может убить его.

Желтовато-коричневые глаза Меган округлились. Секунду спустя она кивнула:

— Да, хорошо. Разумеется, я поеду с тобой, Дик. Мы поедем быстрее, если будет кому сменять тебя у руля. Но хотела бы я знать, куда она может отправиться.

— Разумеется, куда-то не очень далеко, — сказал Деккер, размышляя вслух. — Если бы она отправилась далеко, то взяла бы «Трипхе». Но парусная шлюпка хороша для коротких поездок, а она всегда предпочитала паруса двигателям. Поэтому ей никогда не нравилась яхта. Нет, она не могла поехать далеко — разве что планировала попасть в одно из Западных Течений, которое само понесло бы ее. Некоторые Течения очень быстры. Она может уплыть дальше, чем я думаю, если воспользуется им.

— Не думаю, что она сделала это, — нахмурилась Меган. — Она совершенно одна и если собирается сделать... сделать то, что ты предположил, с маленьким Диком, ей будет нужно специальное оборудование. — Она снова нахмурилась и погладила ладонью щеку. — Знаешь, думаю, я знаю, куда она могла поплыть. Это не очень далеко отсюда. В Хермейю, Дик.

— В Хермейю? Но зачем ей туда? Это же не столица, и даже не большой город.

— Да, но это самый старый город *санедринов*, первый, который они построили, когда стали распространять цивилизацию по всей Венере. Он всегда был более *санедринский*, чем любой другой город. Я думаю, Итса может обратиться к своим людям за помощью.

Деккер задумчиво покусал нижнюю губу.

— Наверное, ты права, — сказал он, принимая решение. — Поедем за ней в Хермейю. Нужно немедленно собирать вещи и продовольствие.

БЫЛ УЖЕ РАЗГАР дня, когда «Трипхе» покинула маленький пирс. Когда они пошли по бирюзовой воде, оставляя за собой пенистый след, Деккер почувствовал, как поднимается у него настроение. Боль от утраты Итсы, — которую, как он теперь понимал, он потерял безвозвратно, не стала слабее, но как-то отстринилась от него самого. По крайней мере, был шанс, что он вернет маленького Дика. Меган, стоявшая рядом с ним, успокаивающе улыбнулась ему.

— Не волнуйся, — сказала она, повышая голос, чтобы перекричать шипение воды. — Все будет в порядке!

— Надеюсь, что так... Меган, когда ты жила с отцом и матерью Итсы, как это было?

— Что было? А-а, Они были добры ко мне, очень любезны. Я любила их. Большинство родителей и в половину не так добры. Но они были странными, Дик. Ты даже не представляешь, какими странными. Странными *санедринами*! А почему ты спросил?

— Из-за малыша Дика, — ломким голосом ответил Деккер. — Я подумал о нем. Он... Я люблю его. Я горжусь им. Он красивый

ребенок. Но иногда он такой странный, гораздо более странный, чем была Иssa. Знаешь, что она стала делать перед несчастным случаем? Она учила его читать, читать, хотя ему не было еще и двух лет и он даже не умел разборчиво говорить. Но он научился читать простые предложения. Я нежно люблю его, Меган. Но я немного его боюсь.

— *Санедрин*, — задумчиво протянула Меган. — Он *санедрин*.

Были уже глубокие сумерки, когда они добрались до Хермейи. На улицах загорались зеленоватые огни. Они пришвартовали Трипхе на общественном причале для маленьких суденышек и пошли по холмистому городу. Меган шла впереди.

Когда они бодро шагали по улицам, Деккер стал понимать, что Меган имела в виду, когда сказала, что Хермейя самый «санедринский», чем все другие города. Не чувствовалось, что Хермейя очень древний. Хотя время выщербило стены домов, сделанных из черного базальта, над городом висел какой-то особый аромат, указывающий, что само время здесь теряет смысл, что «вчера», и любые «вчера» до него, вечно сосуществуют с «сегодня».

Отсветы уличных фонарей маслянистыми зеленоватыми лужицами лежали на полированных черных ступенях лестниц, по которым они поднимались. Когда они забрались настолько высоко, что увидели лежащую внизу гавань, Деккер спросил:

— Куда мы идем, Меган?

— Повидать Пэмира Шана, — ответила Меган, чуть-чуть задыхаясь, и рассмеялась. — Я даже не подумала о том, чтобы взять напрокат машину, — призналась она. — Но, во всяком случае, мне кажется, в Хеормейи и нет машин напрокат. А, кроме того, осталось уже немного. Пэмир Шан старик, очень старый историк. Он был близким другом дедушки Иssы. Я знала его, когда была еще маленькой девочкой. И я думаю, что Иssа могла пойти именно к нему.

В доме Пэмира Шана, стоявшем в маленьком сырором саду, было темно, но Меган решительно пошла к двери.

— Он не спит, — пояснила она Деккеру. — Просто ему не нужно освещение, ведь у него есть *Видение*.

И она решительно постучала в дверь.

Дверь открылась почти сразу же. Человек, стоявший за ней, был стар, так стар, что даже слегка утратил типичную осанку *санедрин* и немного сутулился. На нем была длинная туника из белого волокна *бисса*, а на руках медные браслеты. Секунду он озадаченно глядел на них. Затем лицо его прояснилось.

— Я не сразу узнал тебя, маленькая Меган. Ты изменилась. А это с тобой Дик, муж Иssы, не так ли? Входите, входите же. Рад вас видеть. Я ждал вашего появления.

Он провел их через дом в кабинет, находившийся в дальнем конце. Когда он зажег лампу-тройник, Деккер увидел, что

помещение, хотя и просторное, было так заполнено книгами, свитками и табличками, что напоминало неглубокую пещеру, старательно выдолбленную в твердой скале. Повсюду стояли прозрачные емкости с какими-то предметами и артефактами.

— Пожалуйста, садитесь, — вежливо сказал Пэмир Шан. — И простите меня, если я тоже сяду. Я считаю, что стоять в моем возрасте весьма утомительно.

— Здесь появлялась Исса, Шан-я? — небрежно спросила Меган, присев на краешек стула.

— Да. Рано утром. — Пэмир Шан соединил кончики пальцев и с какой-то неудовлетворенностью принял разглядывать свои ногти. — Наверное, я стал слишком стар, и не осознаю этого, — сказал он как бы самому себе. — Я, наверное, не понял, что с ней что-то произошло? Но я действительно потерпел неудачу и лишь увидел, что выглядит она замечательно, хотя и несколько отстраненно. Я даже удивился, как может она так прекрасно выглядеть, потеряв *Видение*. Она сидела вон там, на стуле, — Пэмир Шан показал рукой, — с ребенком на коленях, и мы беседовали. Обменялись новостями о знакомых. Затем она сказала, что слышала, что я написал статью о Иачашаре, первом из *санедрин*. Она попросила дать ее прочитать, я взял с полки статью и дал ей. Я думаю, мне было немногого лестно. Она тут же прочла статью, пока маленький Дик все также сидел у нее на коленях. Потом рассмеялась и сказала: «Вот здесь ты ошибся, Шан-я. Как-нибудь я расскажу тебе поподробнее». Когда же я спросил, что она имеет в виду, Исса снова рассмеялась. Она вернула мне статью, сказав, что та хорошо написана. — В голосе Шана прозвучала отдаленная гордость. — Мы еще немного поговорили, затем Исса ушла. После ее ухода я обнаружил, что она кое-что взяла с собой. Она взяла ключ Гветингримма.

Эта фраза ничего не значила для Деккера. Он взглянул на Меган и с удивлением увидел, как лицо ее бледнеет, несмотря на загар.

— Ключ? — почти шепотом переспросила она. — Она взяла Ключ?

— Да. Он был вон там, — Шан указал на одну из коробок с хрустальной крышкой.

Деккер видел, что коробка пуста, а крышка с одной стороны потрескалась.

— Затем я понял, что произошло и почему она забрала Ключ, — продолжал Пэмир Шан. — Она взяла с собой также и Айвора. Но это уже неважно. Важно то, что она взяла Ключ. Это очень опасно. Вы должны пойти за ней.

— Мой сын в опасности? — спросил Деккер, чувствуя, как ледяная рука сжимает ему сердце.

Пэмир Шан едва заметно пожал худыми плечами.

— Боюсь, что да, — мрачно ответил он. — Но есть кое-что важнее жизни любого ребенка. Ключ очень могуществен. Это тайна

санедрин. Украв его, Исса украла то, чем можно менять и управлять геодезическими электромагнитными потоками Венеры. Наша планета расположена близко от Солнца. Потоки очень сильны. Если Ключ использовать неправильно... — голос Пэмир Шана на секунду прерывался, — ...Исса может вызвать движение коры планеты.

Меган поднесла ко рту тыльную сторону руки и впилась в нее зубами.

— Я знала, что это священный предмет, Шан-я, — сказала она, — но не думала, что он настолько силен.

— Вы не *санедрина*, — сказал стариk с тенью улыбки. — Мы храним свои тайны. Но хуже всего то, что я не осмеливаюсь послать за Ключом одного из нас. Я не осмеливаюсь, и поверьте, это горькое признание. Я думаю, мы, *санедрины*, сделали много добра для Венеры. Мы любили ее и служили ей, и даже пусть мы не ведем свой род с этой планеты, — а я уверен, что так оно и есть, — мы вполне заслужили ее. В настоящее время среди венериан появилась мода посмеиваться над нами, считать нас странными и устаревшими. Но это добный смех. Они относятся к нам, как выросшие дети относятся к своим родителям. Мы не возражаем. Хорошие родители желают, чтобы их дети выросли. Видите ли, я хочу сказать, что у нас, *санедрин*, есть причина гордиться собой. Мы служили Венере, были самоотверженны и бескорыстны. Но мы все же люди, а, следовательно, несовершенны. То, чем владеет сейчас Исса, могло бы соблазнить даже ангела. Я не осмеливаюсь послать за ней *санедрина*, имеющего такие же способности, что и она. Они заставили бы ее силой, если бы она не передала им свой дар добровольно. И как только бы они стали бессмертными и вкусили бы пищу вечности, которую ела она... Власть портит. Даже Исса, несмотря на отстраненность, которую я почувствовал в ней, может быть развращена этой властью, и тогда среди *санедрин* начнется борьба, братоубийство, и в конце — абсолютная власть развращает абсолютно, — возникнет династия вечных *санедрин*. Это был бы позор из позора, если бы мы, кто сделал так много для нашей планеты, закончили тем, что поработили ее.

Нижняя губа Пэмир Шана задрожала. Деккер видел, что оскорбление и страх довели старика, несмотря на его сдержанности, почти что до слез.

— Вы должны пойти за ней, — закончил Шан. — Вы должны вернуть Ключ Гветингримма. А теперь Дик, муж Иссы, выйди, пожалуйста. Мне нужно поговорить с маленькой Меган наедине.

Деккер ждал во влажной духоте маленького сада, замечая, каким неподвижным стал воздух. Ни один лист не шелохнулся. Казалось, их прижал сам отяжелевший воздух.

Потом из дома вышла Меган. Когда они пошли вместе к гавани, Деккер спросил:

— Что сказал тебе старик?

— Он рассказал мне, как использовать Ключ, — ответила Меган. — Он рассказал, где найти Гветингримм.

Когда они вернувшись к «Трипхе», та покачивалась у пирса на гладкой, маслянистой воде. Подул устойчивый ветерок, но его силы было еще недостаточно, чтобы нарушить безмятежность темной, гладкой, как стекло, воды. Деккер подумал, что, наверное, собирается дождь.

В каюте Меган зажгла лампу и достала папку с картами.

— Я покажу тебе, где Гветингримм, — сказала она. — Шан-я сказал, что тебе можно показать.

— Что такое Гветингримм? Город?

— Нет, остров, — рассеянно ответила Меган, ища нужную карту.

— Это место, где на Венере впервые появились *санедрины*. Но с тех пор ни один из историков не мог найти это место... Это примерно здесь, — Она обвела указательным пальцем кружок на карте, которая, как и большинство венерианских карт, не показывала ничего, кроме различных оттенков синего, указывающих на глубину воды.

Деккер поглядел, куда указывала Меган.

— Но там же нет никакой земли, — с сомнением сказал он.

— И тем не менее, Гветингримм там, — возразила Меган. — А теперь слушай, Дик. Вот как мы должны плыть. Мы должны направиться под парусом из Хермей на восток, Пока не доберемся до Западного Течения. Затем течение понесет нас в течение двадцати шести часов. А затем... — Меган заколебалась. — Шан-я велел мне завязать тебе глаза и управлять яхтой самой. Но он разрешил мне сказать тебе, что мы найдем течение, которое принесет нас прямо к Гветингримму.

— Течение, направляющееся отсюда сюда? — недоверчиво сказал Деккер, указывая на точку в запутанном курсе Западного Течения, а затем на область, которую показала на карте Меган. — Но здесь нет такого течения. Уж я-то знаю. Я ведь океанограф.

— Но ты знаешь не все, — ответила Меган и начала складывать карту. — Если Шан-я сказал, что есть течение, которое принесет нас к острову, то можешь быть уверен, что такое течение существует. — Она поставила папку с картами на полку.

Покачивание «Трипхе» стало заметнее.

Деккер вздохнул и устало провел рукой по глазам.

— Да, хорошо, — сказал он. — Мы должны довериться старику. Кстати, Меган, а что это за айвор, который взяла с собой Иесса?

— Айвор не вещь, а человек, — улыбнулась Меган. — Юноша, внук Шан-я.

— Паршивая овца? — что-то в тоне Меган заставило Деккера задать этот вопрос.

— Нет, не совсем так. У Йотора, сына Шана, возникли отношения с той, которую Шан назвал «никчемной земной девчонкой», и Айвор был плодом этих отношений. Ему не хватает силы характера, чтобы стать хоть кем-то, неважно, хорошим или плохим. Шан-я сказал мне, что тому вообще не следовало рождаться. Но, тем не менее, он заботится о внучке и дает ей всякие мелкие поручения. Наверное, Иесса решила, что он может быть ей полезен.

В дверь каюты постучали. Деккер открыл. За дверью стоял человек, одетый в темно-синий китель чиновничего аппарата Венеры.

— Управляющий пристанью, — представился он и откашлялся.
— Пришло штормовое предупреждение. Шторм приближается с юго-востока. Есть опасения, что он достигнет ураганной силы. Всем маленьким кораблям рекомендуется оставаться в порту на последующие сорок восемь часов. Вы предупреждены.

Деккер подумал, что чиновник говорит так, словно зачитывает из журнала сводку погоды.

— Спасибо, — ответила Меган.

Управляющий кивнул и повернулся. Они слышали, как он поднимается обратно на причал.

Деккер и Меган обменялись взглядами.

— Мы не можем ждать, — почти виноватым тоном сказал Деккер.
— Сорок восемь часов — это слишком много. Придется рисковать.
— Я понимаю, Дик. Все в порядке. Я не боюсь. Ты позволишь мне немного встать за управление? А ты бы пока отдохнул.

И хотя на протяжении всей ночи ветер медленно, но устойчиво свежел, Деккер надеялся, что «Трипхе» сумеет избежать шторма. На рассвете, он понял, что ошибался. Небо, вместо того, чтобы засветиться обычным жемчужным светом, с которым рассвет пробивается через толщу покрывающих Венеру бесконечных облаков, приняло зловещий зеленоватый оттенок. Мертвенно-бледное, испещренное желтовато-оранжевыми полосами, небо выглядело как громадный синяк. А возле зенита начинали формироваться тяжелые штормовые тучи.

Меган, спавшая в каюте на диване, проснулась и прошла к Деккеру.

— Наверное, мы все-таки попадем в шторм, — сказала она в ответ на его невысказанный вопрос, в то время, как дождь уже грохотал по хрустальному пузырю каюты. — В самом ли деле все плохо?

— Хуже я и представить не могу, — отозвался Деккер. — «Трипхе» всего лишь прогулочная яхта.

— Понятно... — Меган зевнула и вздрогнула. — Поскорее бы все это кончилось, — сказала она. — Я сделаю горячий напиток. Не хочу просто сидеть и ждать, пока начнутся неприятности.

И она занялась плиткой на камбузе.

Ждать Меган предстояло не очень долго. Пока они пили обжигающий теобромин из массивных кружек, маленькую «Трипхе» уже качало так, что трудно было устоять на ногах. Стрелка барометра неудержимо падала и стояла уже почти вертикально.

Деккер побыстрее проглотил напиток и вручил Меган пустую кружку. Дождь падал уже сплошными горизонтальными полотнищами. Прищурившись и чуть наклонившись, Деккер пытался хоть что-нибудь разглядеть впереди. Но видимость была нулевой. Небо исчезло, словно стертое с доски, не было больше ни воздуха, ни воды. И даже волны, громадные, как холмы, Деккер скорее инстинктивно ощущал, чем видел.

Даже шум бури был страшным, Казалось, он физически бил по мозгу. Разум был застывшим, парализованным им. Оглушительный, жаждущий, отвратительно злорадствующий, это был глас чистой, непримиримой ненависти.

Меган вцепилась мертввой хваткой в стойку, чтобы устоять на ногах. Губы ее побелели. Деккер знал, о чем она думает. При таком сильном штурме всегда существует возможность появления *чангасы*, непредсказуемой, непостоянной чудовищной волны, которой венериане дали имя «убийца кораблей». Поскольку моря Венеры были глубиной в несколько километров, *чангаса* могла, теоретически, быть громадной моши и высоты.

Деккер боролся, чтобы «Трипхе» не уклонялась от курса. Пока она шла носом к волнам, все было в порядке. Двигатели работали ровно, и яхта держалась на воде, как пробка. Но если она станет хотя бы на несколько градусов боком... У Деккера уже заболели руки, устав держать штурвал.

«Трипхе» неустранимо взбиралась по гладкому склону и тут же ныряла вниз. Если она чуть задерживалась, зеленая вода накрывала ее. Но она храбро пробивалась своим путем, как боксер, который уклонялся от ударов, но все равно шел вперед. Деккер слабо улыбнулся. Он гордился своим умением управлять яхтой.

Запястья и плечи ужасно болели. И по мере усиления усталости, Деккер заставлял себя быть еще внимательней. Хотя было уже почти десять утра, мир вокруг «Трипхе» по-прежнему окруживали маниакальные сумерки. Если бы он только мог закрыть глаза... Если бы он только мог хоть ненадолго закрыть глаза...

«Трипхе» слишком медленно начала подниматься на очередную кручу волны. Деккер надеялся на ее плавучесть, готовясь бросить ее в темную пучину между волнами.

Секунда длилась бесконечно. Яхта, казалось, заколебалась. А затем, задрожав, Деккер понял, что позволил судну уклониться от курса.

Он дико вывернул штурвал. Но было уже поздно. Волна уже летела на них.

Она ударила прямо в бок. «Трипхе» закачалась. Секунду Деккер был уверен, что она выдержала. Потом она снова принялась взбираться на кручу. Деккер отчаянно пытался повернуть штурвал. «Трипхе», казалось, задыхалась и дергалась. Она больше не слушалась руля.

Деккер тут же понял, что произошло. Волна разбила боковой реактивный двигатель. Центральный двигатель, как и дюзы другого борта, работали по-прежнему, но «Трипхе» стала неуравновешенной, как птица с одним крылом.

Рука Деккера метнулась отключить боковые двигатели. После этого он снова смог управлять яхтой. Но проблема теперь состояла в том, что мощность двигателей сократилась на две трети, так что яхта уже не могла сопротивляться шторму.

Следующая волна накрыла ее широким полотнищем. Снова кругом возникла ревущая чернота, словно при потере сознания. Но отключение боковых двигателей все же вернуло яхте стабильность. На секунду она встала почти вертикально, но Деккер, с залитым потом лицом, сумел вернуть ее на курс.

Меган скользнула к парусному шкафчику. В руке ее появились большие обручи морского якоря. Деккер одобрительно усмехнулся ее сообразительности, но отрицательно мотнул головой, когда она направилась к двери каюты. Морской якорь немного помог бы охромевшей «Трипхе». Но установить его сейчас было совершенно невозможно.

Тем не менее, шторм начал медленно стихать. Небо стало ощутимо светлее, волны – ниже. Ошеломительный гул шторма превратился в свист сильного ветра. Хотя Деккер знал, что это всего лишь означает, что они приблизились к «глазу бури» – области относительного спокойствия в центре урагана, – он рад был отсрочке. Если она продлится хотя бы минут двадцать, он сумеет бросить плавучий якорь и восстановить турбореактивный двигатель.

Внезапно «Трипхе» оказалась в спокойном море. Небо было свинцовым, воду бороздили небольшие черные волны, но из-за внезапного прекращения шума и ярости Деккеру показалось, будто яхта скользит в полном вакууме.

Передав штурвал Меган, Деккер вышел наружу. Плавучий якорь он установил так, чтобы яхта была направлена носом навстречу ураганному ветру, когда тот снова поднимется. Затем, попросив Меган поставить такой же якорь на корме, – она ходила на парусниках с тех пор, как ей исполнилось пять лет, и была столь

же компетентным моряком, как и он сам, — Деккер спустился вниз и полез в сложные внутренности двигателя.

Как и опасался, он обнаружил, что двигатель не подлежит ремонту вне доков. Удар волны скрутил прочные лопасти винта в сплошную массу. На «Трипхе» были запасные части, но на замену винта ушло бы несколько часов. Так что им предстояло пройти через вторую половину шторма только с центральным двигателем.

Он вылез наверх. Меган уже установила якорь на корме и занималась еще одним на носу.

Пару секунд он наблюдал за ней и не только из-за физической усталости. Деккер чувствовал странное облегчение, глядя, как быстро, изящно и решительно она работает.

Но что заставило его оторваться и закрутить головой по сторонам? Может, потемневшее небо? Но оно уже было темным. Также не было никакого шума — *чангаса* бесшумна. Может, дуновение ветра в щеку или предупреждение той загадочной силы, которая именуется инстинктом? Деккер поиском увидел по носу целый Эверест воды.

Долю секунды он глядел на него, сжатый тисками непреодолимого страха. Затем метнулся к Меган и швырнул ее на палубу.

Вцепившись обеими руками в кнехт на палубе «Трипхе», он нашарил ногами другой. Теперь главной задачей было прижать своим телом Меган к палубе так, чтобы даже *чангаса* не смогла смыть ее за борт. Только на это он мог надеяться.

Раздался низкий рев. Деккер еще нашел время подумать, почему космос счел необходимым задействовать такую мощь, чтобы уничтожить два таких крошечных разумных атома, как он сам и Меган? А затем пришла волна.

Это было неописуемо. Большую часть времени Деккер находился в полуబессознательном состоянии. Он задыхался и боролся за каждый глоток воздуха. Под тоннами воды кости его стали плющиться, точно воск, и он почувствовал себя морской звездой, распластанной на берегу. На миг в левой руке вспыхнула боль, но тут же стала очень далекой и незначительной по сравнению с отсутствием воздуха. Лишь что-то в его голове продолжало монотонно повторять: держись, держись, держись...

Потом волна склынула. Деккер, едва шевелясь, сполз с Меган и попытался сесть. При каждом движении изо рта и носа текли потоки воды. Он облокотился на правую руку, опустил голову, и его вырвало. Левая рука не работала, очевидно, была сломана локтевая кость. Деккер слишком устал, чтобы испытывать какие-либо эмоции по поводу того, что остался жив. Он посмотрел на Меган. Волна стащила тунику с ее плеч так, что она была обнажена до пояса, и, казалось, не дышала. Подтянув ее к себе, Деккер увидел, что левая сторона ее лица от виска до подбородка влажная от крови. Плечо

представляло собой сплошной кровоподтек. Подул ветер. Очень скоро, буквально через секунды, «Трипхе» окажется во второй половине шторма. Почти вконец обессиленный, потащил Меган в каюту. По пути он с несказанным облегчением увидел, что она начала дышать. К тому времени, как он дотащил ее до двери, она уже слабо шевелилась. Оказавшись в каюте, Деккер достал из аптечки готовый шприц и сделал себе инъекцию глюкозы. Потом принял пару таблеток обезболивающего. Когда в голове прояснилось, он сделал то же Меган — она лежала на диванчике, дрожащая, с трудом дышала, так что он закончил лечение, смазав бальзамом ее лицо. Затем пошел к штурвалу, чтобы провести «Трипхе» через вторую половину шторма.

То, что последовало дальше, запомнилось ему темнотой, пронизанной ярко-белыми вспышками боли. Периоды умственной вялости чередовались со вспышками лихорадочных мыслей. Часть времени, когда рука болела особенно сильно, у Деккера вообще не было никаких мыслей в голове. При этом он не забывал раздраженно ругаться и жаловаться Кому-то, что Он совсем сошел с ума, ожидая, что Деккер сумеет провести яхту через бурю, действуя всего лишь одной рукой. Но, так или иначе, он все же провел ее. Помогли оба плавучих якоря. «Трипхе» осталась на плаву. Они с Меган выжили.

Потом почти двадцать часов они лежали под спокойным небом, пока судно едва дрейфовало по неподвижному морю, отсыпались и отдыхали. Потом, действуя одной рукой, Деккер починил двигатель, а Меган, собравшись с силами, зафиксировала ему сломанную руку, действуя строго по учебнику срочной помощи; она тянула и ставила на место поломанные кости со спокойствием больничной медсестры. Но когда рука была уже в шине, Меган разразилась бурными слезами. Деккер был странно рад этому, хотя сам не мог бы сказать, почему. Потом, отдохнув, Деккер встал за штурвал и направил «Трипхе» на восток. Они потеряли довольно много времени, но все равно меньше, чем если бы остались пережидать шторм в порту Хермейя. На второй день плавания они достигли Западных Течений. Потом двадцать шесть часов яхта неслась в спокойном открытом море. Затем Меган завязала Деккеру глаза и приняла управление на себя. Он понятия не имел, куда они плывут и с какой скоростью. А на четвертый день они прибыли в Гветингримм.

ОН СОВЕРШЕННО не походил на то, чего ожидал Деккер. Он представлял себе город, старинный город, как Хермейя, стоящий на маленьком зеленом острове посреди моря. Он думал, что они увидят жилые здания, причалы, доки, покинутые и полуразвалившиеся. Но Гветингримм выглядел так, словно тут никогда никто не жил, и сам он был непригоден для жилья. Это был

высокий остров, весь из диких скал и утесов, громоздящихся один на другой и тянувшихся к небесам. Очертания скал походили на фантастические башни, минареты, готические шпили, и были они всех цветов радуги: красных и зеленых, коричневых, оранжевых, цвета киновари и темно-синими. Деккер поднимал взгляд все выше, от вершины к вершине, и вскоре понял, что самая вершина острова скрывается в облаках.

Они дважды обогнули остров в поисках места, где можно встать на якорь, прежде чем обнаружили крохотный, почти не имеющий выхода в море заливчик. На гладкой воде внутри него стоял шлюп, который пришвартовала к берегу приехавшая сюда Иssa.

Деккер очень осторожно ввел «Трипхе» в залив, опасаясь подводных камней. Потом поставил ее к каменистому утесу, стоящему почти у самого края воды.

— Этот остров наверняка вулканический, — сказал он Меган, стоящей рядом на палубе. — Он был создан извержением, а после разрушен. Но ты же сказала, что это то место, где на Венере появились *санедрины*? Здесь? Не понимаю. Как мог кто-то жить здесь, хотя бы и *санедрины*?

— Да, они появились здесь, — ответила Меган. — Как именно?.. — Она подала плечами. — Кто знает, кто знает...

Деккер выбрался на берег и помог Меган. На мгновение он заколебался. В окружающих скалах не было и намека на тропинку. Затем он повернулся и полез наверх.

Они поднялись, возможно, на километр, с большими трудностями и потратив много времени в поисках обходных путей, когда появилась Иssa.

Казалось, она вышла прямо из скалы. Даже при полном дневном свете ее тело, будто слабо светилось. И без всякого удивления Деккер заметил, что ноги ее вообще не опираются на скалу.

— Я видела, как вы приплыли, — сказала она без всяких предисловий. — Мне жаль, что вы так пострадали в шторме. Но зачем вы приехали мешать мне? Почему вы не можете оставить меня в покое?

Деккер шагнул вперед. Сердце его бешено колотилось.

— Я приехал за сыном, — ответил он. — За малышом Диком.

— Его родила я, — ответила Иssa. — Я тоже люблю его. Вы оба не понимаете... нет, не спорьте, я же вижу, что не понимаете. Ладно, я покажу его вам. Но затем вы уедете. Я не хочу, чтобы меня тревожили.

Не дожидаясь ответа, она повернулась и пошла в гору. Они с трудом последовали за ней. Время от времени Иssa останавливалась и поджидала их.

Наконец, они влезли на маленькую площадку, чуть шире, чем простой выступ в скале. Там был круглый вход в пещеру.

— Дик внутри, — сказала Итса. — Но... — Она развела в стороны руки, словно не хотела пускать их в пещеру, — его нельзя трогать. Понимаете? Если кто-то из вас дотронется до него, то он умрет. Его нельзя трогать.

Она опустила руки. Деккер и Меган вошли в пещеру. Несколько секунд Деккер ничего не видел. В пещере — круглой, как пузырь, вынутый из скалы, — горели тусклые огоньки и метались какие-то тени. Затем, когда немного привыкли глаза, Деккер разобрал на противоположной стороне две голубоватые, люминисцирующие массы. От них шли какие-то трубы кциальному аппарату с пультом и кнопками. А на каменном возвышении между двумя огнями лежал маленький Дик.

Деккер в ужасе открыл рот. Он слышал, как рядом вскрикнула Меган. На мгновение он не мог поверить своим глазам. И это малыш Дик? Что же, какая сила превратила здорового ребенка в жалкую кучку почти голых костей?

Он неистово повернулся к Итсе.

— Что ты сделала с ним? — воскликнул он голосом, полным гнева и отчаяния. — Ты убила его? Он... он мертв?

— О, нет. Это необходимо, Дик. Должен сначала пройти период катаболизма прежде, чем начнется анаболическая фаза. Он не страдает, он ничего не чувствует. И опасности почти нет. Только если потревожить его.

— Но как ты могла так рисковать? — спросила Меган с перекошенным от ужаса лицом. — Как можешь ты выносить это зрелище? Это же твой родной ребенок!

— Как я могу? — рассмеялась Итса. — Пойдемте наружу, Дик и Меган, и я вам покажу.

Когда они направились к выходу, что-то шевельнулось в тенях в дальнем углу пещеры. Меган обернулась.

— Что там? — тревожно спросила она.

— Это? Всего лишь Айвор, — безразличным голосом ответила Итса. — Он помогал мне. Идемте же наружу, Меган и Дик.

Она провела их шагов пятьдесят по выступу, затем остановилась.

— Стойте здесь, — велела она. — Нет, Меган, немножко дальше. Вот так...

Меган отпрянула, глядя вниз с обрыва у ее ног.

— Ты используешь Ключ, Итса? — спросила она.

Деккер проследил за ее взглядом. В скале была мелкая ниша около метра шириной, а в центре ее — отверстие, уходящее на неизвестную глубину. Из отверстия торчала труба из прозрачного металла.

Под самым концом трубы, служащий для нее опорой и тянувшийся поперек ниши, находился мелкий бассейн из хрусталия в форме подноса. Бассейн был полон до краев какой-то жидкостью, прозрачной, как вода, но гораздо более подвижной, поверхность

которой была покрыта рябью от тысяч волн и водоворотов. Она искрилась и сияла, так что казалось, будто эта жидкость смеется.

А у одной стороны бассейна плавал в жидкости диск из тяжелого металла. Поверхность его была косо срезана и покрыта сеткой ярких зеленоватых линий. Должно быть, подумал Деккер, это и есть Ключ Гветингримма.

Исса наклонилась и дотронулась до диска. Чуть повернула его кончиками своих длинных пальцев. Казалось, он двигался с трудом, словно жидкость в бассейне сопротивлялась. Когда диск шевельнулся, Деккеру показалось, что он чувствует какую-то слабую вибрацию в воздухе.

— Да, я использую Ключ, — сказал Исса, распрямившись. — Я узнала о нем много, гораздо больше, чем знал когда-то старый Ичачшар... Но я привела вас сюда, чтобы показать, что и зачем я делаю с малюткой Диком. Стойте оба спокойно и постарайтесь ни о чем не думать. Так мне будет легче.

Она положила правую руку на лоб Беккера, а левую — на голову Меган. При ее прикосновении Деккер почувствовал на коже теплые электрические покалывания. Пальцы Иссы слегка шевельнулись, словно она погрузила их сквозь кости черепа в сам мозг. Она замерла, потом кивнула и резко надавила основанием ладони на глаза Деккера.

Возникло ощущение, словно внутри возник странный, мощный круговорот энергии. Деккер почувствовал, как в него проникают чужие импульсы. Сердце его забилось мощными толчками, словно сердце великаны, а конечности, казалось, начали расти, и пронизали их какой-то свет. Одновременно его затопила такая радость, что Деккер едва сумел сдержаться. Ему хотелось громко, ликующе закричать, воздеть в восторге руки к небесам. И с внезапной ясностью он понял, что то, что называлось жизнью, было лишь компенсирующей разновидностью смерти — что до этого момента он был прикован цепями к телу, которое гнило и разлагалось, даже пока еще дышало и двигалось. А теперь он стал по-настоящему живой. Он был как орел, которого долго держали в клетке, и, наконец, выпустили на волю, дали расправить крылья. Он был свободен.

Исса сняла руку с его головы.

— Твоя кость срослась, Дик, — сказала она. — И твое лицо и плечо тоже зажили, Меган.

Деккер, все еще ошеломленный тем, что только что испытал, взглянул на Меган. Громадный синяк на ее плече исчез, кожа лица стала гладкой и блестящей. Деккер принялся развязывать узлы перевязи, державшие шину на его руке. И еще не сняв их, он уже понял, что рука цела и здорова.

— А что почувствовала ты, Меган? — спросила Исса.

— Я почувствовала... — Меган запнулась, на глаза ее навернулись слезы. — Я почувствовала... — снова начала она, затем беспомощно протянула руки. — Ты же знаешь, Исс, что я почувствовала. Ты ешь пищу вечности. Бессмертная Исс! Ты тоже испытываешь эти чувства?

— Да, постоянно. Теперь ты поняла, Меган, почему я рискнула маленьким Диком, моим дорогим мальчиком?

— Поняла, — медленно ответила Меган. — Правильно это или нет, но я не могу тебя винить. Никто из когда-либо живших не смог бы поступить иначе.

Исс кивнула и несколько секунд пристально глядела на нее.

— Когда-то я любила вас обоих, — сказала она. — Дик был моим мужем, а ты, Меган, моей сестрой. Но прежде, чем вы уйдете, я бы хотела сделать тебе подарок, Дик. Я не могу дать его Меган. Ее разум отличается от твоего. Если я что-то попытаюсь сделать с ней, то либо убью ее, либо оставлю идиоткой. Но я могу кое-что дать тебе. Не бессмертие, нет. Это невозможно. Но я могу дать тебе двести, двести пятьдесят, триста лет жизни. Ну как, Дик, примешь ты мой подарок? — Она улыбнулась и вновь поднесла руку к его голове.

Деккер почувствовал, как сладкое ожидание пламенным медом пробежало по его венам. Он, казалось, ослаб от груза тоски и восторга одновременно. И это все будет принадлежать ему — время, пространство, столетие, наполненное сияющей жизнью, более совершенной, чем любое человеческое существование. Все его, его этот замечательный подарок Иссы. Его...

Но часть его разума задала вопрос. Деккер не хотел слышать этот вопрос и все же не мог не услышать: *А что будет с Меган?* Деккер нехотя повернулся и взглянул на нее.

Меган улыбалась ему. Ее милое коричневое лицико светилось от счастья — она радовалась за него. Лишь глаза были слегка потемневшие и печальные. И каким-то образом этот взгляд заставил Деккера вспомнить, как лежала она на палубе «Трипхе» после того, как прошла чангаса. Она была такой маленькой, такой жалкой и беспомощной. И он ужасно боялся, что она уже не начнет дышать. При этом воспоминании в Деккере проснулось что-то странное, что-то чисто человеческое и печальное, что-то, из-за чего то, что предлагала ему Исс, стало вдруг совсем не важным, и этот дар легко было отвергнуть.

Деккер понял, что всегда будет жалеть об этом. Всю оставшуюся жизнь в глубине души он будет мучиться тоской по тому, что Исс предложила ему, а он отверг. Было очень трудно отказаться от этого неописуемого счастья и восторга. Но Деккер смог сделать это. Он повернулся к Исс, уже не испытывая никакого сожаления.

— Я благодарен тебе, Исс, — сказал он официальным тоном, — но должен отказаться от этого дара.

Исса глядела на него непроницаемыми глазами, хотя Деккеру показалось, будто что-то прорвалось сквозь ее отстранение и безразличие.

— Ты отказываешься? Но почему?

— Из-за Меган, — ответил Деккер. — Я не могу принять то, что ты, Исса, можешь дать мне и не можешь — ей. Тогда бы она осталась в одиночестве.

— Она так много значит для тебя? — недоверчиво спросила Исса.

— Из-за одной только женщины ты отказался от трехсот лет жизни? Подумай получше, Дик, что ты делаешь. Что она тебе? Или ты так любишь ее?

— Я не знаю, — неловко ответил Деккер, чувствуя, как его лицо покрывается краской. — Но я не могу принять твой дар без Меган. Это было бы несправедливо.

Лицо Иссы вдруг осветилось изнутри невыразимой нежностью.

— Тогда благославляю вас, — тихо сказала она. — Благославляю вас обоих. Я вижу, что забыла о силе человеческой любви. А теперь, перед уходом, зайдите в пещеру и посмотрите в последний раз на маленького Дика. Скоро он проснется. И прежде, чем он проснется, вы должны уйти.

Она провела их обратно в пещеру мимо Айвора, который стоял у входа. У Деккера создалось мимолетное впечатление о хилом юноше, темноволосом и с темными глазами, чье лицо выражало какое-то ребяческое недовольство. Тогда он еще раз поглядел на своего сына.

— Что случилось? — вскричала Меган. — Он выглядит намного лучше! — Она недоверчиво уставилась на ребенка, лежащего между двумя бледными сгустками света. — Что происходит? Он уже не такой исхудавший, как был только что!

— Теперь он перешел в анаболическую fazu, — пояснила Исса.

— Тело его стало снова расти. — Она повернула выключатель, и сгустки света погасли. — Как видите, ваши страхи не обоснованы. Все идет, как надо. И все будет хорошо. А теперь вам нужно уходить. Он скоро проснется.

Меган заколебалась.

— Шан-я послал нас за тобой, Исса, — сказала она. — Он боится двух вещей. Во-первых, он боится, что ты станешь неправильно использовать Ключ, и в коре планеты возникнут опасные напряжения, которые приведут к катастрофе. А во-вторых, что ты используешь Ключ, чтобы дать бессмертие другим *санедринам*. Он очень боится этого. Он велел нам вернуть Ключ ему, чтобы всего этого не произошло. Шан-я стар и мудр, Исса. Он очень боится этого.

— Передайте ему, — сказала Исса, — что я скоро верну ему Ключ. Ему не стоит бояться. Я обещаю, что буду осторожна и не использую Ключ неправильно. И я никогда никому не помогу,

кроме Дика, отведать пищи вечности. Передай ему это. То, чего он боится, не произойдет. А теперь до свидания, Дик и Меган. И – как там говорят земляне? – удачи!

Деккер и Меган стали спускаться через лабиринт скал. Они прошли уже метров семьдесят–восемьдесят, когда раздавшиеся позади голоса заставили Деккера обернуться.

– …Но ты обещала мне, Иссу! – раздраженно закричал Айвор высоким, хнычащим голосом. – Ты обещала мне. Ты сказала, что, если я помогу тебе с Диком, ты сделаешь бессмертным и меня!

– Ничего я не обещала, – с пугающим безразличием ответила Иssa. – Ты все неправильно понял.

– Но ты сказала… ты хочешь сказать, что не дашь мне его, после того, как я помог тебе? – Голос Айвора был наполнен жалостью к самому себе. – В конце концов, что я сделал не так? Почему ты солгала мне?

– Я не лгала тебе. Ты сам себе лгал, – отстраненно ответила Иssa.

– Ты обманулся, потому что хотел быть обманутым. И даже если я могла бы сделать тебя бессмертным – а я не могу, – то пальцем бы не пошевельнула. Ты не достоин бессмертия. Успокойся, Айвор. Мне не нравится твой тон.

Деккер еще секунду глядел назад. Стычка, казалось, закончилась. Айвор прислонился к скале, всей своей позой показывая недовольство и гнев. Но,казалось, он, хотя и пришел в дурное настроение, но принял слова Иssы. Тогда Деккер с Меган стали спускаться дальше.

Они прошли уже полпути вниз по склону, когда закричала Иssa. Это был прекрасный и ужасный, дикий, нечеловеческий крик, который, скорее, мог бы вырваться из горла птицы. С заколотившимся от внезапного страха сердцем, Деккер резко обернулся.

Айвор наклонился над бассейном, где плавал Ключ, Ключ, который управлял геодезическими электромагнитными токами Венеры, Ключ к Гветингримму. Все тело Айвора выражало торжествующую ярость: Он протянул руку и резко повернул Ключ.

Иssа опять закричала. Из-под скал под ногами Деккера донесся низкий, скрежещущий звук. Он становился все громче, превращаясь в яростный рев. Гветингримм задрожал.

Деккер обнял Меган, чтобы помочь ей устоять на ногах. Раздался толчок, другой, третий… Горные вершины вокруг заплясали какой-то фантастический танец катастрофы. Деккер увидел, как на противоположном краю острова раскрылась расселина, и в нее хлынуло море.

Волна горячего воздуха ударила оттуда. Деккер инстинктивно прикрыл рукой лицо. А там, где стоял Айвор, бассейн запузырился,

закипая. Прозрачная металлическая подложка, на которой покоился бассейн с Ключом, мгновенно раскалилась.

Высокая температура — и не только она, — хлынула во все стороны. Айвор так и остался стоять, склонившись над бассейном с протянутой рукой. Но тело его высыпало буквально на глазах и как-то тускнело. Деккер глядел, как Айвор мягко и невесомо осел вниз. Еще пару секунд его неподвижное тело лежало на камнях, а потом, атом за атомом, кануло в небытие.

Исса, воздев кверху руки, стояла, на краю выступа. С мучительно бьющимся сердцем Деккер понял, почему она ничего не предпринимает. Маленький Дик все еще был в пещере. Она еще могла бы спасти сына. И, конечно, могла бы спастись сама. Но если Ключ не вернуть в нейтральное положение, то силы, разбуженные Айворм, не успокоятся сами по себе, и Венера будет потрясена до самого ядра. Население ужасно пострадает от землетрясений, огненных дождей и приливных волн. Кругом будут разрушения и гибель. И каждая секунда увеличивала вероятность всего этого. Исса должна была принести в жертву свое бессмертие, чтобы повернуть Ключ.

— Бегите! — закричала Исса срывающимся голосом. — Бегите! Я не могу спасти Гветингримм!

Она махнула им рукой, а затем, в развеивающейся белой одежде, бросилась к бассейну. Последнее, что увидел Деккер и что запомнилось ему на всю оставшуюся жизнь, была ее рука, бесстрашно протянувшаяся через смертоносную радиацию к Ключу.

Только когда километра два кипящего моря отделили «Трипхе» от острова, Деккер посмел оглянуться. Позади не было уже фантастически высоких, пронзающих тучи скал, из которого состоял Гветингримм, не было ничего, кроме одинокого монолита. И пока Деккер глядел, монолит подломился, стал крениться и рухнул в бушующее море.

Они уцелели и плыли много дней и ночей через кошмар и безумие. Небеса засыпали их пеплом. Черное море кипело вокруг и испускало раскаленные гейзеры. По нему плавала брюхом кверху мертвая рыба. В дымящемся, зеленовато-желтом воздухе было трудно дышать из-за резкого запаха. Но они пробивались все дальше, пока не очистились от дыма небеса, и успокоившееся море не стало вновь синим. Когда они покинули Западные Течения и направились снова в Хермейю, Меган сказала:

— Не нужно так горевать, Дик. Мальчик... Я уверена, он ничего не почувствовал. Он умер во сне. — Она погладила его по руке, стараясь хоть немного успокоить. — Что касается Иссы, — продолжила Меган после долгого молчания, — что же касается Иссы... — На мгновение голос ее прервался, и Деккер увидел, как задрожали ее губы, но когда она снова заговорила, подбородок

ее был поднят, а голос преисполнен гордости: – Итса поступила нескончанно благородно. Нам не нужно горевать о ней, Она погибла ради других. Она умерла, как подобает умереть *санедрине*.

– Я знаю, – медленно проговорил Деккер.

Он смотрел на гладкую поверхность синего моря. *Разве Меган может понять, что я потерял?* – думал Деккер. Итса была его женой, его первой любовью, но и чем-то гораздо большим. Она была для него, как некая царственная звезда, горящая в небесах, – странная и недоступная в своем бессмертии, но яркая и невыразимо прекрасная. После ее смерти часть небес потемнела. Итса ушла.

Но Меган улыбалась ему. Деккер наклонился и поцеловал ее теплые, нежные губы. У него была теперь Меган. Они были вместе. И без всякого сожаления, они вместе приняли бремя смертных.

(*Thrilling Wonder Stories*, 1950, 12)

Переведено по изданию сборника:

MARGARET ST. CLAIR. Three Worlds of Futurity. ACE BOOKS, INC, 1964

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Джон Б. Харрис (Джон Уиндем). Родился 10 июля 1903 г. в дер. Knowler, Warwickshire, England. Умер 11 марта 1969 г. в Лондоне. Считается классиком английской фантастики паряду с Г. Дж. Уэллсом. На русский язык издано почти все его произведения, кроме нескольких ранних повестей и рассказов.

Артур К. Барнс. Родился 6 декабря 1909 г. в Bellingham, Washington. Умер 11 марта 1969 г. в Los Angeles, California. Великолепный американский фантаст, забытый лишь в силу того, что не был особенно плодовит. Почти все его творчество (кроме нескольких рассказов, которые войдут в тематические сборники и произведений, написанных им в соавторстве с Г. Каттнером, можно прочесть в уже вышедшем в Библиотеке двухтомнике).

Уолтер Кубилиус. Родился 22 ноября 1918 г. в Wilkes Barre, Pennsylvania. Умер 22 сентября 1993 г. на Cape Coral, Lee County, Florida. Писал хорошо, но мало. До сих пор был опубликован на русском лишь один рассказ в сборнике «Опасно: динозавры».

Форд Смит (Оскар Дж. Френд). Родился 9 января 1898. Умер 19 января 1963. В основном работал редактором научно-фантастических журналов. На русский до сих пор не переводился.

Росс Роклин. Родился 21 февраля 1913 г. в Cincinnati, Ohio. Умер 29 октября 1988 г. в Los Angeles, California. Когда-то известный, ныне незаслуженно забытый фантаст. Автор трех романов и многочисленных рассказов и повестей. На русский был переведен лишь рассказ «Благодетели».

Деймон Найт. Родился 19 сентября 1922 г. в Baker City, Oregon. Умер 15 апреля 2002 г. в Sacred Heart Hospital, Eugene, Oregon. Знаменитый американский фантаст. Кроме прочего, представлен в Библиотеке отдельным томом. Переведено примерно 60 процентов его творчества. Остальное ожидает своих издателей.

Маргарет Сент-Клер. Родилась 17 февраля 1911 г. в Hutchinson, Kansas. Умерла 22 ноября 1995 г. в г. Santa Rosa, California. Известная американская писательница, автор восьми романов и свыше сотни повестей и рассказов. Из всего этого на русский было переведено всего пять рассказов.

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика.....	3
Джон Б. Харрис (Джон Уиндем). ВЕНЕРИАНСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ. Повесть.....	5
The Venus adventure, (Wonder Stories, 1932 № 5)	
Артур К. Барнс. ТУМАН НАД ВЕНЕРОЙ. Повесть	61
Fog over Venus, (Fantastic Story, 1955, Spring)	
Уолтер Кубилиус. ПОПУГАИ ВЕНЕРЫ	105
Parrots of Venus, (Super Science Stories, 1942 № 11)	
Форд Смит (Оскар Дж. Френд). ВЕНЕРИАНСКИЙ КОШМАР	111
Venusian nightmare, (Thrilling Wonder Stories, 1944, Winter)	
Росс Роклин. ВЕНЕРИАНСКАЯ ЛОВУШКА	121
Venus sky-trap, (Thrilling Wonder Stories, 1945, Spring)	
Деймон Найт. ТРЕТИЙ МАЛЕНЬКИЙ ЗЕЛЕНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕК.....	153
The third little green man, (Planet Stories, 1948, Summer)	
Маргарет Сент-Клер. ПИЩА ВЕЧНОСТИ	173
Everlasting food, (Thrilling Wonder Stories, 1950, 12)	

Читайте в
следующем томе:

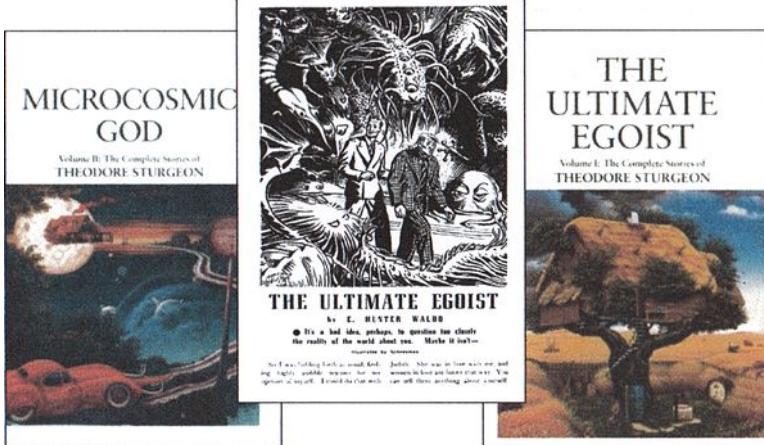
ТЕОДОР СТАРДЖОН

«ВЧЕРА БЫЛ ПОНЕДЕЛЬНИК»

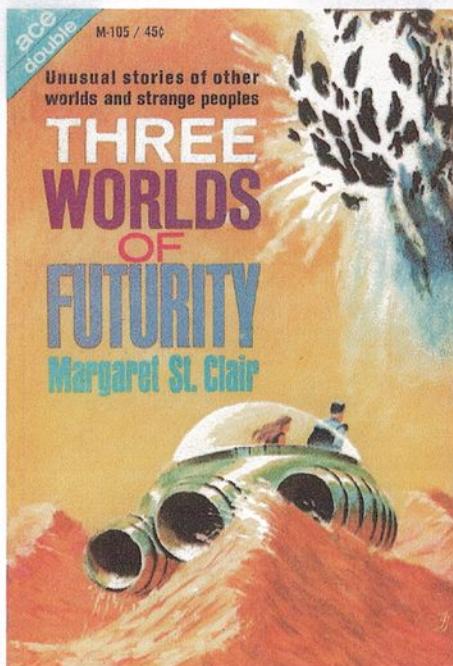
(Том 1. Рассказы 1939-1941 годов)

В первый том двухтомника войдут двенадцать рассказов мастера американской фантастики Теодора Старджона. Старджен издавался у нас немало, но все же на русский язык было переведено всего лишь процентов двадцать его великолепных произведений. Причем, большую часть его творчества составляли не романы, а рассказы и повести, которых в 1990-х годах в США было издано 13 томов. Выпуск двухтомника рассказов Старджона в рамках «БААКФ» – попытка исправить это положение. В первый том войдут ранние произведения, а во второй – более позднего периода. Надеюсь, они придутся по вкусу всем любителям фантастики.

А. Бурцев

Библиотека англо-американской классической фантастики

«ДЕТИ СОЛНЦА»

Туман над
Венерой